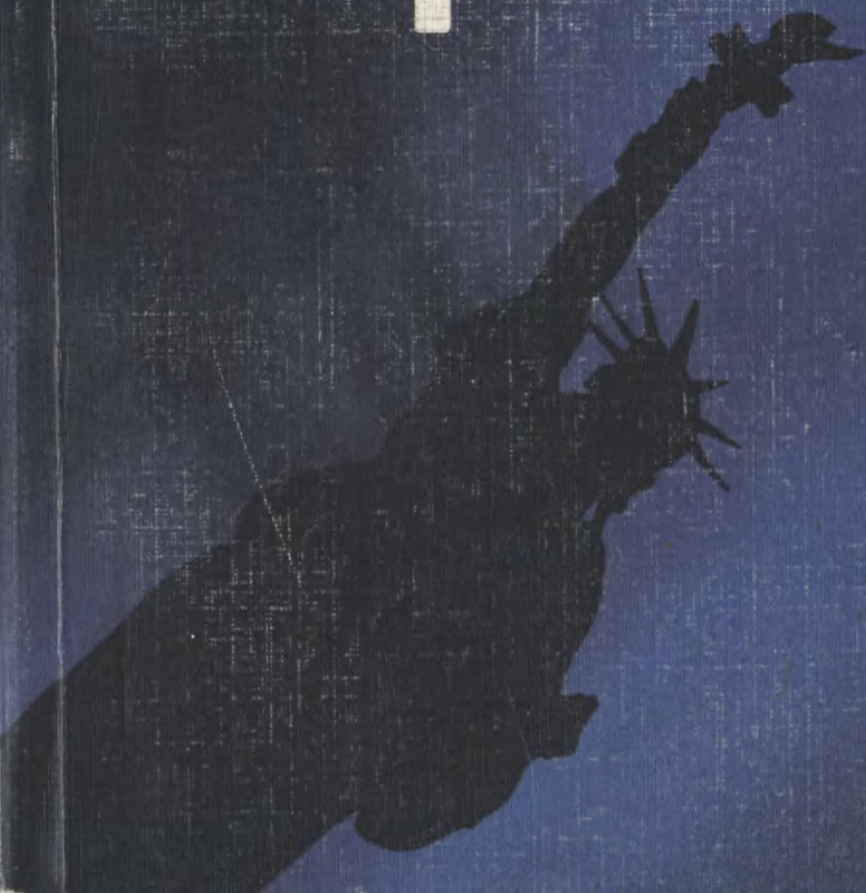

Анри Аллег

SOS, Америка!

Анри Аллег
SOS, Америка!

Henri Alleg

**S. O. S.
America!**

Messidor

Анри Аллег

SOS, Америка!

Вступительная статья Виктора Цоппи

Москва
Прогресс
1987

~~ББК 66.3(7США)~~
А50

Перевод с французского *Н. С. Бордовских*
Редактор *Л. И. Двинина*

12

© Editions Messidor, Paris, 1985

© Перевод на русский язык, вступительная статья «Прогресс», 1987

ОСКОЛКИ МЕЧТЫ РАНЯТ БОЛЬНО

Хорошо, что именно Анри Аллег написал именно эту книгу. Что помог нам понять Америку, американцев. Проникнуть в суть взаимоотношений людей и власти, умов и денег. Уяснить, почему телесказки о «неотвратимой советской оккупации» Америки завораживают — и убеждают! Почему так щедро платят тем, кто эти небылицы рассказывает и показывает, втискивая в размягченное политическим невежеством сознание зверский образ «красного врага».

Главное же, наверное, в том, что, не претендуя на лавры Колумба, Анри Аллег как бы вновь открывает Америку во всем ее величии, во всей будничной противоречивости, мучительной сложности, неповторимости. Новизна взгляда, нестандартность восприятия американской действительности человеком, много повидавшим и пережившим на своем веку, дает нам возможность взглянуть в лицо нашего партнера по совместному проживанию на Земле. Партнера, в котором мы категорически отказываемся видеть только потенциального противника.

Кого еще надо сегодня убеждать в том, что в нашу перенасыщенную стрессовыми состояниями эпоху корректное, непредвзятое, объективное суждение о мире, в котором мы живем и хотим выжить, является элементом нового, новаторского мышления, без которого не выжить? Восприятие довлеющих над процессом исторического развития факторов окажется фатально ущербным, перекошенным, обманным, вводящим в чреватые недопустимым риском заблуждение и

самообольщение, если люди будут пестовать банальные постулаты вчерашнего дня, самоуспокоение или некритически сживаться с политическими и идейными анахронизмами, полагая, что они, как были, так по-прежнему и будут незыблемой отправной точкой для анализа, диагноза и прогноза.

Один американский политический деятель сказал: «Вращаясь, Земля теперь уже окончательно повернулась в сторону социализма». Не возразишь! Однако в результате наша планета планетарно социалистической не стала. Центробежная сила исторической гравитации не столкнула капитализм в доисторическое небытие. Давайте уразумеем: империалистическая система не дышит на ладан, она живет, адаптируется с поразительным чутьем и умением к меняющемуся не в ее пользу миру. Она находится в движении соответственно своим законам. И подчас не без успеха доказывает, что вовсе не исчерпала свой потенциал. Не станем опровергать универсальный, всеобъемлющий трюизм «колесо Истории вспять не повернуть». Но не станем и прекраснодушно игнорировать то очевидное обстоятельство, что частота оборотов того колеса определяется не только нарастающей мощностью двигателя—человеческим прогрессом, олицетворяемым ныне мировой социалистической системой, но и сильным тормозом ретроактивного воздействия, каким обладает международный империализм.

Чтобы сосуществовать, надо существовать. Трагически простая формула. Ее слагаемые легко меняются местами: чтобы существовать, надо сосуществовать. Высший императив эпохи. Он все более властно подчиняет себе политическую волю государств той и другой систем, не оставляя безучастным и мозаично многоликий «третий мир», отнюдь не приемлющий амплуа «третьего лишнего». Эпоха велит государственным деятелям отречься от национального эгоизма и идеократического эгоцентризма, взглянуть в тревожный горизонт, найти в себе силы, волю и мужество смотреть правде в глаза, отбросив зыбкую кисею гипертрофированной самоуверенности.

Сегодня глупо и преступно ставить вопрос времен рыцарских турниров и кулачных боев—«кто кого?». Пора свыкнуться, сжиться с идеей: вопрос о нокауте не стоит и пусть всеобщий арбитр История присудит лучшему победу—по очкам. Это не значит, что противодействующие и противоборствующие стороны обречены—и та и другая—на капитуляцию, на отказ от

своих идеалов, от достижения тех высот, которые служат для них ориентиром. Речь идет о запрете на стремление к недостижимому военному превосходству и к абсолютно немыслимому военному триумфу. Только тогда откроется широчайший простор для мирного, созидательного состязания во взаимодействии и взаимообусловленности, во взаимопонимании, без которого ныне никак нельзя. Колесо Истории не остановить—оно ритмично поворачивается в избранном ею направлении.

Мы сейчас учимся заново смотреть на самих себя—критически, осознавая, что Октябрьская революция не выдала нам бессрочного свидетельства о безупречности—в помыслах и деяниях. Для активного и инициативного участия в той новаторской работе, к которой приступила наша страна, нужна смелость, самоотверженность, дальнозоркость. Но еще и не замутненное никакими атавистическими предрассудками, свежее, сегодняшнее понимание и восприятие мира: ведь не в вакууме мы живем, не в состоянии невесомости, не в блистательном одиночестве.

Соединенные Штаты Америки не единственный наш сосед по «коммунальной» планете, где в тесноте, да не в обиде могли бы жить все... Только вот этот сосед проявляет тенденцию считать одну на всех «квартиру» своим единоличным частным владением. Уверовав в собственную непревзойденность, он настоятельно рекомендует всем жильцам жить в соответствии с разработанным им расписанием, его правилами внутреннего распорядка и межсоседского общения. Приголубливает тех, кто называет себя его единомышленниками (одергивая их при любом проявлении инакомыслия), терроризирует и оскорбляет тех, кто хочет и живет не хуже, чем он (но не по его образу и подобию), пробует читать им нотации. А то и вламывается в чужие пределы, сея смерть и ненависть в интересах американской «безопасности» и, разумеется, американского же благополучия. Сосед, прямо скажем, неудобный. Опасный. На Марс его не выселишь. Отселиться от него тоже некуда. Самое лучшее и единственное, на что можно и должно рассчитывать,—убедить его пойти на мировую, выработать совместно с ним приемлемый для него, и для нас, и для всех остальных «модус вивенди», правила общежития.

В последнее время появились робкие (пока) признаки того, что наш сосед начинает (хоть это и противно его гордыне) понимать, что подобный выход и ему

пришелся бы во благо и во спасение. Нет, «империя святости» не отреклась от претензий на вселенский престол, не отказалась она и от патологического стратегического умысла начать «звездное побоище», видя в нем последнее средство, чтобы поставить человечество на колени. Не смирилась она с аксиомой нашего времени, гласящей, что на любую суперсилу неизбежно найдется адекватная контрсуперсила. И все-таки лед тронулся. Этому способствовал динамизм нашей внешней политики, дипломатии, сообщивший международным отношениям, и прежде всего советско-американским, новые импульсы, придавший им новое содержание.

Ныне мало декларировать неистребимую приверженность миру, прогрессу, свободе. Надо действовать. Действовать исходя из здравого смысла, из скрупулезного анализа соотношения сил, интересов, намерений, всех «за» и «против». Мужественно, не избегая рассчитанного риска, не страшась собственной тени, идти на компромисс, который еще так недавно мы сами считали неприемлемым, не соответствующим нашим принципам, даже аморальным.

Итак, в новую эпоху развития международных отношений стартовал, слава разуму, новый диалог «Восток — Запад», стержнем которого являются советско-американские переговоры. Для того чтобы диалог этот не дегенерировал, не превратился в «разговор глухонемых», его участники должны прежде всего понимать друг друга. Но все это предполагает объективное и достоверное знание друг друга. Знание не только данного досье, положенного на стол переговоров. Знание не только той или иной позиции оппонента. Но и всего генезиса этого досье, всего предшествующего развития этой позиции.

Внешняя политика есть всегда не только отражение, но и продукт политики внутренней. Дипломатия, да и пропаганда наделены функцией интеллектуальной защиты государственного устройства и общественного порядка, устремлений правящего класса, политических институтов, международного престижа страны. Все это не окаменелые категории. Они в движении, в развитии. Нельзя однажды, когда-то изучив их и сделав соответствующие выводы, считать эти выводы неоспоримыми и универсальными на все времена и на все случаи жизни. Это может породить роковые просчеты в стратегии. Анализ должен быть перманентным и адекватным в ритме быстротечного

нашего времени. И в этом смысле Америку необходимо «открывать» вновь и вновь, не вращая во вчерашние стереотипы, обладающие коварной способностью превращаться в кандалы.

Книга Анри Аллега — это репортаж-исследование, к которому автора привела длинная дорога.

А книги могло бы и не быть...

— Вам всего тридцать шесть лет. Вы еще слишком молоды, чтобы умирать,— говорил Анри Аллегу в коротких антрактах между «сеансами» чудовищных пыток лейтенант французских парашютных войск. Коммунист Анри Аллег и сам так думал, ему нечего было возразить палачу. Но вот что он писал в одном из писем из тюрьмы, которые составили потрясшую мир книжку «Допрос под пыткой»: «...Меня вдохновлял бой, в который я вступил без страха и колебаний, меня воодушевляла мысль о том, что если я умру, то умру так, как я всегда хотел умереть,—сохранив преданность моим идеалам и моим товарищам по борьбе...»

1955 год. Героическое сражение алжирского народа за свободу и независимость, которое в 1962 году увенчается победой народа французской колонии над империалистической метрополией, тогда еще только разворачивалось, оказывая усиливающее воздействие на политические процессы в самой Франции, а также на международную обстановку в целом. Товарищами Анри Аллега по борьбе были взявшие за оружие горцы Ореса и Кабилии, феллахи, трудившиеся от зари до зари, кочевники необъятной Сахары, городской пролетариат, интеллигенты демократических убеждений, в том числе и французские, все, кто выступил против колонизаторского лозунга «Алжир—это Франция!», все, кто пришел к окончательному выводу: «Алжир—это Алжир и должен принадлежать алжирцам».

Директор единственной в Алжире демократической и независимой газеты «Альже републикен», Анри Аллег входил в когорту самых активных политических бойцов Алжирской коммунистической партии. В редакции газеты наряду с коммунистами работали люди разных убеждений. Их объединяла главная цель—освобождение страны от колониальной кабалы. На страницах «Альже републикен» свои взгляды излагали и националисты, принципиально далекие от марксистских взглядов, проповедники исламского видения сво-

боды, представители определенной части национальной буржуазии, многие известные алжирские и французские писатели... Кроме «Альже републикен», иной трибуны у них не было.

«Синюю газету» (заголовок «Альже републикен» печатался синими буквами), основанную еще в период Народного фронта во Франции, закрытую при Петене и возродившуюся после разгрома гитлеризма, раскупали быстро. Читали в кофейнях и на базарах... Читали вслух неграмотным, переводя самое важное на арабский или на берберский язык. Газета практически держала монополию на обеспечение не только алжирских и французских читателей, а и всего мира правдивой информацией и потому была главным противником колониалистской пропаганде о событиях и процессах, происходивших в Алжире. Так было еще до первых залпов освободительного восстания, прозвучавших на рассвете 1 ноября 1954 года в горах Атласа. Когда же стало ясно, что это настоящая революционная война, а отнюдь не «дорожное происшествие», мимолетно омрачившее гармоничное сожительство колонизованных с колонизаторами, «Альже републикен» обрела неслыханный дотоле резонанс в общественном мнении. И логически газета превратилась в объект ненависти и гонений со стороны тогдашних официальных властей Франции, издеганных предсмертными конвульсиями ее колониальной империи, и со стороны их панически сатаневших от страха проконсулов по эту сторону Средиземного моря, которое, как испокон веков повелось, пересекало Францию точно так же, как испокон веков Сена пересекает Париж.

Девизом газеты, которой руководил Анри Аллег, были слова: «„Альже републикен“ говорит правду, ничего кроме правды, но она не может говорить всю правду». И, урезанная колониальной цензурой, эта истина все же была откровением для многих, ценнейшим подспорьем для тех, кто искал мотивы набравшего силы освободительного движения, кто хотел усвоить его методы и цели. В условиях войны, принявшей эстафету у Вьетнама, разгромившего французский экспедиционный корпус в битве при Дьен Бьен Фу, агонизировавшая IV Республика во Франции, разумеется, не могла терпеть существование «Альже републикен».

Произошло то, что должно было произойти. 12 сентября 1955 года газету закрыли, но борьба продолжалась. Анри Аллег, как и многие его товарищи,

ушел в подполье. В июне 1957 года его арестовали. Зверски пытали, добиваясь, чтобы он выдал явки, предал товарищей. Его бы убили без суда и следствия, как убивали тогда многих мужественных людей.

Но маленькая книжица «Допрос под пыткой», выпущенная «Издательством Полуночи», основанным французскими патриотами в подполье в годы Сопротивления, взорвала бетонную тайну страшной судьбы Анри Аллега и его соратников по борьбе. Именно этим моментом датируется прозрение многих и многих французов, слепо веривших в благородство и правомерность действий тех, кто на чужой земле насаждал «Свободу, Равенство и Братство» изуверскими пытками, массовыми расстрелами, уничтожением мирных селений.

Французский суд приговорил журналиста-коммуниста к десяти годам заключения. Анри Аллега перевели в тюрьму во Францию. Здесь пыток не было, но терзало бездействие, невозможность принять участие на стороне алжирцев в борьбе, которая с каждым днем становилась все более ожесточенной. Колониализм породил фашизм. Секретная вооруженная организация — ОАС — уже была готова нанести смертельный удар республиканскому строю во Франции.

Анри Аллегу было очень тяжело оставаться в стороне от событий! В 1961 году, проведя в заключении четыре с половиной года из десяти, он совершил дерзостный побег. Алжирская эпопея близилась к финалу, к неотвратимому торжеству свободы. Истекали, как тогда говорили, последние четверть часа на часах длившегося сто тридцать два года колониального господства Франции...

Приехав в 1962 году работать в Северную Африку в качестве корреспондента Московского радио, я познакомился с Анри Аллегом. Встретились в редакции возрожденной «Альже републикен», расположившейся в небольшой квартире некогда импозантного дома, близ порта. Новому Алжиру не было еще и полугода от роду. До сих пор храню магнитофонную запись беседы, в которой участвовали два директора «Альже републикен» — Анри Аллег и Буалем Хальфа, проникновенный поэт-лирик, пламенный публицист, воевавший в департаменте Оран и тоже в свое время бежавший из французской тюрьмы, а также главный редактор газеты Абдельхамид Бензин, писатель, тоже участник боев, прошедший через все муки заточения в колониальном концлагере.

Мои собеседники не столько предавались воспоминаниям о пережитом и выстраданном, сколько размышляли о том, какая титаническая работа предстоит Алжиру, если он хочет, чтобы знамя завоеванной независимости развевалось над истинно независимым государством. Предстояло наполнить конкретным и весомым содержанием слова «народная» и «демократическая» в названии республики, построить сильную самостоятельную экономику, преодолев уродливый перекос в угоду вчерашней метрополии.

Перипетии далеко не прямолинейной истории нашего времени прямо отразились и на далеко не безоблачной судьбе Анри Аллега. Но как бы она ни складывалась, он оставался и остается верен своему жизненному выбору — выбору коммуниста-интернационалиста.

В 1973 году, когда А. Аллег начал работать ответственным секретарем «Юманите», он переехал во Францию и вступил во Французскую коммунистическую партию. В качестве специального корреспондента «Юманите» много ездит по белу свету. Его репортажи из Афганистана, Гаити, США, Канады, с Ближнего Востока, с Филиппин, из социалистических стран написаны рукой мастера, с горячим сердцем, они всегда конкретны, несут им самим добытую информацию, содержат точные, нестандартные обобщения.

Дома же в тихом парижском предместье Палезо его ждет работа над давно задуманным и уже начатым гигантским трудом, посвященным истории борьбы алжирского народа за независимость. Это не мемуары, но глубокое научное исследование. Вместе с ним и под его руководством работает целая группа историков. Основная же тяжесть труда ложится на его плечи и на хрупкие плечи Жильберты, его жены и соратницы, делящей с Анри его нелегкую жизнь.

Книга — три тома «Алжирской войны» — увидела свет в июле 1981 года и сразу стала событием.

Анри Аллег написал о том, что видел. Он видел, как решал империализм вопрос о правах человека в колонизованном Алжире, и не забыл «диалога» на эту тему с лейтенантами, пытавшими его электрическим током. Он был свидетелем множества фактов попрания прав человека в другие времена, в других странах. А сегодня видит, как третируют рабочих-иммигрантов во Франции. И его убеждение состоит в том, что только социализм, руша унижающие человека социальные и национальные стены и перегородки, приносит каждому

члену общества истинное и никем не оспариваемое право быть самим собой.

Несколько лет назад во Франции было много пропагандистского звона вокруг откровенно, запрограммированно антисоветской книжки профессора Сорбонны Элен Каррер д'Анкокс «Расколовшаяся империя». Претендующая на всеученость и сверхпроницательность, эта дама, подтасовывая и перетасовывая бог знает откуда извлеченную «информацию», пыталась доказать (что от нее и требовалось), что решение национального вопроса в Советском Союзе обернулось катастрофой, насильственная «русификация» восстала против Советов всех «инородцев», прежде всего мусульман, и что-де вот-вот произойдет взрыв национализма и от коммунизма останутся «рожки да ножки».

А вскоре после этого была издана книга Анри Аллега «Красная звезда и Зеленый полумесяц», в которой он не полемизировал с автором «Расколовшейся империи»: с клеветой не спорят — ее презирают. Он просто рассказал о нескольких своих поездках в советские среднеазиатские республики. О встречах с «инородцами» — рабочими, землепашцами, учеными, писателями, историками, мусульманскими священниками... В книге все достоверно, все документально, без каких-либо пропагандистских натяжек, доказательно. Как всегда у Анри Аллега. Один мой коллега, много пишущий о различных аспектах национального вопроса в СССР, признался, что «Красная звезда и Зеленый полумесяц», выпущенная в русском переводе издательством «Прогресс», явилась и для него своего рода сенсацией.

Меня всегда поражали — и при чтении книг и статей Анри Аллега, и в долгих разговорах с ним — широта взглядов и широта интересов этого человека, его энциклопедическая эрудиция и острота восприятия современного мира. Он никогда не позволяет себе судить о проблеме, не проникнув в ее сущность, не изучив досконально. Наверное, девизом его творчества, отмеченного высоким литературным талантом, могли бы стать слова из той самой первой, самой личностной и самой трагичной его книги «Допрос под пыткой»: «Все, о чем я здесь говорю, я знаю, я видел, я слышал».

Эту фразу можно было бы предпослать эпиграфом ко всем его работам. Не исключение и книга «SOS, Америка!».

Анри Аллег, будучи в Москве, увлеченно рассказывал мне о своем длившемся полгода кочевье по Соединенным Штатам. Грустнел, загорался, негодовал, смеялся радостно и заразительно, как бы заново объяснял самому себе все, что ему там встретилось, что полюбилось, что огорчило, что удивило, что оттолкнуло. Да, он много знал о США и до этого и, готовясь к поездке, тщательно перечитал об этой великой стране множество серьезных книг, заложил в компьютер своей памяти статистические, исторические, географические, экологические, демографические, социологические сведения. Словом, вооружился, как и положено журналисту, когда он намеревается сказать свое слово о новом для него предмете. Но это предварительное всезнание, полученное из вторых рук, не спасло его от шока при личной встрече с Америкой. Она его поразила. А он ее открыл. Для себя. А теперь и для нас.

Вот фрагменты из нашей беседы.

— А почему, Анри, ты избрал эту тему именно сейчас?

— Ну хотя бы потому, что именно сейчас французы просто затерроризированы размахом пропаганды во славу Соединенных Штатов Америки и их умудренных администраторов. Америка, покончившая с кризисом! Америка—перед новым стартом. Америка—уникальная модель... Америка, Америка, Америка!..

— Уж не значит ли это, что у Франции нет своего собственного призвания, что она неспособна сконструировать свою модель?

— Так и говорят. Франция, мол, слишком много времени потратила впустую на всякую там классовую борьбу, на «левых»—«правых», на «свободу—равенство—братство», на демократию, от которой несет нафталином и которая парализует мускулистый бизнес. Вот и засосало ее. И нет нам, горемыкам, иного выхода, как следовать Америке и срочно освоить ее технологию решения социальных и экономических задач.

— Кое-кто в США даже считает, что Франция уже сделала свой «американский выбор». Газета «Бостон глоб» писала, например: «У мыслящих людей Франции, которым надоели традиционные аргументы и стереотипы, наметился отход от политики. Во Франции усиливается интерес к темпам роста экономики Соединенных Штатов и предпринимателям американского типа. Растет интерес даже к Рональду Рейгану, которым во

Франции кое-кто восхищается потому лишь, что он отменил правительственный контроль над людьми, стремящимися к обогащению... Не становится ли Франция более «американизированной» — то есть более прагматичной и менее идеологической, мыслящей глобально, менее провинциально? Не стала ли она больше интересоваться прибылями, чем политической риторикой?»

— Американская газета, конечно, гиперболизирует, отражая имперские амбиции США. Но зерно правды в этих рассуждениях есть. Потому-то я и решил взглянуть в Америку глазами француза.

— А откуда название книги? Оно было заранее задумано?

— Нет, его не было, пока я сам не перечитал законченный текст.

— Мне, например, в этом названии слышатся два значения. А может быть, и три. Во-первых, сама Америка подает сигнал бедствия, взывая неведомо к кому.

— Есть этот смысл.

— А можно понять и как сигнал тревоги: люди, берегитесь, остерегайтесь Америки!

— Есть и этот смысл. А вот третий мне, честно говоря, в голову не приходил. О чем ты подумал?

— Подумал, что «SOS, Америка!» можно воспринять как мольбу: «Помоги, спаси нас, о великая Америка!» Ведь не только «новые либералы» во Франции ищут и находят в нынешних США пример для подражания.

— Да, пожалуй, это так. Заискивающее, если не сказать, рептильное, отношение к США насчитывает у нас немало сторонников и скорых на обобщения «идеологов». Их часто называют «американской партией», куда вступают все больше новобранцев из разных политических слоев, так или иначе связанных с буржуазией. И это не абстрактное идолопоклонство, не политическая мода. Она отражает довольно стабильную тенденцию к радикальным переменам в нашей стране в соответствии с заокеанским образцом. Вот конкретный пример. Высокая французская делегация едет в Калифорнию, где ей показывают ставшую знаменитой благодаря развитию суперсовременных предприятий Силикон-вэлли — «Кремниевую долину». Все в восторге: вот что нам требуется! Известна тяжелая экономическая ситуация, сложившаяся у нас в Лотарингии: закрываются предприятия, тысячи метал-

лургов, машиностроителей оказываются без работы. Довод—предприятия устарели и не дают прибыли. Значит, их надо ликвидировать! Будет, конечно, нелегко, но как-нибудь переживем. А тогда (и если переживем) построим, как в Калифорнии, новые суперэлектронизированные, экстракомпьютеризированные предприятия. И те же рабочие, которые надрывались на тяжелой работе у раскаленных печей или у скоростных конвейеров, будут сидеть себе в белых халатах и нажимать на кнопки... Как в Америке! Америка, как высказался один из ее страстных поклонников,—это Франция через пятнадцать лет.

Отправляясь за океан, я дал себе слово отбросить любую предвзятость. Смотреть, чтобы видеть. Слушать, чтобы слышать, не подгоняя свежие впечатления под давно сложившиеся стереотипы. Я отдавал себе отчет в том, что я не первооткрыватель Америки—великой державы, от которой многое зависит в современном мире. Я, безусловно, понимал и то, что о ней уже столько написано—и критического, и апологетического. Я не мог не знать, что гений американского народа привел его к вершинам науки, к дерзновенным подвигам в технике. Что средний уровень жизни, достаток среднестатистического американца и сегодня высок. Я смог убедиться воочию, что американцы действительно умеют работать, любят работать! Хорошо, добросовестно, не спуская рукава. Американская деловитость, эффективность в начинаниях, предприимчивость—все это не из области мифологии...

— Сейчас ты скажешь: «Но, однако...»

— Не скажу. Здесь нужен союз «и». Есть и деловитость, и трудолюбие, и все прочее. И есть, сосуществует органически со всем этим Америка огорчающая, неприятно поражающая, даже отталкивающая, в том числе и того, кто хотел бы верить в безгрешие Америки, в святость ее образа жизни, в универсальность ее решений, в ее человеколюбие и миролюбие.

— Словом, страна контрастов.

— Я бы сказал, страна перманентного, а ныне все более ожесточенного конфликта, в котором трудовая Америка несет все больший урон от Америки крупного капитала, все более эгоистичной и жестокой. Как ни тривиально это утверждение, Соединенные Штаты переживают глубочайший, может быть, самый глубокий за всю свою историю кризис—экономический, социальный, политический. Кризис духа.

— Если это только твой вывод, Анри, то в нем нет

ничего удивительного. Какого иного мнения могла бы дожидаться капиталистическая Америка от коммуниста?

— Да, я коммунист. Но это не только мой вывод. Это результат сложения моих репортерских наблюдений и тех оценок, которые давали в беседах со мной сами американцы — люди разных сословий, разного положения в обществе, разных уровней политического сознания. Я многое увидел и услышал. Мне повезло прежде всего потому, что у меня было плоховато с деньгами. Это приравнивало меня к тем американцам, у которых их тоже в обрез. Я не мог останавливаться даже в недорогих гостиницах. И не раз мне давали приют дотоле незнакомые люди, которым кто-то позвонил или написал и сказал, что я хоть и француз и даже коммунист, но человек приличный. Они передавали меня друг другу из города в город, из штата в штат — рабочие, учителя, служащие, газетчики, профсоюзные активисты... Вот так я и узнал многих замечательных людей. Мужчин и женщин. Уже немолодых и совсем юных. Белых, негров, чиканос, выходцев из Азии... Живут они подчас ох как невесело. Тщательно считают свои доллары, очень устают, участвуя в бесконечной гонке за выживание... Но человеческого достоинства не теряют. Они любят свою страну, и тем болезненнее их печаль, разочарование от того, что происходит вокруг. Тем драматичнее их вопрос: куда идет Америка?

На улицах грандиозных городов богатейшей страны стоят каждый божий день нескончаемые очереди голодных. Понутив голову, боясь встретиться глазами, они ждут миску «благотворительного супа» или кусок хлеба с сыром. В одной из таких очередей я видел парня с плакатом на спине: «Рейган, дай мне работу. Сыр я куплю себе сам...»

А сколько других знаков бедствия! В целях экономии государственных средств, например, власти закрыли множество психиатрических лечебниц. Так вот, согласно данным Ассоциации американских психиатров, по улицам городов бродит более миллиона бездомных голодных людей, страдающих расстройством психики, тяжким для них и опасным для окружающих.

— И тем не менее, Анри, быть может, это только крайние, хотя и ужасные в своей крайности, проявления? Конечно же, они не делают чести сегодняшней Америке. Но многие опросы общественного мнения свидетельствуют о том, что в целом американцам живется неплохо, что страной своей они, в общем-то, довольны.

— Думаю, что все не так однозначно. Убежден, что совсем не так лучезарно. Живет ли без тревог, без забот, без раздумий о будущем та среднестатистически благополучная Америка, которой нам положено восхищаться? Нет. Конкретно. Утверждают, например, будто за время первого срока деятельности администрации Рейгана число безработных значительно сократилось и продолжает сокращаться и теперь. Но это только официальная статистика «сокращает» их умозрительно, а вовсе не рост предложений на рынке труда.

— У меня такой вопрос. Знаю, что он сложный, что его не так уж часто ставят в связи с положением в этой самой самоуверенной стране Запада. «Классовый мир» вопреки всем вопиющим противоречиям, о которых ты говоришь, там все-таки еще держится? Может быть, и впрямь американская социально-экономическая система получила от бога эликсир молодости?

— В США я все время задавался этим необъятным вопросом. И пришел, если говорить в двух словах, к мнению, которое, конечно же, на моей личной ответственности: там возникает новая ситуация, в корне отличная от всего, что было прежде. Люди, о которых я говорил и о которых много страниц в моей книге,— это люди (и их миллионы), которые в своем подавляющем большинстве навсегда потеряли работу или потеряют ее завтра в традиционных отраслях американской индустрии. У них отняли право на труд.

Классовый мир, социальная гармония? Сегодня эти расхожие формулы звучат чистым фарисейством и издевательством над теми, кто, стыдясь самих себя, тянет руку за миской «благотворительного супа». А ведь были и у них комфортабельные дома, и были деньги на хороший отпуск, и средства на воспитание детей, и автомобили, и многое другое, что делает жизнь приятной. Тем трагичнее крушение. Тем унижительнее существование—прозябание. Осколки «американской мечты» ранят глубоко и больно. Раньше тоже бывало: закрывался завод на три, на шесть месяцев, потому что на складах накопилась продукция, которую надо было сбыть, прежде чем вновь пустить конвейер. Люди на время оказывались без работы, но знали, что производство будет возобновлено, и ухитрялись как-то прожить. Рабочие чертыхались: «Эта глупая администрация не умеет вести дело... Да-а, хозяин-то наш не семи пядей во лбу...» Но им и в голову не приходило обвинять в этих временных трудностях

Систему, которая, как они полагали, лучшая в мире.

— Ну а теперь?

— Теперь уверенность в том, что невзгоды—от бездарных хозяев и нерасторопных администраторов, а вовсе не от Системы, сменяется сомнением, сомнение—отчаянием, отчаяние—гневом. В легион отчаявшихся, которым не платят пособия и не выдают продуктовых талонов, вступают все новые контингенты людей без надежды, без будущего. Их будущее, заботясь о своем продолжении и всевластии, украла Система. Жаловаться некому, не у кого просить защиты, сострадания. Не на кого подать в суд. Потому что, например, фирма, где ты работал, просто «исчезла», обосновавшись где-то в Азии или Латинской Америке—там труд рабочего в десятки раз дешевле, чем в США. Система подвижна. Система соображает, где и на чьем поту ей доходнее паразитировать.

— Но профсоюзы? Мощные американские профсоюзы?..

— Меня очень интересовала эта проблема. Должен сказать, что даже классовое сотрудничество, которому до сих пор предано руководство АФТ—КПП, уже не спасает от нелегких вопросов.

Я долго беседовал с председателем профсоюза рабочих машиностроительной и аэрокосмической промышленности, членом исполкома АФТ—КПП Уильямом Уинписингером. Он говорил: «На вопрос, какую из организаций вы больше всего уважаете, при каждом опросе общественного мнения американцы ставили профсоюзы на последнее место. На мой взгляд, в этом виноваты сами профсоюзы. Вернее, устойчивый образ «профбизнеса».

В идеологическом плане руководство АФТ—КПП повторяет зады официальной мифологии, которой американцев пичкают со школьной скамьи: страна «свободного предпринимательства», страна «открытых возможностей», страна «справедливости и равенства». Однако все больше трудящихся начинают замечать,—говорил У. Уинписингер,—что в жизни эти лозунги лишены всякого смысла, но они пока не знают, что делать, чтобы выйти из катастрофической ситуации».

Он мне сказал прямо, без обиняков: «Ныне здесь, в США, обвиняется Система. И мы это отчетливо осознаем. Дело не в том, как срабатывает тот или иной экономический механизм. Беда—в Системе».

Много нового происходит в сегодняшней Америке. Пришла, или скажем осторожнее—приходит, в движе-

ние доселе не проявлявшая себя диалектика общественного развития, в которой сплелись взаимоотторгающие друг друга явления и тенденции. Америка вот-вот доведет до совершенства искусственное сердце, с которым и старый человек может долго прожить. И в этой же Америке ни за что, ни про что погибают молодые люди, которым нечем заплатить за операцию по удалению аппендикса...

В профсоюзах в 1984 году было объединено всего 16—17 процентов от числа занятых. Это тоже симптоматично. Предприниматели не желают иметь дела даже с очень покорным профсоюзом, и, если он возникает, они просто закрывают предприятие, перемещая его в другой штат, а то и на другой континент.

Возникло еще одно новое явление в этом далеко не новом процессе конфронтации труда и капитала. Не так давно безработным, голодным, бедным, бездомным всего чаще был негр. И это рассматривали как нормальную вещь — мол, черным на роду написано прозябать без работы или выполнять самые грязные, неблагоприятные, унижительные ее виды. А теперь с каждым днем без работы оказывается все больше белых американцев. Мультирасовое равенство в бесправии. И никакой сегрегации среди ненужных людей, выброшенных на обочину научно-технического прогресса, оборачивающегося для них проклятием.

«Я подчас спрашиваю себя,—сказал как-то видный дипломат Джордж Кеннан,—какой может быть толк в том, чтобы обороняться от мнимых внешних опасностей в то время, как признаки внутренней деградации являются столь очевидными».

— Все так беспросветно, Анри?

— Нет, Виктор. Я увидел много негативного в США, и это превзошло мои худшие опасения. Но позитивные аспекты поразили меня в не меньшей степени. В Америке много, очень много удивительных людей, настоящих подвижников. А ведь там, чтобы бороться за человеческое достоинство, за равенство, за мир вопреки погоне за наживой, вопреки вакханалии всемогущего милитаризма, нужно обладать закаленной волей и большим мужеством. Среди пышного политического бескультурья, в обстановке сознательного оупления интеллекта каждую минуту вам бубнят: «Советы готовятся к войне против США», «Русские вот-вот высадятся...» Но выясняется (к счастью!), что американцы вовсе не обязательно простаки. И на вопрос: «Считаете ли вы, что в ядерной войне могут быть победители и побеж-

денные?» — огромное большинство, 80—83%, без колебаний отвечают: «Нет!» Они уверены, что русские не хотят войны.

Я бы сказал так: в широких слоях общества вопреки тотальной деидеологизации, вопреки обскурантизму, в атмосфере которого американцев воспитывают каждодневно, годами и десятилетиями, верх одерживает врожденный прагматизм. Словом, сегодняшняя Америка претерпевает эволюцию, которую нельзя рассмаривать исключительно как негативную. Есть основания для новой надежды.

— Для оптимизма?

— Да. Но все-таки и обольщаться не следует. Если анализировать эту эволюцию диалектически, нельзя не зарегистрировать тревожные, чтобы не сказать — зловещие, симптомы. Это, в частности — и в первую очередь, — симптомы возникновения фашизма. Он мало похож на тот, который мы познали на своем трагическом опыте в Европе: речь идет не о гитлеровской свастике и не о пучке прутьев с секирой на итальянский манер. В Америке все должно быть по-американски. Бывший советник президента Ф. Д. Рузвельта профессор Бертрам Гросс называет это «благопристойным фашизмом»; он убедительно доказывает, что Америка фашизируется постепенно. Происходит это под сенью таких лозунгов, как «национальная оборона», «защита свободы», «американские идеалы»... Ура-патриотизм, назойливые призывы охранять и чтить знамя — основные аспекты этой реакционной демагогии.

— Многие американцы осознают эту опасность?

— Да. И это симптом положительный. Осознание возможности крайне правого решения заставляет многих занимать активную гражданскую позицию. Бывший сенатор Джеймс Фулбрайт, который настроен очень критически к нынешней администрации, в нашей с ним беседе высказал уверенность, что здравый смысл «прагматического народа, который не обременен идеологией», одержит верх.

— Тебе не кажется, что это всего лишь эпизоды, исключения из правил, мелкая зыбь на в общем безмятежной поверхности, что оспаривание Системы не колеблет Систему.

— Когда я говорю о том, что наблюдал признаки новой ситуации, я далек от мысли, что вслед за зыбью, как ты говоришь, вот-вот грянет шторм. Но Америка меняется и будет меняться дальше. Сигнал «SOS!»,

исходящий от терпящих жизненное крушение миллионов американцев,—это набат, который уже перекрывает самодовольные декларации правящей элиты.

Там, в США, я увидел и полюбил многоликий, открытый и приветливый народ. Именно с простыми людьми, которых не часто увидишь на телеэкране, я беседовал чаще всего. И я писал книгу, думая прежде всего о них. Люди миролюбивые, сердечные, они, несмотря на чудовищное давление, отказываются верить в то, что величие их страны должно измеряться количеством и мощностью ядерных зарядов и что великое предназначение Америки—быть жандармом планеты на службе у транснациональных корпораций. Справедливо гордясь всем прекрасным, что создано их трудом, они сегодня преисполнены тревоги и за себя, и за свою Америку. И мы не можем оставаться безучастными к их тревоге...

У книги «SOS, Америка!» много достоинств. Не стану ее пересказывать. Замечу лишь, она не только регистрирует и констатирует то, что происходит в сегодняшней Америке, но и рассеивает многие наши недоумения, порожденные либо невзыскательными и некритическими, либо «уничтожающими» писаниями, когда несвежие штампы и давно себя дискредитировавшие «окончательные» оценки призваны заменить новизну и самостоятельность восприятия и нестандартность объяснения американской действительности. Можно тысячекратно повторять, что политика правящих кругов США—внутренняя и внешняя—реакционна по всем азимутам. Столь же легко и правомерно говорить о таких «частностях», как соглашательская позиция профсоюзов. Или безработица. Или миллионы голодающих, бездомных, наркоманов. Говорить о военно-промышленном комплексе. И расовой дискриминации. Об антисоветизме... Говорить, не обнаруживая и не сообщая ничего нового, оставляя читателя либо равнодушным, либо наедине с его недоверием.

Соединенные Штаты Америки переживают кризис, но не тот, о котором нам еще в школе рассказывали. А какой? Почтайте Анри Аллега. И сопоставьте его наблюдения с нашими обычными представлениями о Соединенных Штатах.

Понять сегодняшнюю Америку так, как понял ее Анри Аллег,—значит получить возможность прогнозировать и строить взаимоотношения с ней, строго и

беспристрастно оценивая ее реальности, ее империалистические замашки и «интересы», но и чаяния, интересы ее народа, к которому, прочитав книгу Анри Аллега, нельзя не испытать чувство великого уважения.

С Америкой нам и дальше жить в общем доме — на планете Земля. Быть или не быть — нам суждено вместе. Мы утверждаем: быть! Жить, общаться, ценить друг друга, взаимодействовать, дерзать в унисон, открывая новые миры и новые горизонты для нашего, одного на всех, мира.

Когда я прочитал книгу Анри Аллега, у меня возникло ощущение, будто я обрел в США много друзей... Один из таких «моих» друзей сказал Анри Аллегу: «Если вы напишете книгу, скажите в ней, что далеко не все американцы «отвратительны», что есть у нас миллионы людей, которые, как я, мечтают не о грубой силе, но о дружбе и мире...»

Анри Аллег написал хорошую, честную, проникновенную, человеческую книгу. Он выполнил просьбу того американца.

Виктор Цоппи

Статуя Свободы от пьедестала до диадемы долгое время скрывалась под строительными лесами из металлических труб. «Старая дама» — в 1986 году ей исполнилось сто лет — нуждалась в помощи. И речь шла не о косметическом, а о самом серьезном ремонте. Тяжелый вертолет одним махом приподнял факел вместе с площадкой для посетителей. Взамен был изготовлен новый и более мощный. А тем временем (о, как тяжело стареть!) «Свобода», забранная металлической решеткой, более не освещала ни нью-йоркский порт, ни — тем более — весь огромный мир.

Для многих поколений эта статуя была символом «американской мечты», страны «равных возможностей», с распростертыми объятиями принимающей всех угнетенных и отверженных. Она являла собой эмблему молодого континента, где утопающие ныне в роскоши миллиардеры, сказывают, вели отсчет своим состояниям с найденного на улице цента или с дохода от продажи газет. Эмблему огромных пространств, открытых искателям приключений, где каждого, если он смел и упорен, подобно золотоискателям или героям вестернов, ожидает успех.

Несомненно, нынешнее поколение французов имеет менее наивное представление об Америке, чем наши родители, бабушки и дедушки. Они знают, что не все американцы — миллиардеры, что не у каждого из них есть собственная яхта или личный самолет и что миллионы мужчин и женщин живут ниже официальной черты бедности, тщетно пытаясь найти работу, что

очереди за «благотворительным супом» становятся все длиннее, что наркомания, воровство, преступность с лихвой побивают все мировые рекорды и, хотя ку-клукс-клан не в такой степени, как прежде, диктует законы, все же по-прежнему предпочтительнее иметь белый цвет кожи. Однако было бы большим преувеличением считать, что наши соотечественники больше не питают иллюзий в отношении Америки. Подвергаясь со всех сторон каждодневной и методичной пропагандистской обработке, они склонны верить в американский миф, который преподносится им в новой упаковке, более соответствующей требованиям сегодняшнего дня. Разве им не внушают постоянно, что американское общество—это вдохновляющая модель, идет ли речь о «джогинге» или о культуре, о «фастфуд»* или об экономике и политике, модель для подражания практически во всех отношениях. Америка во всех своих ипостасях подается только как авангард нашего «свободного мира», и самое лучшее, что следует делать,—это следовать за ней по пятам. И при этом дают нам понять, что все, что происходит в Соединенных Штатах, неизбежно, подобно перемещению циклонов с запада на восток, повторится и у нас: ведь Америка—это Франция через 10—15 лет!

Чтобы обеспечить такой перспективе благосклонное отношение и даже вызвать стремление приблизить ее, целая толпа политиков и «специалистов» состязается в создании и насаждении мифа—мифа об Америке процветающей, преодолевающей кризис и достигающей с помощью революционных экономических методов, передовой технологии и предприимчивости, достойной первооткрывателей континента, потенциала XXI века. Что могут значить на фоне столь лучезарного будущего какие-то там безработица и голод, от которых, впрочем, страдают десятки миллионов людей? Разве экономисты из Белого дома и сам Рональд Рейган не объяснили, что эти неприятности разрешатся сами собой, если ничто не будет мешать функционировать системе свободного предпринимательства? А раз так, остается лишь сожалеть, что это поступательное движение или, точнее, стремительный бег навстречу будущему тормозится неискоренимой «инерцией мышления» и «непониманием», свойственным некоторым из наших сограждан, особенно трудящимся. Последние и вправду не проявляют особого рвения, когда им

* Готовая еда, потребляемая из упаковки.—Прим. перев.

советуют следовать примеру служащих «Дженерал моторс», согласившихся на 15%-ное сокращение заработной платы. Их точно так же отнюдь не соблазняют проекты «модернизации», которые — будучи направлены в основном на увеличение прибылей — ведут к сокращению рабочих мест, росту безработицы и снижению уровня жизни. Никто не отрицает, что для определенных слоев это тяжело, но, поучает нас Дядюшка Сэм, такова цена прогресса. В соответствии с естественными законами «социального дарвинизма» сильные выживают и процветают, а слабые хиреют и гибнут. Если же вы ставите под сомнение систему, то тем самым льете воду на мельницу коммунизма. Фактом же остается то, что общество делится на «везучих» и «невезучих» или, скорее, на «победителей» и «проигравших», поскольку это внутренне присущее ему свойство, а не временная, случайная ситуация. Понятие «победитель» означает обладание определенными способностями и складом мышления. Будь смелым и иди на риск, имей «идеи» и безбоязненно устремляйся навстречу новому Дикому Западу, этому миру конкуренции и соперничества, уверуй во вседозволенность — и ты станешь «победителем», подобно Рокфеллеру, Джону Уэйну* или Рональду Рейгану. И тогда ты по праву займешь место в кругу элиты, среди богатых и сильных мира сего, и господь тебя благословит. Но если ты из «проигравших», то пеняй только на себя и не говори, что карты были краплеными, демонстрируя свое дурное воспитание.

Такие песни уже слышны в Европе. Во время моих переездов по Соединенным Штатам мне не раз доводилось столкнуться с тем, что всякие «новые идеи», которые нам преподносят в качестве оригинальных наши быстро ориентирующиеся политические деятели и новомодные «мыслители», имеют американские корни. Таким образом, странствуя по Америке, я многое узнал и о моей сегодняшней Франции.

Эта книга вовсе не шарж на Америку, хотя некоторые и будут это утверждать, ссылаясь на то, что я больше пишу о трудной доле десятков миллионов мужчин и женщин, чем о безбедном существовании привилегированных. Да, я действительно не узнал, как живут во дворцах, и действительно не побывал на светских приемах — рядом со мной всегда были трудящиеся и безработные из «другой Америки», той, кото-

* Известный в Америке киноактер. — Прим. перев.

рая тяжким трудом добывает хлеб насущный и которую нам так редко показывают; Америки, которая не дает усыпить себя самодовольными лозунгами и смотрит действительности в лицо. Я проехал Соединенные Штаты от Бостона до Лос-Анджелеса, от Вашингтона до Сан-Франциско, от Бирмингема до Чикаго, от Детройта до Далласа с широко раскрытыми глазами, стремясь ухватить в целом все, что есть удивительного и одновременно ужасающего в этой огромной, обладающей гигантскими возможностями стране. Но главное, я узнал и полюбил ее многоликий, открытый и гостеприимный народ. Я встречался прежде всего с простыми людьми, которые обычно не появляются на телеэкранах,— а не только с конгрессменами и государственными или профсоюзными деятелями,—и именно о них я думал, когда писал эти страницы. Среди этих мирных, сердечных людей гораздо больше, чем принято говорить, тех, кто, несмотря на неслыханный нажим, отказывается верить, что величие их страны измеряется числом и мощностью ядерных бомб и что ее предназначение — быть «мировым жандармом» в угоду интересам транснациональных корпораций.

Справедливо гордясь вкладом, который они внесли в достижения своей страны, сегодня они обеспокоены ее углубляющейся деградацией и с тревогой всматриваются в будущее. Мучительно, подчас вслепую они ищут свой путь и борются за то, чтобы их голос был услышан. В не столь далеком будущем именно им предстоит решить, сохранился ли какой-нибудь смысл в символической статуе, взметнувшей факел над нью-йоркским портом.

Стоит ли говорить, что от характера их ответа будет зависеть и наше будущее.

МЕТРО, ГДЕ ПОСЕЛИЛАСЬ ОПАСНОСТЬ

Насилие так же характерно для Америки, как яблочный пирог для Англии.

(Из газет)

Узкая лестница с черными выщербленными ступеньками ведет к окошечку кассы. За грязными стеклами — служащий, он продает «токенс» — входные жетоны. В плохо освещенном проходе несколько тусклых, покрытых пылью ламп подрагивают на электрических шнурах всякий раз, когда из туннеля вырывается очередной поезд. На путях меж слабо мерцающими рельсами груды мусора: старые газеты, банки из-под пива и кока-колы, обломки шпал, бумажные обертки и т. п. Из мусора выглядывают и не совсем обычные предметы: каркас зонтика, дамская туфля, бейсбольная каскетка. В районе 125-й улицы, на пути к Гарлему, мусором завалены и рельсы. Зато на станции 42-й улицы, в самом центре, почти чисто. Повсюду — и на серых стенах, и на металлических столбах, подпирающих свод, — одна и та же вызывающая улыбку надпись: «Ничего не бросайте на рельсы, мусор может вызвать пожар».

Ступив на перрон, лучше и не пытаться разговаривать: стоит такой грохот, что без крика невозможно сказать и несколько слов. Вагон на ходу так раскачивается, что думаешь, он вот-вот сойдет с рельсов. Когда встречаются или разъезжаются два-три состава («местные» останавливаются на каждой станции, а «экспрессы» часть станций проскакивают), стоит такой грохот, что приходится зажимать уши руками. В толпе пассажиры передвигаются, надев наушники кассетных магнитофонов, включенных на максимальную громкость, или заткнув уши берушами. В газетных киосках на платформе это такой же обычный товар, как и

жевательная резинка. «Беруши, 2 доллара пачка», — написано на табличке.

У молодежи из Гарлема и пуэрто-риканских кварталов другой способ защиты: они не расстаются с запущенными на полную мощность внушительных размеров транзисторными проигрывателями, используемыми и как сиденье. И если батарейки новые, а музыка достаточно ритмичная, им удастся нейтрализовать раздражающее пространство скрежет вагонов, перестук колес, визг тормозов.

Стенки вагонов изукрашены надписями в несколько слоев и приобрели неопределенный цвет. Многие, порой мастерски выполненные «граффити» неразборчивы, но они и писались не для того, чтобы о чем-то оповестить мир. Нет в них и никакой политической подоплеки. Встречаются отдельные слова, снабженные многочисленными восклицательными знаками и протянувшиеся на всю длину вагона: «Душа!» и «Ад!», «Ангел!» и «Дьяволы!»... Попадаются росписи некоей спортивной команды или организованной шайки, терроризирующей «свой» квартал, отметившей тем самым факт своего существования или совместную поездку в метро. Время от времени появится вагон, удивительно чистый на фоне окружающей грязи. Его только что заново покрасили. Слой молочно-серой краски, однако, не в состоянии полностью скрыть прежние художества, а на боковых стенках уже видны следы новых атак «граффитоманов». Обычно они принимаются за дело ночью на станциях и в депо, куда тайно пробираются, и щедро поливают вагоны краской из аэрозольных баллонов. Некоторые при этом расстаются с жизнью, как, например, 25-летний Стюарт Микаэль, застигнутый сентябрьским вечером 1983 года за этим занятием полицейским патрулем, который избил его до смерти. «Жажда риска», — объясняют граффитоманию психиатры, но одновременно для тех, кто таким вот образом играет со смертью, это подсознательное стремление выделиться из толпы, осквернив «подземку» — ненавистный символ их заточения в огромном городе с его бесчеловечностью и презрительным отношением к париям общества «свободного предпринимательства».

Метро — всего лишь фон, декорация, где увидишь толпу, какой нет нигде в мире. Пиджак и галстук здесь увидишь не часто. Преобладают джинсы, тенниски, смятые куртки, а также «сникерсы» * — они унифициру-

* Обувь из ткани на каучуке, кроссовки. — Прим. перев.

ют внешний облик представителей всех континентов. В поездах, пересекающих Манхэттен под землей, много китайцев, которые в основном садятся в районе Кэнел-стрит и едут в направлении Чайна-тауна; негров, возвращающихся в Гарлем и Бруклин; пуэрториканцев, растекающихся в разные стороны на всех остановках после 110-й улицы, где приблизительно начинается «баррио» (латиноамериканский квартал); корейцев, монополизировавших в городе мелкую торговлю фруктами и овощами; свехортодоксальных евреев, с пейсами, в черных сюртуках и больших круглых шляпах, тянущих за собой стайки детишек в ермолках; итальянцев из «Литл Итали» («Маленькой Италии»), располагающейся вблизи Чайна-тауна и Гринвич-Виллидж; гаитян, мексиканцев, арабов, пакистанцев, эфиопов.

Среди них вдруг увидишь, как какой-нибудь престарелый русский, украинец или югослав уткнулся в набранную кириллицей газету. Промелькнет и голубоглазый блондин, вполне возможно принадлежащий к «уасп» («wasp» — сокращение от «White Anglo-Saxon Protestant» — «белый протестант англосаксонского происхождения»), а значит, занимающий в американской социальной иерархии привилегированное положение. Но в метро такие экземпляры растворяются среди множества «американцев-через-черточку» — афро-американцев, мексикано-американцев, итало-американцев, а также американцев еврейского, немецкого, китайского, корейского и так далее происхождения. Эта черточка включает в себе многое, но отнюдь не указывает на принадлежность к аристократии. Кроме того, и среди них нет равенства. В любом случае лучше быть «американцем-через-черточку» с белой кожей, чем черным или смуглым, как испано-американцы, которых еще называют «латинос» и которых так много в этой толпе. Это выходцы из Латинской Америки, в первую очередь из Пуэрто-Рико — «присоединившегося государства», гражданам которого не нужно получать визу на въезд в США. В Нью-Йорке больше миллиона пуэрториканцев (и три с половиной в самом Пуэрто-Рико). Здесь их оказалось так много, что испанский стал в городе вторым языком. Об этом свидетельствуют и валяющиеся под ногами проспекты, газеты, которые читают многие пассажиры, вывески, которых нередко больше на испанском, чем на английском языке. По рекламе тоже можно судить об условиях жизни многих ньюйоркцев, во всяком случае тех, кто пользуется метро. Чаше других

попадаетеся плакат, расхваливающий достоинства ловушки для тараканов под названием «Таракан-отель». На щите очень реалистично изображена кучка угольно-черных насекомых, ломящихся в великолепный, как раз по их габаритам, отель. На английском и испанском надпись: «Войти-то они смогут, но выйти — никогда!»

Когда посещаешь нью-йоркские жилища и видишь завоеванные этими тварями пространства, наглость насекомых, проникающих практически повсюду, — а избавиться от них, видимо, невозможно, — тогда понимаешь, что новые виды «оружия» в этой непрекращающейся битве могут оказаться выгодным бизнесом.

Это, так сказать, тусклая повседневность. Другая же реклама, часто встречающаяся на стенах метро, приглашает помечтать (по-испански или по-английски). Закройте глаза и вкусите «настоящего французского коньяка». Романтическая картина: экзотические пальмы при лунном свете, чернокожий атлет в атласном пиджаке и галстук-бабочке, рядом тоже черная молодая женщина в вечернем платье, на шее нитка жемчуга. Красивые как боги, они, улыбаясь, протягивают друг другу стаканы, мерцающие янтарными бликами. Вот что нужно для того, чтобы забыть о метро и тараканах, поджидающих вас дома. Еще один рекламный плакат призывает не пропустить ближайший тираж местной лотереи. Кругом одни и те же «стегающие» слова: «Попробуйте», «Сэкономьте», «Выиграйте»... Столько-то долларов на таком-то товаре! Такое-то неотвратимое событие обойдется вам дороже, если вы не позаботитесь о нем заранее и не обратитесь в приличную фирму! «Сократите расходы на смерть!» — приглашает «Нептун сосайети». «Самая крупная в Америке похоронная фирма к Вашим услугам: траурные церемонии, кремация, транспорт. Бесплатный проспект высылается по требованию». В самом деле, сказал мне один бывалый человек, умереть в Нью-Йорке стоит намного дороже, чем в Париже. Хороший «рэкэт»! На пристойные, отнюдь не роскошные похороны нужно две с половиной — три тысячи долларов. Неизбежны и «дополнительные» расходы.

Стиснутые в битком набитом вагоне, обливающиеся потом, оглушенные шумом поезда, пассажиры редко отваживаются обменяться несколькими словами, надрывая глотку. Никто не двинется, как пригвожденные они остаются на своих местах, погружившись в себя. Невидящим взором провожают входящих и выходящих. Ни малейшего любопытства к тому, что творится

рядом. Между тем это достойное внимания зрелище. Вот, прислонившись к двери, стоит настоящий Чингисхан — атлет в высоких кожаных сапогах, шортах и розовой сетчатой распашонке, руки и живот — голые. Голова обрита, за исключением тощей длинной косички, спускающейся до талии и схваченной на конце позолоченной заколкой. Большая серьга, кожаные браслеты, а под мышкой — атташе-кейс. Напротив — в плотных облегающих брюках, лазоревой блузке, пояс и отвороты в медных заклепках, цепочки и браслеты, раскачивающиеся в такт движению, веки, губы и щеки накрашены — «чудо-женщина» прямо из Пуэрто-Рико.

Два негра в белых длинных джеллабах, с деревянными мисками в руках пробираются по вагону, стараясь, несмотря на толчки, сохранить равновесие. Они собирают деньги для религиозной секты и продают брошюры с арабскими названиями. Можно подумать, что они прибыли из далекого Томбукту, хотя эти люди всего лишь из Бруклина и постоянно курсируют по одному и тому же маршруту. Приткнувшись в углу, старик заливает свое горе большими глотками прямо из завернутой в оберточную бумагу бутылки. Согласно закону, нельзя распивать алкогольные напитки или пиво «на виду», а так можно выпить, не рискуя ничем и сохраняя душевный покой. Рядом с ним — наркоман с застывшим взглядом и вялыми, как в замедленной съемке, движениями усталился в стекло, где подрагивает его отражение. Другой, откинув назад голову, умудрился заснуть, несмотря на качку. На его голых, вытянутых в проход ногах, о которые не мудрено и споткнуться, роликовые коньки. Молодой негр, сидящий напротив, наигрывает на губной гармошке. Несмотря на все старания, его игра никого не беспокоит: мелодия, едва вырвавшись, тонет в ужасающем грохоте. Грузная дама лет пятидесяти, в сером поношенном пальто, бледная, с потусторонним взглядом, будто она уже отрешилась от мира сего и всех его невзгод, выставила на всеобщее обозрение висящую у нее на шее табличку: «Раскайся, пока не поздно! Читай Библию!»

Никто из этих людей не вызывает у других пассажиров ни малейшего интереса или оживления: полное безразличие.

Когда спускается ночь, метро вдруг превращается в разбойничий притон, и уже у входа вас предупреждают, что место, куда вы спускаетесь, опасное. «Когда нет скопления народа, оставайтесь в этом секторе», —

написано на щите. Едва освещенное пространство, где вам советуют оставаться, отделено от остальной части перрона желтой полосой. Стоя здесь, вы остаетесь в поле зрения продавца жетонов, и, «если с вами что-то случится, он успеет поднять тревогу». Слева и справа от этого прибежища — «терра инкогнита». Здесь царит полный мрак, того, кто сюда попадает, подстерегают всяческие опасности «подземки».

Да и поезд теперь не совсем тот, каким был всего несколько часов назад. Он по-прежнему такой же грязный, на полу все так же валяются обрывки газет и промасленной бумаги, и так же перекатываются при каждом толчке пустые бутылки и банки из-под кока-колы. Но состав, по существу, пуст, и только в двух головных вагонах набились пассажиры. На всех действует успокаивающе, во-первых, само скопление людей и, во-вторых, постоянное присутствие двух полицейских с кольтами на поясе и со всеми атрибутами нью-йоркского «копа» — наручниками, переговорным устройством, запасными обоймами, блокнотом и резиновой дубинкой. То что надо. В октябре 1984 года в метро во время преследования вора была убита первая женщина-полицейский. Ей устроили пышные похороны — три с половиной тысячи ее коллег продефилировали перед ее гробом.

Пребывание в метро небезопасно не только из-за огромного числа совершаемых там преступлений, но и из-за немыслимых условий перевозки пассажиров. В 1980 году правительственная комиссия пришла к заключению, что вследствие неисправности оборудования и неправильной эксплуатации «подземка» представляет собой «смертельную опасность» для обслуживающего персонала и пассажиров. Трещины в рельсах и шпалах, неполадки в тормозной системе даже у совсем новых вагонов могут вызвать крушение поезда и пожары. Впрочем, последние — большие или малые — случаются едва ли не каждый день. Только в течение 12 октября 1984 года произошло шесть пожаров (втрое больше «нормы»). «Тринадцать тысяч пассажиров были вынуждены в спешке покинуть загоревшиеся вагоны. Тысячи других были заблокированы в результате пожаров на линии между Манхэттеном и Бруклином, а также в других местах», — писала 12 октября 1984 года «Нью-Йорк таймс». По меньшей мере 22 человека, в том числе 6 служащих метро, были отправлены в больницу... Считается, что в большинстве случаев пожары возникли из-за самовозгорания

мусора, загромождающего пути, и изношенности электрооборудования... По подсчетам «Интернэшнл геральд трибюн» (24—25.XI.1984), в нью-йоркском метро с января по ноябрь 1984 года произошло 4000 пожаров, в том числе 700 «сильных». Благодаря информации, опубликованной «Нью-Йорк таймс», стало известно, что значительное число поступающих в эксплуатацию вагонов имели дефекты, но «правильно» распределенные взятки рассеяли ненужные сомнения и преодолели все препятствия. Мэр Нью-Йорка Эдвард Коч впоследствии привлек к суду две промышленные фирмы, поставившие оборудование, предъявив им обвинение в получении на сделке около 200 миллионов долларов.

Как бы то ни было, но в Нью-Йорке метро есть. Совсем иначе обстоит дело в других крупных городах Америки. Метро нет, например, в Лос-Анджелесе — третьем по численности населения городе США после Нью-Йорка и Чикаго. В «Эл-Эй», как его сокращенно называют американцы, протянувшемся в длину более чем на 100 километров, передвигаться можно практически только в собственном автомобиле.

В 1935 году в Лос-Анджелесе была превосходная система городского транспорта: 3 тысячи быстроходных, относительно бесшумных и, во всяком случае, не отравляющих атмосферу трамваев. За год они перевозили около 80 миллионов человек на линиях общей длиной 120 километров. Так продолжалось до тех пор, пока «Дженерал моторс» и «Стандард ойл оф Калифорния» не перекупили концессию... чтобы быстро и почти полностью ликвидировать общественный транспорт. Это привело к тому — а такова и была цель, — чтобы все обзавелись собственными автомобилями. В качестве временной переходной меры было организовано несколько линий дизельного автобуса. Сорок других городов таким же способом и по тем же причинам были лишены общественного транспорта к немалой выгоде «Дженерал моторс» и нефтяных монополий.

Подобные финансовые операции квалифицируются американским законодательством как «заговор». В итоге «Дженерал моторс» пришлось предстать перед судом: в 1949 году ее приговорили к смехотворному штрафу... в 5 тысяч долларов! Тем временем продажа автомашин (и горючего) жителям городов, лишившихся автобусов и не располагающих метро, принесла фирмам-«заговорщицам» сотни миллионов долларов.

Так обстоит дело и ныне. В Лос-Анджелесе, как и в других крупных мегалополисах (Питтсбурге, Детройте, Кливленде, Бирмингеме и т. д.), по-прежнему нет общественного транспорта, достойного так называться.

Вашингтон и Сан-Франциско составляют исключение: там имеется настоящее метро—современное, скоростное, чистое и хорошо освещенное. К сожалению, цены за проезд слишком высоки (они варьируются в зависимости от расстояния) и линии метро не были предусмотрены для бедных кварталов. В Вашингтоне (где около 70 процентов населения—афро-американцы) в метро редко встретишь негра. Объясняется это просто: метрополитен существует в основном в кварталах, где живут белые служащие учреждений и фирм столицы. Что касается негров и «латинос», обитающих в гетто, то им остается втискиваться в автобусы.

По этому же принципу проложена в Сан-Франциско линия «BART» (от английского «Bay Area Rapid Transit»)*, которая связывает центр города с Беркли и Оклендом. Чтобы добраться до густонаселенного Ричмонда, где по преимуществу живут негры, нужно еще с четверть часа ехать на автомобиле. Но вам скажут, что местное население обеспокоено проектом продления линии «BART» к их кварталам. «Почему же?—спросит непосвященный.—Разве это не хорошо для тех, кто ежедневно ездит в центр?» «Отнюдь! Если, к несчастью, этот проект будет реализован, для нас, черных и бедняков, это означает переселение, экспроприацию. Сам квартал превратится тогда, как это уже произошло в других местах, в «жилую зону», доступную для тех, кто в состоянии платить высокую квартплату или купить квартиру в «домах-совладениях», которые возведут фирмы, специализирующиеся на недвижимости. Здесь еще никогда не бывало, чтобы линии метро и станции возводились для бедняков...»

Нью-йоркская же «подземка» демократична—она пересекает Гарлем, Бронкс и Чайна-таун. И она такая, какая есть,—мрачная и опасная; она—для бедных. А зажиточная, высокомерная Америка говорит им, что с них довольно и этого.

В доме на Коламбус-Сёркл, 2, что напротив памятника открывателю Америки и совсем рядом с Цен-

* Скоростная транспортная система зоны залива.

тральным парком, расположился Информационный центр Нью-Йорка. Это совсем новое 25-этажное здание — и, значит, не совсем небоскреб. В Информационный центр направляют всех приезжих, желающих получить ту или иную информацию о городе. Здесь вам предоставят статистику: в Нью-Йорке 8 миллионов жителей, 11,5 миллиона с учетом примыкающих пригородов и 16 миллионов — вместе с Джерси, Ньюарком, Паттерсоном, Клейтоном, Пассейиком; протяженность его улиц — 10 240 километров; в городе 100 небоскребов, 65 мостов, 100 тысяч номеров в отелях первого класса, 25 тысяч ресторанов, 370 километров линий метро, ежедневно перевозящего 3,4 миллиона пассажиров.

Но проявляйте в своем любопытстве умеренность! Если вы захотите узнать, каково число безработных, количество непригодных для проживания квартир или порций «благотворительного супа», раздаваемого обездоленным, вам придется самому добывать эти сведения. «Видите ли, — с улыбкой ответит молодая женщина, принимающая посетителей, — мы стараемся информировать людей об интересных вещах... Вы уже любовались силуэтом Нью-Йорка? Восхитительно, не правда ли?» Никто этого не отрицает.

С палубы парома, который перевозит вас от Бэттери-парк, что на крайней точке Манхэттена, через бухту на Стейтн-айленд, открывается фантастическое зрелище. В лучах заходящего солнца небоскребы, как трубы гигантского органа, величественно и первозданно громоздятся вдоль океанского побережья. Эти храмы из стекла и стали как бы возносят ввысь могущество и гений человека.

Конторы, страховые компании, банки, торговые агентства... В этой части Нью-Йорка живет мало людей, и даже те, кому небоскребы принадлежат, живут не здесь. Их роскошные, утопающие в зелени особняки отстоят от этих мест не меньше, чем в часе езды на автомобиле. Другие расположены в красивейших кварталах Нью-Йорка: на Парк- или Мэдисон-авеню. У подъездов домов — швейцары в ливреях с галунами; их обязанность — следить за порядком и принимать посетителей. С небескорыстным смирением они открывают и закрывают двери, подносят багаж богатых жильцов, приветствуют каждого персонально, а в случае необходимости помогают пожилой даме, чьи пальцы унизаны бриллиантовыми кольцами, чтобы она не оступилась. Огромный тент, натянутый от входной

двери до кромки тротуара, куда подъезжают «роллс-ройсы» или шикарные «бьюики», защищает обитателей этих зажиточных мест от дождя и солнца, но прежде всего придает зданию некую исключительность. И даже если хозяева и жильцы дома не Рокфеллеры, наличие швейцара наглядно свидетельствует о том, что здесь живут «приличные» люди.

Главная артерия города, Бродвей, пересекает Манхэттен и тянется на 20 километров. В южной части острова — старый Нью-Йорк. Это прежний центр города, его колыбель. Уолл-стрит, окруженная со всех сторон по-европейски узкими улочками, более всего сохраняет черты прошлого. Немного дальше, если подняться к Кэнел-стрит с ее магазинчиками, торгующими электронной техникой, попадаешь в Чайнатаун, этот Гонконг в миниатюре. Даже закусочные «Макдональд» и «Бургер-кинг» здесь рекламируют по-китайски, а «гамбургеры» поедают среди лаковых миниатюр с изображениями золотых, красных и черных драконов. Чуть подальше начинается Бауэри, нечто вроде гигантского Двора чудес*, где на каждом шагу натыкаешься на торговцев «розничным товаром» (расфасованным кокаином), мелких воришек, которые на виду у всех перепродают свою добычу, всевозможных скупщиков, «подрабатывающих» на наркоманах, нищих, безработных, буквально опустившихся на самое дно, — они лежат прямо на тротуаре среди груд мусора.

Картина меняется, когда добираешься до середины Манхэттена, на перекресток 42-й улицы. Это — помноженная на тысячу Пляс Пигаль. Всевозможные секс-шопы. В жалких пропыленных витринах выставлены пластмассовые атрибуты секса и надувные резиновые куклы. Бары, где обслуживают обнаженные до пояса официантки. Вас приглашают на порноспектакли всех видов, о них оповещает реклама: «Гёрлз! Гёрлз! Гёрлз!», «Беседа с глазу на глаз с обнаженной девушкой — кайф за 50 центов». К более высокой категории «развлечений» относятся «живые картины», когда зритель «живьем» наблюдает любовные забавы. Мода на эти зрелища уже пересекла Атлантику, но до американских мизансцен европейцам далеко.

Изобилие порночтива — фотографий, плакатов, журналов, порой имеющих поразительные названия. Один из журналов называется «Уи» («Да» по-

* Квартал в средневековом Париже, служивший притоном профессиональных нищих. — Прим. перев.

французски). Другой — «Интернациональный пуританин». Юмор? М-да! В одной из витрин — целая серия политико-порнографических романов. Бестселлер — «Кремлевские ужасы». На обложке изображена обнаженная монашка (о чем легко догадаться: крылатка на голове и распятие на шее), которая сносит надругательства двух дико скалящихся агентов КГБ. Их тоже можно идентифицировать: одежды на них нет, но зато на головах есть фуражки с красной звездой, серпом и молотом.

В витринах некоторых табачных лавок (здесь продают также газеты, жевательную резинку, конфеты и шоколад) выставлены все приспособления, нужные для потребления наркотиков. Но не сами наркотики. Разнообразнейшие трубки, кальяны для опиума, лактоза для подмешивания в кокаин, аптекарские весы, шприцы для инъекций. Объяснение простое: закон запрещает продажу наркотиков, но не аксессуаров для их потребления. Время от времени вывешенная в витрине табличка предупреждает: «Здесь не продаются ни наркотики, ни марихуана! Исключено!» Последнее слово подчеркнуто дважды.

Между тем клиенты недолго мучаются в поисках: «товар» — в двух шагах. Здесь же торговцы наркотиками пристают к прохожим, не смущаясь близостью «копа», слоняющегося тут же с револьвером на поясе. Одно из двух: либо он получил инструкцию «закрыть глаза» на происходящее, либо он тоже «в деле» и получает свою долю.

Да и как может быть иначе? Годовая прибыль от торговли наркотиками в стране уступает лишь доходам от продажи горючего. И как избавиться от этого черного рынка, если столько людей заинтересовано в его процветании — от оптовиков, поставляющих наркотики, до торговцев вразнос, от банкиров, «отмывающих» баснословную выручку, до полицейских, которые «ничего не замечают»? Противоречит ли сие нравственным принципам и официальным заявлениям? Конечно, но зато еще как соответствует высшему всеобщему закону: «Make money!» — «Делай деньги!» Деньги делай, но скандала избегай, если же он разразится, замни его как можно скорее. Всем существующим здесь и связанным между собой звеньям контрабандной торговли наркотиками («connections») никогда и ничто всерьез не угрожало, разве что в кино...

В двух шагах от этого Содома и Гоморры, на углу

41-й улицы и Седьмой авеню, стоит чернокожий пастор. Несмотря на жару, он при жилете и галстук. Вокруг него стайка тоже чернокожих юношей и девушек в голубых костюмах (у девушек — белые воротнички). Среди дефилирующих прохожих они дружно славят Христа. Под дробный звук тамбурина, форсируемого усилителем, юноши хором вопрошают: «Иисус! Иисус! Где ты? Где ты?» Вопрос энергично подхватывают девичьи голоса, а затем все вместе, отбивая такт в ладоши и раскачиваясь, скандируют: «Он с нами! Все прекрасно!» В тот момент, когда они умолкают, чтобы перевести дух, пастор взывает к прохожим: «Покайтесь в грехах своих! Покайтесь! Христос любит всех, его любовь больше, чем любовь отца и матери! Он любит каждого из вас больше, чем вы сами себя любите!.. Храните Иисуса в душе своей! Он всегда с вами, как источник тепла! Иисус — лучшее из капиталовложений!»

На противоположном тротуаре трое парнишек извиваются в брейк-дансе. Среди зевак — мужчина лет шестидесяти, по виду настоящий «уасп» — у него розовое лицо, седые волосы, очки в золотой оправе, строгий темный костюм. На плакате, который он зажал в руке, как свечу, выведено: «Мы все — грешники! Молитесь богу! Читайте Библию!»

Ближе к 47-й улице попадешь в квартал ювелиров. Зарешеченные витрины с вмонтированными сигнальными системами. Дельцы вполне современного вида и рядом — бородатые, в длиннополых сюртуках и черных шляпах, будто вышедшие из дореволюционного польского гетто, все они переговариваются на идиш. На запад от Бродвея, между 80-й и 110-й улицами, отгороженный Гудзоном, находится Риверсайд-драйв, где также обитает довольно многочисленная еврейская община. Это зажиточные люди, принадлежащие к так называемому «среднему среднему классу» (в отличие от «нижнего среднего класса» и «высшего среднего класса»). В действительности речь идет не о различных «классах» в привычном для Европы смысле, а только о различиях, произвольно установленных в зависимости от средств существования и уровня жизни.

В этой части города значительно больше магазинов, торгующих «кошерными» продуктами, больше синагог. Нью-Йорк стоит на первом месте в мире по численности живущих в нем евреев. Каждый четвертый житель Нью-Йорка — еврей (2,5 из 11 миллионов). Состоятель-

ные коммерсанты, адвокаты, врачи, люди искусства — они, как правило, обеспечены лучше, чем представители других национальных меньшинств. В прежние времена они приобрели репутацию наиболее активных сторонников либеральных идей и борцов против расизма. Они традиционно считались наиболее надежными избирателями, отдававшими голоса за кандидатов демократической партии. В значительной мере они таковыми и остались: на президентских выборах 1984 года 70% из них голосовали за Мондейла (для сравнения: среди негров — 90%). Однако их социальное возвышение в сочетании с интенсивной сионистской пропагандой, навязывающей им ориентацию на малопонятные интересы Израиля, вызвало перемены в политических позициях многих из них.

В кафетерии на Бродвее я оказался за столиком вместе с очень ухоженной пожилой дамой — светлое платье, шляпка, очки на цепочке. Очень словоохотливая, она начала разговор: «Вы ведь не здешний? Из Франции? О, знаю, конечно! Была там по пути в Израиль. Из Парижа? Вы, случайно, не знаете моего кузена Симона Финкельштейна? У меня дома есть одна фотография: на ней Симон рядом с генералом де Голлем. Ну, с тем, который был во Франции президентом... А я родилась здесь. Мой отец приехал в Америку из Польши, из маленького еврейского местечка, когда ему было семнадцать лет. Я всю жизнь прожила в этом квартале, он так изменился. На месте кафетерия раньше был обувной магазин, и в районе евреев жило намного больше, чем теперь. Заметьте, я не против других людей. И хотя каждый вечер по пятницам я хожу в синагогу, я не согласна с «сверххортодоксами», их у нас называют «хассидим». Эти типы то и дело затевают драки с черными. Что хорошего?! Вы спрашиваете, за кого я: за Рейгана или за Мондейла? Ну так я вам отвечу: за Рейгана. Мне кажется, он что надо. Прежде я голосовала за демократов. Хочу сказать, что совсем не все евреи думают так. Хоть бы и у меня дома — сын с женой посмеиваются надо мной, когда я говорю, что Рейган защищает Израиль и поэтому нужно, чтобы все евреи его поддерживали. Израиль, его дела их вовсе не волнуют, не то что меня. Я говорю им: «Вы, кажется, забыли, что Израиль — наша защита. Исчезни он, и я немного дала бы за нью-йоркских евреев, хотя некоторые из них и приехали сюда вместе с Христофором Колумбом...»

Такова сила пропаганды!

В северной части Манхэттена после 125-й улицы начинается Гарлем с негритянским и латиноамериканским населением — еще более тоскливый, мрачный и грязный, чем другие районы, где обитает простой люд. Но в знаменательные дни, когда, например, сюда приезжает провести митинг Джесси Джексон, Гарлем преображается и начинает бурлить. Тогда десятки тысяч его обитателей выходят на улицы и требуют осуществления их общих чаяний.

Переезжая из одной части Манхэттена в другую, а оттуда в Бруклин, Куинс или на Стейтн-айленд, невольно задаешь себе вопрос: да в том ли самом я городе? От кишашего людского муравейника в Чайнатауне, где торговцы рыбой, лапшой, маринованными утиными лапками расхваливают свой товар по-китайски, до «Литл Итали», с ее лавчонками, «тратториями», церквами и часовнями, витринами, где выставлены четки, распятия, статуэтки святых, попавшие сюда прямо из мастерских Неаполя, и с ее старушками, болтающими на сицилийском диалекте; от Хестер-стрит, где говорят на идиш, а объявления пишут на древнееврейском, до пуэрто-риканского «баррио», где английский — иностранный язык, в мгновение ока переносишься из одной страны, с одного континента, из одной цивилизации — в другую.

Но где же вышедшие из этого «горнила», в котором, как утверждается, сплавились воедино все нации, все расы, прибывшие на Американский континент, где это новое создание — «гомо американус»? Оказывается, это скорее миф, чем реальность; миф, во всяком случае хотя бы уже потому, что из «сплава» — и это даже не нуждается в уточнении — изымаются чернокожие и все прочие «цветные». В обществе, которое постоянно сталкивает на рынке труда все новые потоки иммигрантов, предрассудки и соперничество скорее обостряются, чем стираются, даже среди людей одинакового цвета кожи. Идиллической Америки, где расы и народности слились бы в единое целое, никогда не существовало и до сих пор не существует, хотя и можно отметить отдельные достижения в этой сфере, связанные с особой активностью того или иного национального меньшинства. Гораздо уместнее было бы говорить не о «горниле», а о мозаике, где по-прежнему отчетливо различаются составляющие ее камешки. И то, что характерно для Нью-Йорка, с нюансами относится и ко всей Америке; при этом, конечно, не следует думать, что различные националь-

ные группы живут совершенно обособленно и не оказывают друг на друга какого-либо влияния. Напротив, национальные меньшинства уже «американизировались» или активно «американизируются» под воздействием доминирующей англосаксонской культуры и того, что принято называть «американским образом жизни», привнося в него что-то свое, будь то их язык или национальная кухня. «Американский» язык (особенно в Нью-Йорке) именно таким путем обогатился словами на идиш, которые попадают даже на страницах «Нью-Йорк таймс». Ирландские католики или чернокожие баптисты могут, например, сказать о ком-то «шуцбах» («наглец») или что дело не представляется им «кошерным», желая подчеркнуть его сомнительность. Все американцы независимо от их происхождения привыкли закусывать «цыпленком по-луизиански» и «рибсом» (свининой на ребрышках под соусом), по рецепту негров с Юга. Наряду с национальной «хот-дог» (запеченной в булочку сосиской) здесь едят мексиканские «тортильяс» или «такос» с пряностями (простые кукурузные лепешки или лепешки с начинкой), которые продают замороженными, как и фаршированные карпы «по-еврейски» или «чили кон карне» (мясо под соусом из перца чили). И это поразительное скопление людей, приехавших из разных стран, это более или менее гармоничное и в то же время противоречивое взаимодействие их культур, несмотря на некоторые уродливые проявления, придают Нью-Йорку и некоторым другим городам Америки исключительную привлекательность.

Но кем бы по происхождению они ни были и где бы они ни жили—в Гарлеме, Бронксе или Чайна-тауне,—едят и пьют они «по-американски», то есть так, словно заправляют автомобильный бак горючим. Очень быстро и где попало,—на улице, где с передвижных лотков продают «хот-догз» и «бегель» (завезенные евреями-эмигрантами из Центральной Европы лепешки), в метро, в кинотеатрах... На дверях магазинов часто увидишь объявление с просьбой к посетителям доесть бутерброд или мороженое, перед тем как войти. Целая сеть закусочных называется «Ит энд ран», что с некоторым нажимом можно перевести как «поешь и выкатывайся». Во Франции от такой вывески у любого клиента случился бы заворот кишок.

Впрочем, американцы знают, что для наших сооте-

чественников еда нечто совсем другое. Вот почему предусмотрительные владельцы ресторанов, даже если они мексиканцы, объявляют свои заведения «французскими» и подыскивают для них подходящие названия. Так возникли «Париж» и «Версаль», «Лафайетт» и «Барбизон», «Мадлен» и т. п. Больше заботясь о том, чтобы выглядеть оригинальным, чем о правилах французской грамматики, торговец деликатесами назвал свой магазин «У прекрасной гурмана»... Наверное, в Нью-Йорке первые блинные появились благодаря бретонцам — их довольно много в «настоящем» французском ресторанном бизнесе. Но впоследствии блинные захирели, так как блины уступили место мексиканским «такос». Рогалики-«круасаны» также претерпели изменения и превратились в некие «круасандвичи» (в разрезанный пополам рогалик вкладывается ломтик сыра или сосиска, а иногда — и то и другое). Любой сыр, конечно, тоже зовется по-французски. Так, например, камамбер продается с этикеткой «Жанна д'Арк», снабженной пояснением: «Настоящий французский сыр». На крышке коробки, в 10 раз превышающей по размеру упаковку обычных нормандских сыров, Орлеанская дева в доспехах и на коне, с развевающимися на ветру стягом, преследующая противника на ковбойский манер. Это — Америка! И разумеется, соус, который подается к «гамбургеру», «хот-дог» и прочим блюдам, тоже «французский». Это «френч дрессинг» (нечто вроде жидкого майонеза), заключенный в пластиковый или металлический пакетик наподобие кетчупа.

Нью-йоркская улица своей грязью и очевидной бедностью прохожих походит на метро. В любое время суток на тротуарах навалены огромные мешки из черного пластика. Они загромождают половину первого этажа. Битком набитые урны и металлические мусорные баки простаивают целыми днями в ожидании мусорщиков. На улицах Гарлема и «баррио» они появляются реже, чем в районе Центрального парка. Город «производит» ежедневно около двадцати тысяч тонн мусора, и говорят, что неизвестно, куда его девать. Свалка на Стейпн-айленд уже переполнена. Городское санитарное управление предложило построить семь новых предприятий по сжиганию мусора, которые смогли бы превратить в электрическую энергию 80% отходов. Но это обошлось бы в три миллиарда

долларов, а Нью-Йорк и так в целях экономии сократил число мусорщиков*. Чего уж там!..

На проезжей части и на тротуарах полно выбоин и ухабов, поэтому рекомендуется смотреть под ноги. Муниципалитет несет ответственность за вывихи и сломанные ноги (теоретически его можно привлечь к суду) лишь в том случае, если о наличии ямы было сигнализировано заранее. В сентябре 1984 года мэр города Эдвард Коч во всеуслышание заявил, что за время его деятельности во главе городских властей было заделано миллион выбоин, однако он ничего не сказал о том, сколько за тот же период появилось новых. Объявив войну против загрязнения улиц всевозможными отбросами, он развернул «антибаночную кампанию». Ежедневно сотни тысяч жителей Нью-Йорка, опорожнив банку «коки» или пива, бросают их где попало. Так мэру пришла в голову идея платить по пять центов за каждую сданную банку. Двадцать банок — уже доллар. Сперва этим делом занимались мальчишки, но вскоре их вытеснили взрослые конкуренты. Множество безработных, а также не получающих пенсию стариков (а их сотни тысяч) каждый день отправляются на охоту за пустыми банками. Они потрошат даже мешки с мусором, содержимое которых остается на тротуарах. Коч, видимо, не предвидел таких «последствий», но нельзя же приставить к каждой мусорной свалке по полицейскому.

Между тем «охотников за банками» становится все больше. Они бродят по улицам, волоча за собой огромные пластиковые мешки с «добычей». «За день я набираю до двухсот банок, — рассказывает мужчина лет пятидесяти, явный выходец с Юга, больше года не имеющий работы. — Я выручаю десять долларов — на пропитание и крышу над головой. Но, знаете, надо ходить, ходить без передышки, ведь этим промышляют многие. А это тяжело...»

У входа в супермаркеты ряды специальных автоматов, заглатывающих пустые банки, а на светящемся табло появляются число принятых банок и причитающаяся за них сумма. Сборщики с мешками у ног терпеливо ждут своей очереди. Когда закладывают по двести банок, операция затягивается. Перед одним из автоматов сгорбленная старушка — в выцветшем пуловере и потрепанных джинсах — наклонилась над своим мешком. Распрямляется, закладывает в автомат оче-

* «The New York Times», 21.IV.1984.

редную банку, и после глухого щелчка на мерцающем табло появляются дополнительные пять центов. Женщина вновь наклоняется, достает еще одну банку, отдает ее машине, и так до изнеможения. Получив деньги, она сворачивает мешок и, согнувшись вдвое, снова отправляется на свою изнурительную «охоту» по нью-йоркским улицам.

Подобные сцены можно наблюдать у каждого из этих автоматов, столь совершенных, что они отсортировывают банки из-под «кока-колы» от банок из-под пива и отказываются выдавать деньги за сосуд, в котором содержалось нечто, не имеющее отношения к безалкогольным напиткам (нельзя же поощрять алкоголизм!). Кто осмелится утверждать, что будущее не принадлежит электронике? Удивительная страна Америка—она позволяет своим старикам умирать от голода, но при этом снабжает их сверхсложными автоматами, глотающими пустые банки.

«Я приехал из Италии более пятидесяти лет назад. По профессии портной. Хорошо зарабатывал. Раньше действительно было хорошо. А сейчас... Видите, что они сделали с Нью-Йорком?» В строгом костюме—белая сорочка, темный галстук, возможно, слишком опрятный для окружающей обстановки—старый господин, поджидающий поезда на пустынном перроне, грустно качает головой. Станция расположена неподалеку от Южного Бронкса, развороченные улицы которого видны через ограду. Можно подумать, что только что окончилась вторая мировая война и ты находишься среди руин пострадавшего от бомбежки города, куда к тому же свалили тысячи тонн мусора. На километры и километры тянутся улицы, по обеим сторонам которых стоят каркасы выпотрошенных домов с выломанными дверями и почерневшими от пожаров стенами, с готовыми рухнуть лестничными клетками. В продуваемых всеми ветрами комнатах на стенах еще видны старые обои, а во дворах догнивают горы немыслимых отходов и нечистот.

В этой пустыне из обломков, камней, ржавых кузовов и старых покрышек, где хозяйничают полчища крыс, есть и обитаемые оазисы—в Южном Бронксе насчитывается около миллиона жителей: 51% из них—латинос, преимущественно пуэрториканцы, и 43%—чернокожие. С 1970 по 1980 год число его обитателей

сократилось почти на 37%*. Одновременно усиливался процесс упадка этой части Нью-Йорка, связанный прежде всего со всеобщим обеднением населения. Хозяева, не получая от этих домов прибыли, бросали их на произвол судьбы. Муниципалитет, располагающий в этом районе 300 жилыми зданиями с умеренной платой, тоже ничего не может сделать. И сегодня дома превратились в руины и трущобы, в то время как в Нью-Йорке 60 тысяч бездомных спят на улицах или в случайных убежищах**.

В северной части Манхэттена, в Восточном Гарлеме, близ 96-й улицы и вдоль Лексингтон-авеню, пустует и начинает походить на Бронкс еще один район. Упадок этих кварталов и состояние, до которого они доведены политикой властей, — благодатная тема для предвыборной кампании, и кандидаты от демократической и от республиканской партий охотно используют ее. Так, например, в 1977 году Джимми Картер совершил осмотр Южного Бронкса в сопровождении целой армии журналистов и кинооператоров. Движимый душевным порывом, Джимми пообещал миллиард долларов на его обновление. Квартал ждет этот миллиард до сих пор.

В ходе избирательной кампании 1980 года Рональд Рейган тоже не преминул посетить эти места. Обращаясь к толпе, не скрывающей иронии, он сказал: «Пока не стану президентом, я ничего не смогу для вас сделать. Да поможет мне господь бог!» Президентом-то он стал, но... Единственное напоминание о визите обоих президентов — гневная надпись на стене развалившегося дома: «Невыполненные обещания», а точнее — разбитые надежды. Разбитые. Как улицы, как дома, как жизни обитателей этого огромного района.

Участь Южного Бронкса отнюдь не исключение. Это лишь символ упадка большинства крупных городов Америки, возможно, наиболее очевидное проявление глубокого кризиса, поразившего американское общество в целом.

На протяжении нескольких лет Нью-Йорк «растерял» свою промышленность. С 1969 по 1975 год вследствие закрытия или «утечки» предприятий в другие штаты или за границу город потерял полмиллиона рабочих мест. Каждый пятый житель Нью-Йорка живет

* «Daily World», 12.IV.1984.

** Ibid., 18.VIII.1984.

ниже официальной черты бедности, и эта статистика примерно одинакова для самых разных городов. В таких условиях финансовые поступления в городской бюджет, который формируется в основном за счет налогов, значительно сократились и более не покрывают расходов: в течение того же периода (1969—1975 гг.) ежегодные доходы Нью-Йорка уменьшились на полтора миллиарда долларов. Муниципальные власти поэтому вынуждены занимать деньги, и чем больше они занимают, тем глубже залезают в долги (нечто подобное происходит со странами «третьего мира»). Уже теперь 20% годового бюджета Нью-Йорка идет на покрытие процентов, которые город выплачивает банкам, предоставившим ему кредит. В 1975 году муниципалитет оказался на грани банкротства, потому что не мог найти 500 миллионов долларов, которые срочно требовались для покрытия предыдущих долгов. В конце концов группа финансистов во главе с Дэвидом Рокфеллером одолжила деньги, потребовав взамен установления полного контроля над городским бюджетом. Под их давлением муниципалитет Нью-Йорка в первую очередь приступил к сокращению расходов на социальные нужды. Многие больницы (в частности, для наркоманов), клиники, дома для престарелых, детские учреждения были просто-напросто закрыты. 43 тысячи муниципальных служащих, в том числе учителя, работники служб здравоохранения и борьбы с пожарами, уволены. Было отменено льготное поступление в Нью-Йоркский университет—явление для США и так исключительное. Несколько раз подряд была поднята и без того высокая плата за проезд в городском транспорте. Жителей города обложили новыми налогами.

Именно это состояние экономики и предопределяет упадок Нью-Йорка и других больших городов. Квартираторы, часто оказывающиеся без работы, не могут выплачивать ежемесячную квартплату, которая к тому же постоянно растет. Домовладельцы, сталкиваясь с сопротивлением жильцов, а иногда с забастовками против повышения квартплаты (как, например, в 1975 году), по мере того как скудеют их доходы, отказываются содержать дома в порядке, им выгоднее от них отделаться... С каждым годом дома так ветшают, что более или менее состоятельные жильцы предпочитают выехать из этих все менее пригодных для жилья кварталов и поселиться на новом месте. Опустевшие квартиры тотчас занимают неработающие

и не имеющие профессии люди, которые, чтобы существовать, пускаются на разного рода «делишки», постепенно скатываясь в разряд мелких гангстеров, перепродавцов наркотиков и всевозможных жуликов. Количество краж, грабежей, изнасилований стремительно растет, страх охватывает всю округу, и оставшиеся обитатели покидают квартал за кварталом, а район постепенно превращается в «ничейную землю». Так, в «рекордном» 1973 году в Нью-Йорке было брошено по меньшей мере 100 тысяч квартир, в Филадельфии — 30 тысяч, 12 тысяч — в Балтиморе и 10 тысяч — в Сент-Луисе. К 1975 году в Нью-Йорке пустовало в целом более 400 тысяч квартир, то есть за восьмилетний период он терял ежегодно в среднем по 50 тысяч квартир.

Однако домовладельцы выпутываются из этого положения гораздо легче, чем можно было бы подумать: они предпринимают свои меры предосторожности, на протяжении многих лет не выплачивая, например, налогов государству и городу. Иные из них даже умудрялись присваивать плату за воду, газ, электричество и отопление и, не оплатив счетов соответствующих компаний, обычно «исчезали», перепродав свое владение ловкому и хорошо информированному дельцу, который ждет момента «реабилитации» квартала, чтобы начать здесь новое строительство.

Разумеется, это строительство не везде возможно, но в некоторых местах новые административные здания и фешенебельные жилые дома, принадлежащие группе владельцев, к величайшей выгоде спекулянтов недвижимостью возникают. Именно это ждет Восточный Гарлем, где Дэвид Рокфеллер, который возглавил смешанную компанию банкиров и представителей властей Нью-Йорка, намеревается, как он объявил в апреле 1985 года, купить участок земли для строительства 500 квартир экстра-класса. Муниципалитет, глава которого Эдвард Коч никогда ни в чем не может отказать Рокфеллеру, решил вложить в реализацию проекта 52 миллиона долларов. Остается «расчитать» место застройки, иными словами, выгнать последних жильцов. В этом деле могут помочь «понятливые» чиновники, которых всегда «удается» найти. Дельцы не относятся к породе людей неблагодарных: они не забудут «вспомнить» о тех, кто умеет, не «погрязнув» в соблюдении закона, удовлетворять потребности бизнеса.

Вот как это обычно происходит: административные службы принимают решение об экспроприации выбранного участка, выплачивают компенсацию владельцам, сгоняют — если понадобится, то и силой — жильцов с этих мест, а затем за бесценок перепродают участок заинтересованным фирмам. Муниципальные и федеральные субсидии в случае необходимости заткнут финансовую брешь. Таким вполне «легальным» путем миллиарды долларов перекачиваются из общественных в частные сейфы, а проблема обеспечения жильем самых бедных семей не получает никакого решения. Бывший сенатор, председатель национальной комиссии по проблемам градостроительства Пол Дуглас, подводя итоги проведенного по этому вопросу обследования, пришел к заключению, что действия правительства по реконструкции городов «способствовали тому, что домов, в которых жили неимущие, было разрушено больше, нежели для них построено».

Некоторые домовладельцы ухитряются извлечь выгоду по всем статьям: им не только удастся продать за приличную цену обветшалые, пришедшие в полную негодность постройки вместе с принадлежащими им земельными участками, но и получить деньги по страховке «на случай пожара» в их владении. Ежегодно добычей огня становятся тысячи домов. В 1974 году в Южном Бронксе было зарегистрировано 12 300 пожаров (по 30—35 каждую ночь). В двух случаях из трех страховым компаниям не удастся доказать, что речь идет о поджогах. В 70-е годы поджигателями чаще всего оказывались подростки, выполнявшие «заказ», который обходился клиенту в 3—10 долларов за каждый поджог. С тех пор «расценки» возросли. Для выполнения по-настоящему «серьезной работы» клиент может предпочесть услуги «профессионалов». В этом случае сделка с шайкой «специалистов» обходится примерно в 2 тысячи долларов и больше — в зависимости от суммы страховки. К ответственности привлекаются едва ли 2% виновных или подозреваемых лиц. Индустрия поджогов процветает: за десять лет в целом по стране их число возросло на 400%, что означает множество убитых и раненых людей, множество разрушенных зданий.

На сегодняшний день первенство в этой области у Нью-Йорка оспаривает Бостон. Его мэр Реймонд Флинн, который был инициатором создания групп противопожарного патрулирования в «огнеопасных» квар-

талах города, утверждал, что в 1983 году в Бостоне было совершено по меньшей мере 500 умышленных поджогов, в которых 27 человек погибли, а 287 получили ожоги и ранения. В 1982 году (по последним статистическим данным) на всей территории Соединенных Штатов было арестовано 16 900 поджигателей — ничтожная цифра по сравнению с числом пожаров.

Однако пожары — не самое страшное бедствие для обитателей гетто. Царящая там преступность пострашнее огня. Хотя среди развалин Бронкса по сравнению с другими местами украсть можно меньше, статистика ограблений здесь в 3 раза выше, чем в других районах. Жертвами преступлений чаще становятся бедняки, чем богатые. Число убитых негров намного превышает число жертв среди белых: в 7 раз больше женщин и в 10 раз — мужчин. Что касается самих убийц и воров, то они тоже в основном из бедной среды. Роберт Д. Ди Грация, занимающий высокий полицейский пост в Бостоне, отмечал: «От широкой публики мы скрываем одну из наших маленьких грязных тайн: преступления, повергающие граждан в ужас, являются главным образом продуктом безработицы, нищеты, распада семей, невежества, наркомании, алкоголизма и других социально-экономических бедствий, против которых полиция бессильна или почти бессильна...»

На самом же деле эта «маленькая грязная тайна» общеизвестна, но о ней предпочитают не говорить, ибо она с беспощадной логикой приводит к мысли о том, что в этом «образцовом обществе свободного предпринимательства» не все идет гладко. Как отмечал бывший экономический советник Рузвельта и Трумэна, писатель, профессор Бертрам Гросс, «большинство ограблений и квартирных краж является своеобразной мерой восполнения недостающих рабочих мест, которые индивидuum в условиях отсутствия нормальной работы обеспечивает себе сам».

Но это не единственная причина чудовищного роста преступности в Соединенных Штатах, и если в этой области они побили все рекорды — и намного, — то это произошло потому, что социальные язвы, присущие воплощаемому ими типу общества, проявляются глубже, чем в других странах. Целые слои американского населения, которые в силу своей многочисленности никак нельзя отнести к «маргинальным», живут сегодня только за счет воровства, преступлений, контрабан-

ды. «Этот иной «способ жить»,— читаем мы в учебном пособии по социологии Университета Беркли,— является привычным для значительной части обитающей в гетто молодежи, которая не находит иного приложения своим силам, как только в этом секторе «нелегальной экономики», структурно включающем различные виды преступности».

Только в 1980 году в стране было зарегистрировано около 25 тысяч убийств, тогда как в 1970-м — 17 тысяч и 8 тысяч — в 1950 году. Число их неизменно растет, и по сравнению с Францией оно в десять раз выше. В 1982 году американская полиция арестовала более 10 миллионов человек по обвинению в кражах и других посягательствах на собственность, из которых 1,7 миллиона — за «тяжкие преступления» (убийства, изнасилования, вооруженные нападения, взломы, поджоги и т. п.) *. В 1984 году был побит другой рекорд — по числу смертных приговоров. В апреле этого года их было 1200 (в том числе к смертной казни были приговорены 500 негров, 13 женщин), что на 13% больше, чем в 1983 году.

Несмотря на внушительное число арестов, огромный процент преступлений остается безнаказанным. По свидетельству чиновника министерства юстиции, ежегодно в уединенных местах, на свалках, в скверах, на пустырях работники полиции обнаруживают около 4 тысяч трупов, которые не удастся опознать. В 1983 году остались нераскрытыми более 4 тысяч убийств (или 18% их общего числа). В том же году в Калифорнии из зарегистрированных 3 тысяч убийств удельный вес нераскрытых преступлений возрос до 30% **. С десятков лет назад ФБР, обожающее статистику, заложив полученную информацию в компьютер, получило и опубликовало следующие уточненные данные: каждую минуту на территории Америки совершается одно крупное преступление; каждые 26 минут происходит убийство, каждые 9 минут — изнасилование, каждые 65 секунд — вооруженное нападение, каждые 5 секунд — «обычная» кража, каждые 32 секунды — угон автомобиля. Так было в 1975 году. Никому еще не пришло в голову «освежить» эти красноречивые цифры применительно к сегодняшнему дню. Очевидно только одно — кривая преступности неуклонно идет вверх.

* Statistical Abstract of the United States, 1984.

** «San Francisco Chronicle», 2.V.1984.

Впрочем, не обязательно обращаться к статистике, чтобы убедиться, что американцы не преувеличивают, когда говорят, что ходить по улицам—особенно по улицам Нью-Йорка—опасно. И лучше не пренебрегать их рекомендациями: «Выходя из дома, не берите с собой ничего ценного, в том числе больших сумм денег. Однако в наружном кармане, на самом виду, непременно держите 5—10 долларов. Вы можете нарваться на наркомана, когда у него «кризис», готового за «дозу» на все. Если на вас напали, главное—не опустить руку во внутренний карман. Напавший может подумать, что у вас оружие, и выстрелит. Лучше отдайте ему приготовленные заранее деньги. Не иметь этой небольшой суммы тоже опасно, так как преступник может выстрелить со злости».

Страх—ваш постоянный спутник в Нью-Йорке. Вы останавливаете прохожего, чтобы спросить дорогу, и замечаете, что сперва он отшатывается. Первая его реакция—защитная. Успокоившись, он очень любезен: «Вы ищете Хестер-стрит? Пройдете квартал, поверните направо—и вы на месте. Но лучше поверните за вторым кварталом: первая улица опасна...» Бросив на ходу взгляд на эту улицу, убеждаешься в правоте прохожего. Действительно, выглядит она зловеще: мрачные, грязные дома, некоторые заброшены, выломанные двери и окна. На ступеньках—одетые в рвань, гривастые, не внушающие доверия личности; здесь же бутылки, курево.

На стенах некоторых общественных зданий, например на почтовых отделениях, прикреплены щиты с надписью: «Разыскивается», как в вестернах. На них десятки фотографий с перечнем примет разыскиваемых за убийства, нападения и грабежи мужчин и женщин. Под некоторыми специальное указание «опасен». Далее (на английском и испанском языках) оговаривается сумма вознаграждения тому, кто поможет в поимке преступника. За поимку наиболее опасных преступников нью-йоркская полиция предлагает до 250 тысяч долларов. «Не бойтесь! Если что-нибудь знаете, звоните по телефону 508-00-71. Гарантируется полная тайна».

Насилие стало настолько привычным и так пропитало атмосферу города, что некоторые убийцы не затрудняют себя каким-либо «настоящим» мотивом. Одна нью-йоркская семья, жившая на первом этаже, была буквально расстреляна за обеденным столом неизвестными автомобилистами, проезжавшими на

полной скорости мимо их освещенных окон. «Желание выстрелить просто так, без повода,—сказал один житель из Риверсайд-драйв, который держит всегда закрытыми ставни на окнах своей квартиры.—Предосторожность не помешает. Береженого бог бережет...»

ЭТО САМОЕ БОЛЬШОЕ В МИРЕ ШОУ

Деньги — для власти, власть — для сбережения денег.

Девиз рода Медичи

На вопрос, ощущается ли в их отрасли экономическое оживление, Ник Сканьелло, концессионер фирмы «Роллс-Ройс» в Бетесде (штат Мэриленд), не может сдержатъ усмешки: «Видите ли, мы никогда не испытываем потребности в оживлении, поскольку никогда не ощущали спада» *.

Примыкающее вплотную к Вашингтону графство Монтгомери, где находится Бетесда, оспаривает у находящегося также очень близко от столицы и административно относящегося к Виргинии Фэрфакса пальму первенства в соревновании на звание самого богатого района Соединенных Штатов.

Указывая на сверкающий «Силвер Спан-Роллс», выставленный в роскошном торговом зале и идущий по цене 109 тысяч долларов за штуку, он уточняет: «В 1984 году продано 13 машин. В 1985-м предполагается продать еще 20». Самым шикарным из «роллсов» является «Корниш», предлагаемый по 156 тысяч долларов за экземпляр. «Если бы фирма по телефону сообщила, что через две-три недели эта модель будет нам поставлена, уверяю вас, возле каждого продавца тотчас было бы 2—3 покупателя. К сожалению, предложение отстает от спроса...»

Вдоль всей Висконсин-авеню одна за другой следуют антикварные лавки, торгующие дорогой мебелью, произведениями искусства: картинами, старинным серебром, а также магазины, где можно приобрести

* «Daily World», 12.IV.1984.

предметы роскоши со всего мира. Например, «Мэзон Парвизиан» торгует иранскими, афганскими, башкирскими и другими коврами ручной работы. Безукоризненно учтивый заместитель заведующего торговым отделом Хасан Сабури дает пояснения: «Этот «хоросан» редкого темно-зеленого цвета ценится в 80 тысяч долларов, но он уже продан. Тот, поменьше, затканый красными и желтыми цветами по черному фону, стоит не больше 40 тысяч».

Живущие в этом графстве удовлетворяют свои запросы в филиалах «Лорд энд Тейлор» и «Нейман-Маркус» — магазинов, расположенных в Техасе. Разумеется, администрация учитывает «неординарные» возможности своих клиентов, и неудивительно, что в отделе мехов висят манто по 125 тысяч долларов за штуку.

У местного отделения «Нейман-Маркус» самая большая проблема — удовлетворить клиентов в канун рождественских праздников. «У наших покупателей, — говорит директриса магазина, — очень взыскательный вкус. Предлагаемые товары должны быть оригинальными, редки, экзотичны. Например, последний раз на рождество в наш каталог были включены щенки из Китая по 2 тысячи долларов каждый, арабские скакуны по 5 тысяч долларов, подлинные египетские мумии не менее двухтысячелетней давности по 16 тысяч долларов, верблюды с верблюдицей за 4125 долларов...»

Кроме того, можно приобрести бронированную камеру-сейф, высеченную в горах штата Юта. Полная гарантия. «Омнивест корпорейшн» обеспечивает стоцентную безопасность. Самые крупные банки и фирмы уже имеют такие.

На письменном столе директрисы, на видном месте, — фотография, где она изображена вместе с Рейганом, который пожимает ей руку. Конечно же, очень приветливые улыбки.

Бетесда, Потомак, как и некоторые другие, скажем прямо, скромные по размерам городки в графствах Монтгомери и Фэрфакс, уютно упрятавшиеся в свою дремоту от напряженного ритма жизни в Вашингтоне, находящегося тем не менее совсем рядом, с недавнего прошлого стали излюбленным местом крупных компаний, в особенности тех, которые работают по подрядам Пентагона. Так, «Мартин — Мариэтта», основной поставщик ракет «Першинг-2», учредила в Бетесде свое бюро. Здание бюро отменного серого цвета, в центре

широкой, прекрасно ухоженной лужайки, неподалеку офис корпорации ИБМ и штаб-квартира ЦРУ, где только в центральных службах по найму работает 5 тысяч человек.

В местный пейзаж вписываются административные здания, но не заводы. Фирмы обосновались здесь не для того, чтобы производить, а чтобы быть поближе к центрам управления и решений. Вот почему здесь так много генеральных директоров, руководителей компаний и других представителей высшего управленческого звена. Тут же тысячи адвокатов, специализирующихся в сфере бизнеса, экспертов по финансовым вопросам, специалистов по информатике. Все они призваны способствовать процветанию фирм и защите их интересов любыми средствами. Самые богатые из жителей занимают роскошные виллы (стоимостью в 1—3 миллиона долларов). Те же, кто способен лишь «очень хорошо зарабатывать», селятся в шикарных квартирах в домах-совладениях.

Приток состоятельных людей в эти близкие к столице места вызвал фантастическую спекуляцию земельными участками и головокружительный рост квартирной платы, что заставило семьи со скромным доходом убраться отсюда.

Совсем рядом с этими великолепными жилищами расположилось местное отделение филантропической ассоциации «Хелп инкорпорейшн» Сильвера Спринга. Его возглавляет Нэнси Скалл, которая жалуется на нехватку средств для благотворительной кухни, открытой лишь в декабре 1983 года. Здесь стараниями Нэнси Скалл и других добровольных благотворителей беднякам Бетесды раз в день раздают еду, устраивают их в ночлежки, впрочем, мест для всех не хватает.

Владельцы сотысячных «роллс-ройсов» появляются тут редко, а если такое все же случается, то они и не видят того, чего видеть не желают.

Именно эту Америку, богатую, самодовольную, умышленно делающую вид, что не знакома с другой Америкой — бедняков и национальных меньшинств, как бы венчает Капитолий, чей купол парит над Вашингтоном. Здесь все белое: стены и колоннада, террасы и большинство официальных зданий — палата представителей, сенат и Верховный суд, а также музеи на Конститушн-авеню, памятник Линкольну, монумент Вашингтону и, разумеется, сам Белый дом в конце

Пенсильвания-авеню, которая соединяет его с Капитолием. Слепителен и белый отель «Уотергейт». Белые здесь и сотни тысяч чиновников, ежедневно приезжающих сюда из округи, чтобы заполнить офисы общественных и частных учреждений в американской столице.

Между тем Вашингтон на две трети населен черными. Чтобы убедиться в этом, надо лишь отдалиться от Капитолия к окраине города. Например, в конец 14-й улицы, в район Монро-стрит или О-стрит (некоторые улицы здесь обозначаются одной буквой), где она пересекается с Нью-Йорк-авеню. Здесь расположены «владения» малоимущих, безработных и бедняков. Преобладают афро-американцы, но есть также пуэрториканцы, мексиканцы, корейцы, эмигранты из Центральной Америки и с островов в Карибском море. Вдоль главной улицы — маленькие пыльные магазинчики: «Алонсо'с карри аут» (жареные цыплята с картофелем на вынос), «Кения бьюти парло» (парики всех цветов радуги), парикмахерская «Мартинез Барбер шоп», прачечная Чун Вайли и для шика — ресторан «Филе-Миньон». В подвале — ночной клуб: «Первоклассные гёрлз! Заходите — открыто!» Он выдерживает конкуренцию секс-шопов и порнокинотеатров, расположенных чуть дальше по Коннектикут-авеню.

Крошечные церквушки, в которых порой пасторы принимают имена известных африканских лидеров, например «Его Преподобие Нкрума», приглашают на молитву — это по соседству с секс-шопом либо между бакалейной лавкой и кинотеатром. Рядом в витрине (уж не Амстердам ли?!) сидит и курит более чем декольтированная особа в свехмини-юбке. На стенах трущоб, догнивающих здесь вместе с отбросами, намазаны аэрозольным способом надписи: «Ислам — обитель свободы», «В этой стране нет места свободе». Они, скорее всего, появились здесь очень давно, но никто и не думает их стирать.

Войдя в Капитолий, попадаешь в «демонстрационный зал» Вашингтона. Все здесь дышит спокойствием, чистотой, солидностью. Меж мраморных стен в коридорах там и сям группы посетителей, совершающих паломничество в американскую Мекку. Им предоставлена возможность «прикоснуться» к самым основам Америки. Знакомые со школы деятели и исторические сцены на картинах, висящих вдоль монументальных

лестниц. Вот это, несомненно, Христофор Колумб, как раз в момент, когда он «открывает» Новый Свет! Там—Вашингтон, провозглашающий Независимость. «Независимость»—с прописной: ведь речь идет о Соединенных Штатах! Посетители полны восторженно-го трепета, они прохаживаются меж колонн и статуй. Вот «Великие американцы», стоявшие у колыбели Соединенных Штатов, но здесь и те, кто представлял рабовладельческий Юг и боролся за сохранение рабства. Тем не менее «Великие». А если вдруг какой-то достаточно смуглый человек проявил бы дурной вкус и спросил, почему среди этих увековеченных в камне и бронзе героев нет ни одного негра, ему ответили бы, что этот пробел скоро будет восполнен воздвижением статуи Мартина Лютера Kinga. Лучше поздно, чем никогда. И все-таки потребовалось больше двухсот лет, отмеченных страданиями и борьбой, прежде чем в американский «пантеон» попал негр.

В сувенирном киоске продаются кусочки белого камня, точно такого же, как и блоки Капитолия. По 10 долларов за образец, помещенный в футляр. Куски покрупнее стоят много дороже.

Прибывшие из отдаленных штатов—Калифорнии, Техаса, Аризоны, Невады или Орегона—носят специфическую одежду, почти униформу, принятую в той или иной общине. Те, кто, возможно, имеет австрийские «корни», чувствуют себя свободно в тирольских костюмах или в чем-то схожем; давно расставшиеся с осиными талиями шестидесятилетние дамы, отнюдь не стесняясь, разгуливают в красных облегающих корсажках и белых хрустящих юбочках. Именно в таком виде они хотят запечатлеться на ступенях главного портала. Затем, затаив дыхание, сопровождаемые гидом посетители ненадолго присаживаются на скамьях для публики в помещении палаты представителей, где, как им на всякий случай объяснили, вершится История.

Здесь собралось не больше 20 конгрессменов. Один—на трибуне. Он вносит законопроект, который еще больше ограничил бы передвижение по территории США дипломатов из «коммунистических» стран. Он установил, что они слишком много передвигаются по стране, и это его беспокоит. Речь звучит напористо и сопровождается множеством жестов, что в этом почти пустом зале вызывает улыбку. Все понимают, что его показывают по телевидению и что он витийствует не для своих коллег в зале, а для телезрителей из своего избирательного округа.

В коридорах, лифтах, кафетериях, куда открыт доступ широкой публике, посетители нет-нет, да и встретят кого-то очень важного, которого уже видели и слышали по телевидению. Чаще всего его приветствуют прямо по имени, и он отвечает с не меньшей фамильярностью. Вот она, демократия... В Капитолии они ведь у себя дома. Дом мог бы быть из стекла, всем должно быть все ясно!

Первые впечатления только что приехавшего из другой страны журналиста тоже скорее благоприятные. Конечно, на входе ему пришлось пройти через электронный контроль, а в его вещах ~~тщательно~~ порылись, но в итоге ему вручили пропуск, с которым можно расхаживать по всему конгрессу, беседовать с членами палаты представителей, позавтракать в кафетерии (он в подвале), использовать для переезда из одного помещения в другое маленький электропоезд, к его услугам телефоны «Хауз пресс гэллери» — пресс-службы. Если он окажется коммунистом (это легко устанавливается по названию его газеты), то, не объясняя причин, его попросят заполнить ~~дополнительную~~ анкету, а спустя каких-нибудь 20—30 минут к нему, как и к другим, уже будут обращаться ~~просто~~ по имени. Корреспондент ежедневной газеты американской компартии «Дейли уорлд» Тим Уилер представил меня шефу службы по связям с прессой при Капитолии, я прошел эту процедуру, и дальше все шло ~~именно~~ таким образом. На следующий день мы с Тимом, ~~сидя~~ в зале прессы, активно что-то обсуждали. Местный служащий, улыбаясь, не без иронии, но все же с известной настороженностью бросил нам на ходу: «Эй, ребята, скажите-ка: будет у нас хоть немного времени, прежде чем вы устроите тут небольшую революцию, а?»

За юмором и простотой, по существу фамильярностью, столь характерными в общении американцев, довольно быстро обнаруживаешь то, что они скрывают, — недоверие в сочетании с крайней жестокостью. Здесь, как нигде, действует железный закон: «Каждый за себя, один бог за всех».

На первый взгляд здесь царит атмосфера простодушия, нет натянутости, характерной для других парламентов. Все кажется упорядоченным, отлаженным, смазанным, эффективным, действующим как хороший механизм, который «не подводит» фирму — работает в

полном соответствии с тем, что о нем говорится в рекламном проспекте. Можно не сомневаться, что американец из маленького городка где-то на Среднем Западе, впервые в жизни приехавший сюда в автобусе, нанятый либо настоятелем прихода для членов церковного хора, либо ассоциацией бывших учеников, либо болельщиками бейсбольного клуба, либо любым другим религиозным или светским обществом, которые в Америке растут как грибы, вернется домой убежденным, что американская демократия — «лучшая в мире» — действует безотказно и именно так, как ему рассказывали еще в школе.

Он был принят своим депутатом — одним из 435 конгрессменов, избираемых в палату представителей сроком на 2 года. Возможно, он смог встретиться и с сенатором (их 100, избираемых по 2 от каждого штата сроком на 6 лет). Или ему посчастливилось поприсутствовать на открытом заседании Верховного суда (9 судей, назначаемых президентом пожизненно) в храме греческого стиля, но американского размаха. Там он, конечно, трепетал от гордости, читая начертанный девиз: «Каждый равен перед законом». Наконец, благодаря «своему» конгрессмену ему, быть может, привалило счастье, и он, выстояв вместе с группой не такую уж и длинную очередь, посетил Белый дом и заглянул в святая святых — Овальный кабинет, где работает президент.

Во время этого визита он увидит очень немногих женщин, занимающих ответственные государственные посты. Политика остается мужским делом, а кандидатура Джеральдин Ферраро на пост вице-президента страны носила скорее символический характер. Но вряд ли эта мысль приходит ему на ум.

На протяжении длительного времени мало кто из американцев реагировал иначе, чем этот среднестатистический турист. Усомниться в том, что изначально и навсегда бог на стороне Америки, что у нее лучшая в мире политическая система и самая совершенная демократия, было бы равносильно проявлению «неамериканизма», чтобы не сказать «антиамериканизма». Только явное меньшинство — «нытики», «неудачники» и «подрывные элементы», находящиеся на содержании международного коммунизма, — могло бы оспаривать столь очевидные факты.

Между тем ситуация начинает меняться. В этой связи профессор истории в Йельском университете Дэвид Монтгомери отмечает: «Еще 20 лет назад мои

студенты считали наши общественные институты самыми образцовыми, почти священными. Они уважительно относились к деятельности и личности президента. Мысль о том, что глава государства способен на ложь и обман общественности, показалась бы им кощунственной. Чуть в меньшей степени, но тем не менее почти таким же сверкающим «нимбом» обладали в их глазах другие руководящие деятели Америки — члены Верховного суда, сенаторы и т. д. С тех пор произошло многое — битва за гражданские права, массовые выступления чернокожего меньшинства населения против расизма и дискриминации, чего в большинстве своем не желали замечать белые американцы, жестокие полицейские репрессии, война во Вьетнаме и осознание ее сущности, «уотергейт» — публичное разоблачение махинаций Никсона... Студент, который сегодня относился бы с полным доверием к заявлениям президента, верил бы в добропорядочность наших лидеров, прослыл бы среди однокашников весьма наивным»

Вместе с тем нельзя сказать, что возрастающее недовольство непосредственно, прямо — за редким исключением — направлено против самой общественной системы. Если же все идет наперекосяк — а это-то как раз отрицать трудно, — то потому-де, что определенные круги из алчности или свойственного им эгоизма не соблюдают «правил игры» и нарушают дух и букву установлений, которые обеспечивают каждому свой шанс. Однако не только в объединениях трудящихся, но и в религиозных кругах, а также среди представителей национальных меньшинств и студенческой молодежи все чаще можно услышать, что, как бы хороша ни была витрина — конгресс, принимаемые в нем решения служат прежде всего интересам могущественных финансовых групп.

В Америке избирательные кампании стоят немалых денег, и расходы здесь прямо пропорциональны значению того поста, за который и идет борьба. Одно это уже предопределяет ту ведущую роль, которую играют деньги во всей политической жизни страны. С известной ностальгией кандидаты, не имеющие крупных финансовых средств (и, следовательно, обреченные на поражение), утверждают, что так было не всегда. Например, в 1846 году в ходе избирательной кампании, чтобы обеспечить выдвижение кандидатуры в конгресс

Авраама Линкольна, его друзья собрали 200 долларов. Когда голоса были подсчитаны, Линкольн возвратил «кредиторам» 199 долларов 25 центов. Остальные 75 центов были истрачены на покупку бочки сидра, которым угостили фермеров, пришедших послушать своего кандидата. «Честный Эйб» вряд ли имел бы шанс на победу, удовольствуйся он столь скромной суммой несколько лет спустя. И действительно, со времен Гражданской войны «стоимость» депутатского кресла стала головокружительно расти. Это было время рождения первых промышленных империй, и их основатели хотели иметь «своих людей» в руководящих органах. Они поэтому были готовы заплатить сколько потребуется, только чтобы преданные им политики «оказались в седле». В свою очередь и среди кандидатов стало нетрудно найти таких, кто, будучи избранным, в обмен на «финансовое пособие» хорошо помнил о тех, кто «поддержал им стремя». Один из таких политиканов, сенатор-республиканец от Пенсильвании Бойз Пентоуз, который, как рассказывают, весил около 150 килограммов, вошел таким путем в историю: за «обычным» обедом он съедал дюжину устриц, несколько тарелок супа, черепашие рагу, жаркое из утки, шесть овощных блюд, выпивал литр кофе и несколько бокалов коньяка. Однако «репутацию» он приобрел не за упитанность и завидный аппетит, а в значительно большей степени за ту откровенность, с какой излагал свои политические взгляды. Однажды в кругу протектировавших ему бизнесменов он сказал: «Я выступаю за разделение труда: ваша задача — посылать нас в конгресс, наша — принимать законы, которые позволят вам зарабатывать деньги. Когда у вас будет прибыль, вы опять подбросите нам денег на выборы в конгресс, что обеспечит появление новых законов, которые позволят вам зашибить еще больше». В другой раз сей сенатор посоветовал только что избранному и еще «неопытному» коллеге заниматься только такими законопроектами, в которых заинтересованы люди, не стесненные в средствах и умеющие оплачивать счет. Он щедро делился опытом, а вместо благодарности ему с уликами на руках предъявили обвинение в получении от компании «Стандард ойл» взятки в 25 тысяч долларов. Вот и будь после этого откровенным!..

В наши дни ни один сенатор, ни один конгрессмен не допустит такой потрясающей искренности и не признается, что его «купили» или что его «можно

купить». Все совсем наоборот, и наряду со скандалами, ставшими в американских политических кругах рутинной повседневностью, как никогда раньше, все спешат клятвенно заверить широкую публику в своей честности и преданности общественным интересам. В весьма популярной книге «Кто правит конгрессом?» ее автор, социолог Марк Грин, отмечает, что «подобные клятвы в неподкупности наводят на мысль о даме вольных нравов, которая считает, что за доставляемые удовольствия она, конечно же, может брать деньги, но при этом запальчиво заявляет, что не продается». Суждение суровое и, пожалуй, категоричное, ибо и в палате представителей, и в сенате есть деятели, хотя их и немного, которые публично говорят о том, что на них постоянно оказывается давление и предпринимаются попытки подкупить их. И нечему удивляться: выборных лиц не перестают искушать «легкой мошной», а денег им нужно чем больше, тем лучше — и для завоевания мандата, и для его удержания. В 1978 году претенденту на место в палате представителей требовалось в среднем 175 тысяч долларов. В 1984 году это кресло обходилось уже в 225 тысяч долларов. В докладе федеральной комиссии по выборам отмечается, что в ходе избирательной кампании 1980 года двое из членов палаты представителей израсходовали более миллиона долларов. В 1982 году таких было 5, а в избирательном «марафоне» 1984 года стало 11*. Место в сенате в 1980 году стоило в среднем 1,1 миллиона долларов, в 1982 году его цена подскочила до 1,75 миллиона долларов. В ноябре 1984 года все рекорды побили республиканец из Северной Каролины, известный расист и консерватор Джесси Хелмс и демократ, губернатор Джеймс Хант. «Война» за путевку в сенат обошлась им более чем в 20 миллионов долларов. В Техасе республиканец Фил Грэм и демократ Ллойд Деджетт на борьбу за кресло сенатора израсходовали по 10 миллионов долларов. Сенатору-республиканцу от Иллинойса Чарльзу Перси и конгрессмену Полу Саймону «дорога» стоила свыше 7 миллионов долларов**.

Как уже отмечалось, продвижение по иерархической лестнице требует все больших денег. Платят, естественно, больше те, кто претендует на большее, то есть кандидаты в президенты. Чтобы попасть в

* «International Herald Tribune», 25.X.1984.

** «International Herald Tribune», 20—21.X.1984.

Белый дом, им приходится расходовать все больше и больше: в 1932 году Рузвельту это стоило менее 3 миллионов долларов, Кеннеди в 1960 году выложил 10 миллионов, а Никсон в 1968 году — 25 миллионов. Рейган в 1980 году на избирательную кампанию потратил 152 миллиона долларов. Но все рекорды были побиты в 1984 году. Битва за президентский пост и за мандаты в палату представителей и сенат в целом поглотила более миллиарда долларов.

Как показывает опыт, шансы предпочтительнее у того из кандидатов, который больше потратил. Так, радио чаще упоминает его имя, он то и дело появляется на телеэкране, и его показывают дольше. Тем самым у него дополнительные козыри перед соперником или соперниками, располагающими более скромными финансовыми возможностями. Это как реклама — чем дороже за нее заплатить, тем быстрее товар продвигается на рынок. От этой предвыборной манны больше всего выигрывают пресса и телевидение. Телесюжет продолжительностью в 30 секунд стоит 250 тысяч долларов. Его 10-разовая демонстрация на экране телевизора обойдется еще в 50 тысяч. Объявление на полполосы в местной газете (например, чикагской), продающейся в 37 графствах с общим населением 7 миллионов жителей, стоит 10 тысяч долларов. Естественно, что цены за публикации, распространяемые по всей стране, неизмеримо выше. Экономя средства, стремясь к большей эффективности, кандидаты и их «команды» стали прибегать к методам маркетинга — приемам продвижения товаров на рынки сбыта. Выдвижение политических аргументов и прямая полемика с соперниками в этих кампаниях уступили место беспрепятственно прокручиваемым по телевидению рекламным роликам длительностью от 5 до 30 секунд: мол, вбейте это себе в голову! И теперь речь идет вовсе не о том, чтобы заставить задуматься над какими-то проблемами или выработать определенное мнение, а лишь о том, чтобы навязать имидж, чтобы спровоцировать не обдуманную, взвешенную, а спонтанную реакцию избирателей, которых заранее тщательно проанализировали и распределили по картотеке с помощью опросов и вычислительных машин. В этих делах у платной «команды» Рейгана конкурентов нет. Она понаторела в создании и сохранении его имиджа. Ему всегда заготовят правильные слова и «замечания», всегда проследят, чтобы он не попал в щекотливую ситуацию. Характерно, что во время обеих предвыборных кампа-

ний, исключая две обязательные телевизионные «дубли» с Мондейлом, о которых нельзя сказать, что он выходил победителем, Рейган не участвовал в больших теледебатах. Чем дольше длится беседа, тем труднее избежать вопросов, на которые не хотелось бы отвечать. Цель — показываться чаще, но говорить меньше. Именно этой, очень «плодотворной» тактики придерживался штаб президента. В 1980 году 70% закупленного на кампанию Рейгана телевизионного времени приходилось на сюжеты по 30 секунд, 25 — на сюжеты по 5 секунд, остальные 5% — на крайне редкие появления Рейгана продолжительностью в полчаса. На выборах 1984 года эта чисто рекламная ориентация усилилась, и без того низкий политический уровень избирательных кампаний в США еще больше снизился. В «битве» телерекламных роликов обмен идеями и информирование общественности — что составляет непереносимое условие демократических дебатов — практически сведены на нет. Такого рода «обработка», прикрываемая красивейшими декорациями, не оставляет ни времени, ни места для формирования объективного общественного мнения, и стоит ли удивляться тому, что американцы чаще всего проявляют полное невежество в том, что происходит за пределами их страны, и даже в том, как идут дела у них дома.

Запрограммированные лучезарные улыбки кандидатов, рукопожатия налево и направо, парады ослепительных мажореток, портреты и имена на значках и шляпных лентах, каскады конфетти, скандируемые приветствия на какое-то время могут сбить с толку и создать впечатление сродни тому, какое складывается у непосвященного посетителя Капитолия — что правит народ, что именно он избирает своих представителей. Однако нужно совсем немного труда, чтобы за всей этой шумихой обнаружить подлинных хозяев положения — тех, у кого есть капитал.

«Какой резон пускать миллионы на ветер, зачастую не щадя и собственный карман, и добиваться места, которое без всяких гарантий на будущее будет в течение двух лет приносить вам всего 72 тысячи долларов в год?» — вопрос, который «Вашингтон пост» задала Адаму Левину, кандидату демократической партии в палату представителей от штата Нью-Джерси. Он безрезультатно истратил 2,3 миллиона долларов (в том числе 1,4 миллиона собственных), проиграв республиканцу Мотью Ринальдо. «Захватывает горячка

сражения...» — несколько лаконично ответил Левин*.

Что бы там ни говорил неудачливый кандидат, трудно поверить, что простой азарт игрока, а не гораздо более серьезные соображения лежат в основе столь фантастических финансовых затрат. Подавляющую часть избирательных фондов составляют вклады наиболее состоятельных избирателей, действующих от собственного имени или от имени руководимых ими компаний. Разумеется, они делают это отнюдь не из любви к риску. В 1972 году в фонд кампании за Никсона 95 богачей внесли 47,5 миллиона долларов, что значит по полмиллиона каждый.

Согласно новому положению, утвержденному Верховным судом, отныне обе ведущие партии (демократическая и республиканская) могут получать предвыборные субсидии от государства. Данное решение удовлетворяет, с одной стороны, наиболее «отзывчивых» кредиторов избирательных кампаний, которые хотели бы заставить администрацию частично покрывать расходы по выборам, и, с другой — некоторых благонамеренных реформаторов, считающих, что, финансируя кампанию из государственных фондов, можно вывести кандидатов из-под влияния частных интересов. В 1980 году эти партии получили от государства 120 миллионов долларов. Думаю, никто из серьезных наблюдателей не решится утверждать, что от этого политические нравы в Америке улучшились хотя бы на йоту.

По новому закону с 1974 года компании и отдельные предприятия могут создавать комитеты политических действий (КПД), призванные обеспечить сбор средств на проведение избирательных кампаний среди членов советов директоров, держателей акций, а также служащих различных компаний. Таким же правом пользуются организации, «не извлекающие прибыли», — профсоюзы, движения за гражданские права, женские объединения, ассоциации сторонников охраны окружающей среды и т. п. Однако этим последним удастся собрать лишь довольно скромные суммы по сравнению с фондами КПД, созданными крупным бизнесом или непосредственно зависящими от него.

В 1978 году насчитывалось 776 комитетов политических действий, в 1980-м — 954, в 1982-м — 1320 и в 1983-м — 3500. Росли и денежные суммы, выделяемые кандидатам: 8,5 миллиона долларов в 1972 году;

* «International Herald Tribune», 25.X.1984.

12,5 миллиона—в 1974; 35 миллионов—в 1978; 55 миллионов—в 1980 и 83 миллиона—в 1982 году. Это значит, что за 10 лет они выросли в 10 раз. КПД Ассоциации торговцев недвижимостью, который в 1970 году едва собрал 6,7 тысячи долларов, в 1979—1980 годах располагал уже 1,6 миллиона, а в 1981—1982 годах—2,5 миллиона долларов. Комитеты политических действий, созданные крупными нефтяными компаниями, всего за два года (1978—1980) удвоили свои фонды и в 1982 году внесли в кассы «своих» кандидатов 7 миллионов долларов. КПД Ассоциации строителей, выделивший на поддержку своих кандидатов в 1977—1978 годах всего 38 тысяч долларов, в 1982 году предоставил им 2 миллиона, а на кампанию 1984 года—4 миллиона долларов.

Выделение денежных средств кандидатам не зависит от их политической ориентации. По традиции средства профсоюзных КПД попадают к демократам. Крупные же фирмы и владельцы больших состояний финансируют республиканцев. Но так происходит не всегда. До Рейгана обычно около двух третей этих фондов поступало к республиканцам и одна треть—к демократам. Когда в президентское кресло сажился демократ, большой бизнес занимал «беспристрастную» позицию в отношении обеих партий. Эта практика приводила Рейгана в ярость. «Я считаю,— категорически заявлял он,— что республиканская партия не получила от крупных компаний ту финансовую поддержку, которую она заслужила всей своей прошлой деятельностью. Почему половина денег комитетов политических действий, образованных деловыми кругами, поступает к кандидатам, которые способны проявить себя не с лучшей стороны в отношении большого бизнеса?» *

Отметим, что эти деньги распределяются отнюдь не вслепую. Принимая финансовую поддержку, кандидат—будь он демократ или республиканец—принимает на себя обязательство защищать интересы тех, кто его субсидировал. Так, Ассоциация американских врачей, преуспевшая в прагматизме больше других, распределяет свою «помощь» между демократами и республиканцами поровну. На тот случай, если обсуждению будет подвергнут законопроект о снижении платы за медицинское обслуживание—а врачи

* Green M. Who runs Congress? Dell Book, New York, 1984, p. 32.

выступают против него,—КПД медиков выделит около 3 миллионов долларов для подкупа и тех и других. Очевидно, этот пример верен и для всех других групп, отстаивающих лишь свои частные интересы.

Подобная система изначально чревата коррупцией и по меньшей мере плодит труднопреодолимые искушения. Член палаты представителей некто Фрэнк как-то заметил: «Мы совершенно уникальные создания: к нам в карман попадают миллионы долларов, принадлежащие людям, желающим, чтобы было обеспечено нужное решение важных для них вопросов и при этом хотят, чтобы мы остались чистенькими»*. Более доходчиво об этом говорил бывший конгрессмен Ричард Боллинг, сетовавший по поводу сложности ситуации, в которой могут оказаться обитатели Капитолия: «Если секретарь говорит, что вам звонят сразу по двум телефонам и на одной линии такой-то из ваших избирателей, а на второй—представитель комитета политических действий, выделивший в ходе вашей предвыборной кампании 10 тысяч долларов, то на чей звонок вы откликнетесь в первую очередь?»** И уже вовсе ясно высказался сенатор Рассел Лонг: «Когда речь идет о крупной финансовой поддержке той или иной избирательной кампании, то грань, отделяющая эту поддержку от обычной взятки, вряд ли превышает толщину человеческого волоса»***.

Эта двусмысленная практика (а в действительности не такая уж двусмысленная, так как в Америке любят повторять: «Кто платит деньги, тот и музыку заказывает») обычно не очень смущает кандидатов. Получив в ходе кампании поддержку руководителей транснациональных корпораций или банков, они не видят ничего особенного в том, чтобы после избрания «вернуть долг». Это касается и многих президентов. Ричард Никсон, которому концерн ИТТ подбросил на ведение кампании 400 тысяч долларов, став президентом, использовал все свое влияние, чтобы фирма вышла сухой из воды, когда ее обвинили в сокрытии налогов. Значит, и Рональд Рейган не совершил ничего нового, когда, едва обосновавшись в Белом доме, принял решение об отмене контроля за ценами на бензин и дизельное топливо. Королевский подарок—какие-

* Ibidem.

** Green M. Op. cit., p. 36.

*** Parenti M. Democracy for the Few. St. Martin's Press, New York, 1983, p. 229.

нибудь 50 миллионов долларов * . Он, что называется, «вызвал лифт» для нефтяных монополий, которые в 1980 году ссудили ему 200 миллионов долларов, когда он начал «гонку» в Белый дом.

Власть денег проявляется не только во время выборов, когда нужно поддержать того или иного кандидата, она непрерывный элемент, константа всей политической жизни Америки. Разумеется, средний американец знает о вполне легальном существовании действующего в Вашингтоне лобби. (Слово «лобби» означает «коридор», а лоббисты—это те, кто занимается «кулуарной деятельностью» в конгрессе.) Но он весьма скупосведомлен об их подлинном лице и еще меньше—о методах «убеждения» конгрессменов и сенаторов, которыми они оперируют. По случаю того или иного скандала газеты, радио и телевидение вскрывают какие-то стороны этих действий (и лишь каких-то—отнюдь не всех—лобби), не ставя под вопрос их существование. Но такое случается редко. Апологеты американской системы утверждают, что лобби способствует наилучшей информированности тех, кто разрабатывает законы, что благодаря его помощи эти последние могут действовать с полным знанием дела. Мол, никому не нанося ущерба, давление групп лобби якобы взаимно уравнивается, принося стране великую пользу. Это, мягко говоря, наивное суждение не выдерживает сопоставления с действительностью. Как правило, самые удачливые лоббисты—это те, кто имеет самые большие финансовые средства. «Всех можно купить»,—заметил как-то Говард Хьюз, миллиардер и владелец авиастроительных заводов. Он знал, что говорил, поскольку расходовал—и признавался в этом без тени смущения—в среднем около 400 тысяч долларов ежегодно для «подмазывания» представителей городских властей, контролеров, сборщиков налогов, сенаторов, конгрессменов, окружных прокуроров, губернаторов, судей и даже—ну, не чудо ли?!—вице-президентов и президентов.

В 1985 году насчитывалось около 15 тысяч зарегистрированных в законном порядке лоббистов (то есть почти по 30 на каждого члена конгресса!). Их ежегодный «бюджет» достиг 2 миллиардов долларов, используемых для оказания влияния на голосование депутатов. 800 наиболее крупных американских компаний

* «Daily World», 8.V.1981.

имеют в Вашингтоне свои лобби. Действительное число лоббистов значительно превосходит официальные данные. Многие работают, так сказать, в порядке «услуги». По данным журнала «Форчун», в Вашингтоне 92 500 человек, или 6% всех занятых, так или иначе участвуют в деятельности лобби большого бизнеса.

Лоббисты—это по преимуществу адвокаты и служащие, которых фирмы держат в Вашингтоне, это бывшие члены конгресса или сенаторы, сохранившие полезные связи в Капитолии или Белом доме и в зависимости от вознаграждения изъявляющие готовность услужить какой-то одной, а лучше несколькими фирмам. Так, в 1984 году в качестве лоббистов было зарегистрировано 124 бывших обитателя Капитолия. Но каково бы ни было их прежнее положение, «сила убеждения» лоббистов зависит прежде всего от величины находящихся в их распоряжении финансовых фондов. Деньги делают доступным «главный ингредиент» любой лоббистской деятельности, а именно возможность приблизиться к нужным лицам и оказать на них влияние.

Лоббист располагает для этого целым набором средств, которые варьируются в зависимости от личности, склонностей и положения деятеля, от которого необходимо добиться поддержки, а также от значимости искомой «услуги». Это может быть небольшой подарок и роскошный ужин; «неожиданная» встреча со столь же ослепительной, сколь и покладистой жрицей любви и бесплатный отдых на фешенебельном курорте; организация превосходно оплачиваемых «лекций» во время круиза (естественно, дармового) по странам Карибского бассейна и просто конверт (с пачкой долларов), передаваемый из рук в руки; возможно такое же их количество в виде «подарка» или обещание места в фирме, на которую работает данный лоббист, и т. п.

Эти нравы настолько распространены, что некоторые лоббисты более не считаются с элементарными нормами приличия. Так, они не видят необходимости в том, чтобы справиться заранее, спосбен ли «объект» принять взятку. Дело дошло до того, что конгрессмен Пит Макклоски счел необходимым во всеуслышание заявить об их методах, обнаружив однажды после визита лоббистов конверты, набитые 100-долларовыми купюрами.

Существуют и другие вполне легальные приемы, с помощью которых можно без проблем «подмазать»

того или иного деятеля. Например, законы, принятые в 1981—1984 годах, разрешают членам сената получать вознаграждение размером до 2 тысяч долларов за выступления и лекции по приглашению. Ничто не мешает сенаторам выступать столько, сколько им заблагорассудится. Так, Джек Карн, сенатор-республиканец от штата Юта, возглавляющий сенатскую комиссию по банкам, только в 1981 году положил в карман около 50 тысяч долларов в виде гонорара за лекции для директоров компаний и банков, а также за выступления в Ассоциации американских банкиров.

Что касается гурманов, то закон здесь можно обойти и просто, и элегантно. Представители одной банковской группы пригласили сенатора Полу Хоккинса на лекцию-банкет. Ей вручили причитающиеся «легально» 2 тысячи долларов, а еще 3 тысячи долларов — ее мужу «за сопровождение». Ничто не мешает лоббисту пригласить сенатора пообедать, при этом все время между закуской и десертом он будет его внимательно слушать, а затем, окрестив это «речью» или «лекцией», в виде оплаты за сей «труд» вручить и глазом не моргнув чек на сумму 2 тысячи долларов.

Попадают, правда, сенаторы (например, демократ Джон Стеннис от штата Миссури), считающие эту практику скандальной и бесчестной и открыто осуждающие ее. Иные их коллеги, проявляющие больший «реализм», с ироничной нежностью называют этих чудаков людьми «старой школы». И скажем прямо, последователям «старой школы» надо затратить немало труда, чтобы быть услышанными.

Одна из наиболее значительных групп лоббистов находится на службе у военно-промышленного комплекса, как в свое время его обозначил президент Эйзенхауэр. Известно, что с тех пор, как Рейган находится в Белом доме, бюджетные ассигнования на содержание армии и производство вооружений возросли фантастически. Параллельно растет влияние фабрикантов военной техники (самолеты, танки, ракеты, радары, лазеры, спутники), занимающихся научно-исследовательскими разработками в области новейших вооружений.

Между этими гигантскими фирмами, Пентагоном и конгрессом сложилось тесное взаимодействие, нечто вроде «стального кулака» по выражению одного американского исследователя. Пентагон постоянно требует все больше средств, все более многочисленных и усовершенствованных вооружений. Монополии готовы

их производить, извлекая из этого все больше и больше прибылей. Конгресс же голосует за выделение соответствующих их требованиям кредитов.

Задача лоббистов военно-промышленного комплекса, а об опасности, которую он несет, незадолго до своей смерти предупреждал Эйзенхауэр, состоит в том, чтобы убедить членов конгресса и сенаторов «правильно» голосовать при обсуждении военного бюджета. Установлением контактов с Пентагоном заняты две тысячи офицеров-отставников, которых наняли с этой целью частные фирмы, производящие вооружения.

Чрезвычайно активным лобби располагает также нефтяной и нефтехимический бизнес. Оно носит название «Американский нефтяной институт» и выступает выразителем интересов таких гигантов, как «Экссон», «Мобил», «Галф», «Арко», «Тексако», «Шелл», «Стандард ойл», а также 350 других менее крупных фирм. Бюджет института — 46 миллионов долларов, его 580 служащих работают в конторах, расположенных в Вашингтоне, Далласе и Нью-Йорке.

Лобби, действующее от имени Американской торговой палаты, выражает интересы около 1300 торговых и профессиональных ассоциаций и 2500 местных торговых палат. Еще более могущественным, хотя и держащимся в тени, является «Круглый стол бизнеса». Он объединяет 190 генеральных директоров самых крупных финансовых компаний и оказывает на деловой мир влияние, по-видимому, большее, чем организация американских предпринимателей — Национальная ассоциация производителей. Очень эффективно проявляет себя лобби автомобильных фирм, которое успешно нейтрализует всякие попытки установить более жесткие требования в области техники безопасности и загрязнения окружающей среды.

Институт табака, в котором объединяются производители наиболее известных марок табачных изделий, в свою очередь блокирует все инициативы, способные нанести ущерб их торговле. Ассоциация американских банкиров блюдет интересы 14 тысяч банкиров, которых она представляет. В 1983 году ассоциация, перетянув на свою сторону 300 членов палаты представителей и более половины сенаторов, провалила законопроект о введении определенных удержаний из банковских дивидендов.

Осуществляемая в большей или меньшей степени тайно, деятельность лоббистов широкой публике по-

этому практически неизвестна. Жителю Среднего Запада, приехавшему в Вашингтон на экскурсию, вряд ли придет в голову расспрашивать о лоббистах своего конгрессмена или сенатора. Но если вдруг его осведомленность чуть больше, чем в среднем у его сограждан, то он вполне может удовлетвориться суждением типа: да, конечно, некоторые лоббисты действительно защищают частные интересы, но другие ведь пекутся главным образом об общественном благе. Действительно, существуют группы активистов-добровольцев, которые по социальным, политическим или религиозным мотивам также стремятся оказать давление на избранников нации и воздействовать на их ориентацию, когда в конгрессе решаются насущные проблемы. Движение за замораживание ядерных вооружений и движение за разоружение, антирасистские комитеты, ассоциации за равноправие женщин и прочие тоже имеют своих лоббистов, но единственным оружием этих последних является преданность делу и сила убеждения. Они составляют петиции, проводят кампании рассылки писем членам конгресса и порой, хотя и с большим трудом, добиваются изменений в умонастроениях общества. И в Капитолии и Белом доме с этим вынуждены считаться. Однако чаще всего последнее слово принадлежит доллару. Как заметил один американский политический обозреватель, подлинные борцы за общественные интересы, имея дело с конгрессом, который привык к лоббистам, защищающим частные интересы и располагающим временем, информацией и денежными средствами, вынуждены занимать место в конце длинной очереди. Ссылаясь на помощника знакомого конгрессмена, журналист не без сарказма замечает: если перед вами еще совсем молодой лоббист, представляющий Ассоциацию потребителей, и бизнесмен с чеком на 5 тысяч долларов в руке, то сомнения, кого вы будете слушать, вряд ли возникают.

Рядовому американцу трудно заставить прислушаться к себе еще и потому, что конгресс, по существу, не представляет американский народ и проявляет мало интереса к проблемам людей, не имеющих внушительного счета в банке.

В сенате половину составляют миллионеры, а в палате представителей — защитники интересов бизнеса. В стенах Капитолия не встретишь простых рабочих, разве только, да и то редко, в качестве туристов,

приехавших с организованной экскурсией. Первым профсоюзным деятелем, избранным в палату представителей, стал в 1983 году негр из Чикаго Чарльз Хейес. С ироничной улыбкой он сказал мне: «Так я вошел в историю». В 1985 году в конгрессе насчитывалось 20 негров. Прогресс, конечно, но пропорционально численности населения их должно быть 50! Слабо представлены и другие национальные меньшинства, а также женщины. В то же время большой бизнес и зажиточная прослойка американского общества на Капитолийском холме занимает большинство кресел.

В такой среде новичок, избранный от округа, где он пользовался известностью и где, возможно, не так ощущалось давление финансовых воротил (бывает и такое), чувствует себя потерянным. Он должен будет быстро усвоить правила игры и подчиниться им. Предполагается, что в течение первого года действия его мандата он проявит максимум скромности и не станет кофликтовать с «ветеранами». Если же он пренебрежет сложившимся порядком и продемонстрирует свою независимость и безмерную боевитость, продолжение его карьеры может оказаться под большим вопросом. Можно не сомневаться, что появится очень много шансов на то, что его мандат не будет продлен. «Новичку» Эдварду Фейгану чуть меньше 40 лет. Он демократ, избран от Кливленда (штат Огайо). Высокий, темноволосый, спортивного вида. В глазах — тоска, как у человека, чувствующего себя не в своей тарелке. Я встретил его в холле Капитолия, на выходе из палаты представителей. «Большинство моих избирателей — простые рабочие, сталелитейщики, — говорил он. — Официально в моем округе 10% безработных, в действительности 14—15%. Опустошение пришло, когда закрылись металлургические заводы и десятки вспомогательных производств. Меня избрали как раз для того, чтобы покончить с этим. Я думал, что уж в конгрессе-то смогу что-то предпринять. Вроде бы и должен, а на самом деле ничего не можешь. Слишком многие из нас боятся и пальцем шевельнуть. Они боятся идти наперекор бизнесу, правительству, президенту. В общем, я прихожу к выводу, что быть членом конгресса — занятие весьма разочаровывающее». Он сравнительно молод, но придерживается принципов «старой школы» и, быть может, еще не хочет расстаться со всеми иллюзиями и повторить, что однажды сказал Джеральд Форд, тогда лидер республиканцев в

палате представителей: «У этой игры один ключ — деньги, без них вам крышка».

Комментируя в книге «Благопристойный фашизм» умозаключение бывшего президента, профессор Бертрам Гросс замечает: «В политике деньги являются тем же, чем горючее для двигателя... Основной их источник — бизнес, выполняющий эту функцию особенно хорошо, когда имеет выход на общественную казну».

Многие из тех, кто заседает в выборных органах, действительно могут легко спутать государственные интересы и свои собственные. Например, треть сенаторов извлекают прямую выгоду от увеличения военного бюджета, поскольку являются акционерами самых крупных компаний, производящих вооружения. Половина тех же сенаторов входят в административные советы банков, хотя и не являются крупными держателями акций. Та же картина в палате представителей, среди членов которой по меньшей мере сто человек занимают прочные позиции в банковских учреждениях. При этом часть из них заседает в комиссиях конгресса, в задачу которых входит обсуждение и выработка законов, регулирующих работу банков.

Подобные нравы широко распахивают двери для коррупции. Отсюда бесконечные скандалы, в которых погрязли палата представителей, сенат и Белый дом.

Показательным в этом отношении является скандал с Клодом Уайлдом, разразившийся в 1975 году. Ныне вице-президент компании «Галф ойл», он больше 10 лет был в Вашингтоне главным лоббистом своей компании. Во имя интересов фирмы он должен был, в частности, наилучшим образом распределить 4 миллиона долларов, чтобы «не обидеть» нужную сотню сенаторов и конгрессменов, два десятка губернаторов штатов, еще больше судей, не считая политиков местного масштаба. В списке кормившихся от «нефтяных щедрот» фигурировали президенты и еще не президенты Линдон Джонсон, Ричард Никсон, Джеральд Форд и Джимми Картер, тогда всего лишь губернатор штата Джорджия. Ни один из «получателей» к суду привлечен не был.

Другой скандал, окрещенный по аналогии с уотергейтской аферой «Кореягейт», после длившегося несколько лет расследования в 1979 году «успешно» замяли. Пак Чжон Сун, представитель своего прави-

тельства и он же платный агент ЦРУ, в Соединенных Штатах производил закупки риса для Южной Кореи. В течение 6 лет (1970—1976 годы) им было вручено 31 члену американского конгресса 850 тысяч долларов. Еще 90 конгрессменов и бывших конгрессменов получили от него «подарки» или воспользовались его «услугами». Взамен Пак хотел одного — беспрекословной поддержки в конгрессе и правительстве просьб Сеула об экономической и военной помощи. Все, однако, для тех, кто был замешан в этом деле, обошлось гладко. Комиссия контроля при конгрессе, известная как «комитет по этике», вынесла порицание четырем наиболее скомпрометированным конгрессменам и полностью оправдала других, посоветовав им впредь быть осторожнее.

В 1980 году достоянием гласности стало так называемое дело «Эбскэм» — совершенно экстраординарный скандал, в котором в качестве улики фигурировали видеозаписи, сделанные ФБР в ходе операции по выявлению нечистых на руку конгрессменов. Название «Эбскэм» было изобретено журналистами, взявшими за основу сочетание наименования фиктивной компании «Эбдул энтерпрайз», использовавшейся ФБР в качестве подсадной утки, и слова «скэм» — «махинация» на американском жаргоне.

Начало было как в кино. 1978 год. Нефтяной король, арабский миллиардер, его превосходительство шейх Абдул Камбир (а в действительности агент ФБР, не знающий ни слова по-арабски), рассказывает всем, кому не лень его слушать, что он недавно прибыл в Америку, чтобы осесть здесь и вложить капитал в титановые копи, о которых он так много слышал. Но ему нужна поддержка, и за нее он готов заплатить столько, сколько нужно. Первым на крючок попался Анджелло Эррикетти, мэр города Кэмдем в штате Нью-Джерси. За обещанные ему 400 тысяч долларов он берется уладить дело и обеспечить вложение капиталов «шейха». Далее все идет как по маслу... Мэр представляет «шейху» сенаторов и конгрессменов. Они наперебой предлагают свои услуги его превосходительству, принимающему их в «своей» ослепительной резиденции в Джорджтауне. Выразителям интересов нации, конечно же, неизвестно, что вилла нашпигована скрытыми камерами и микрофонами («водопроводчики» из ФБР хорошо поработали!), равно как и салон «его» яхты, стоящей на якоре в Делрей-Бич во Флориде (дом и судно были взяты напрокат).

На одной из видеокассет запечатлено, как липовый миллиардер беседует с Харрисоном Уильямсом, занимавшим место сенатора от Нью-Джерси 21 год подряд. На ломаном английском языке с примесью «чисто арабских» выражений «шейх» сообщает Уильямсу, что хотел бы вложить крупную сумму в покупку пресловутой титановой шахты и что для этого нужна его помощь. Затем еще семь встреч в Виргинии и Нью-Йорке. Наконец сделка заключена (и заснята на пленку). В обмен на обещание предоставить долю во владении шахтой сенатор берется заполучить правительственный контракт на закупки будущей продукции. В ту же ловушку попадают и 6 членов конгресса. «Шейх» платит 50 тысяч долларов наличными Джону Мэрфи (представляющему в конгрессе демократическую партию от Нью-Йорка), в прошлом не раз участвовавшему в темных финансовых махинациях, в которых фигурировали шах Ирана и экс-диктатор Никарагуа Анастасио Сомоса. Такую же сумму получает Майкл Мейерс, тоже демократ, избранный от Филадельфии и известный связями с мафией. Столько же Реймонд Ледерер, он тоже демократ и тоже из Филадельфии. У него верные избиратели: в 1980 году, то есть после того, как он был признан виновным, его вновь избирают в конгресс. Только в мае 1981 года, пять месяцев спустя после вынесения приговора, он выйдет в отставку. 50 тысяч долларов принял также избранный в Южной Каролине от демократической партии Джон Дженретт. Его жена прославилась по-своему. Она позировала обнаженной для журнала «Плейбой», и, получив за это 25 тысяч долларов, ничтоже сумняшея заявила, что нашла их в коробке из-под обуви в платяном шкафу. Пакет с 50 тысячами долларов был вручен и Ричарду Келли из Флориды — единственному конгрессмену-республиканцу, приобщившемуся к делу. При воспроизведении видеопленки хорошо видно, как он распахивает пачки долларов по карманам пиджака, вопросительно поглядывая на «шейха»: мол, не видно ли.

Самой большой неожиданностью было появление среди действующих лиц весьма уважаемого председателя Комиссии палаты представителей по контролю за правительственными актами Фрэнка Томпсона, демократа от штата Нью-Джерси. За те же саκραментальные 50 тысяч долларов он обещал устроить «шейху» разрешение на бессрочное пребывание в США.

В июне 1983 года лишь трое из попавшихся пред-

стали перед судом и были приговорены к трем годам тюремного заключения и штрафу от 20 до 50 тысяч долларов. Мягкий приговор, если вспомнить, что в американских тюрьмах немало осужденных на десять лет за кражу какой-то снеди в супермаркете. В Америке чаще, чем где бы то ни было, все зависит от того, «могуществен ты или беден...»*.

Операция «Эбскэм» — всего лишь иллюстрация, пусть самая сенсационная и колоритная, истинного положения вещей. Из коррупции и попыток подкупа соткана американская политическая жизнь. По-другому и не может быть в стране, где мандат в выборный орган чаще всего рассматривается (помимо всего прочего) как средство округлить собственный счет в банке. За 1972—1982 годы 29 членам конгресса и 9 служащим его аппарата были предъявлены обвинения в получении взяток, мошенничестве, лжесвидетельстве, шантаже, краже почтовых отправлений и т. п. Другие (их число не называется) подали в отставку, чтобы избежать судебного преследования. Среди членов конгресса царит принцип взаимной молчаливой терпимости. Чувствуя собственную уязвимость, они не любят совать нос в дела коллег, так как не хотят, чтобы однажды кто-то поинтересовался их делами.

Когда в деле «Кореягейт» представшие перед судом корейцы назвали имена 30 конгрессменов, находившихся у них на содержании, «комитет по этике» палаты представителей выдвинул обвинения лишь против двух своих (тогда еще) членов.

Вряд ли можно привести образец большего «понимания» ситуации. Следует заметить, что пример подобной «терпимости» нередко подается сверху. Как известно, время нахождения Р. Никсона у власти было отмечено не одним крупным скандалом: коррупция, биржевые махинации, спекуляции в строительстве, финансируемом государством, и, наконец, ставший для него фатальным «уотергейт». При проверке государственных расходов, проведенной в 1973 году, было установлено, что Никсон истратил около 10 миллионов долларов из налоговых поступлений на обновление и

* Вот несколько примеров осуждения за мелкие правонарушения, приводимых в списке, составленном Ларри Мичэмом, директором департамента исправительных учреждений штата Оклахома: кража набора инструментов из автомобиля — 4 года тюрьмы; попытка кражи окорока — 2 года; попытка угона автомобиля — 10 лет; кража в мясной лавке — 10 лет. — «Droit et liberté». Supplément au № 400.

украшение личных владений, а также недоплатил в казну налогов на сумму 500 тысяч долларов. Этому не дали хода. Сам он тоже постарался, чтобы дело замяли. По свидетельству бывшего советника Белого дома Джона Дина, президент лично обращался в налоговое управление, чтобы это назойливое учреждение не досаждало некоторым из его ближайших друзей проверкой их доходов*.

Вице-президент Спиро Агню, обвиненный в присвоении общественных средств и злоупотреблении служебным положением, был вынужден подать в отставку. Однако чтобы вознаградить его за «проявление доброй воли», его приговорили лишь к трем годам условно и выплате штрафа в 10 тысяч долларов. Какие пустяки: пост вице-президента принес ему гораздо больше!

Лауреат Нобелевской премии мира Генри Киссинджер за три дня до того, как стал советником Р. Никсона, получил от своего бывшего патрона и постоянного покровителя Нельсона Рокфеллера «презент» — 50 тысяч долларов. Когда сенатская комиссия поинтересовалась смыслом этого королевского подношения, Рокфеллер без тени смущения ответил, что просто хотел подтвердить свое уважение «милому Генри», равно как и некоторым из своих друзей, и что «делиться с ближним было всегда одним из принципов полученного им воспитания»**. Сердцу не прикажешь! Это откровение, хотя и не показалось членам комиссии очень убедительным, тем не менее не помешало конгрессу утвердить кандидатуру Н. Рокфеллера в качестве вице-президента США при Джеральде Форде, обосновавшемся в Белом доме после отставки Никсона в августе 1974 года.

В ходе первой избирательной кампании Рейган обещал в случае своего избрания вернуть американской политической жизни утраченные «честность и порядочность». Тема для предвыборной кампании хорошая, но не более того: он ничего не изменил! Напротив, за годы его пребывания в Белом доме добавилось несколько новых страниц в летописи публичных и скрытых скандалов. Когда, например, заканчивался его первый срок на посту президента, подкомиссия палаты представителей по делам государственной службы опубликовала список. В нем значился 101

* Parenti M. Op. cit., p. 265.

** «Newsweek», 21.X.1974.

человек, которых в федеральные учреждения привлёк сам президент или люди, его окружавшие, и которые оказались замешанными в различных аферах, связанных с коррупцией и лихоимством. «Этот список с каждым днем становится все длиннее,—заявил корреспонденту газеты «Дейли уорлд» член упомянутой подкомиссии.—Это говорит лишь о том, что администрация Рейгана—наиболее коррумпированная администрация за всю историю Соединенных Штатов»*. В этом списке фигурирует и бывший советник президента по национальной безопасности Ричард Аллен: получив от одной из японских газет чек, он добился для нее интервью с супругой президента Нэнси Рейган. Глава Агентства по охране окружающей среды Энн Горсач Бэрфорд также значится в этом списке. Ей инкриминируется пособничество фирмам, виновным в загрязнении окружающей среды токсичными отходами, с чем в принципе она обязана была бороться. Энн Бэрфорд закрывала глаза на их действия, а те в знак признательности «не забывали» о ней.

Но все же это лишь «мелкая рыбешка» в сравнении с ближайшим другом и советником президента Эдвином Мизом, как и он сам, калифорнийцем. Рональд Рейган с немалым трудом сделал его министром юстиции. Миз же тех, кто ссужал его деньгами или делал ценные подарки, начал пристраивать на выгодные места в федеральной администрации. Судьи сочли, что дело не стоит выеденного яйца. Правда, Миз вынужден был временно уйти в тень. Но как только Рейгана переизбрали на второй срок, он был вновь назначен министром.

А вот еще один друг Рейгана и одно время министр труда Реймонд Донован. Ему и шести его партнерам по строительной фирме «Шиавон констракшн компани» было предъявлено обвинение в жульническом присвоении 8 миллионов долларов, принадлежавших Управлению городским транспортом Нью-Йорка, в чьем ведении находится весь общественный транспорт города. Он представил липовые счета в связи с проектом строительства туннеля под Ист-ривер стоимостью в 186 миллионов долларов. «По счастливому стечению обстоятельств» (счастливому для одного из директоров фирмы «Шиавон» Реймонда Донована), два других важных действующих лица этой истории, Сальваторе Фрасконе и Нат Массели, связанные с преступным

* «Daily World», 3.X.1984.

миром Нью-Йорка и главные свидетели на процессе, «исчезли», не успев рассказать о том, что им известно. Как в самом банальном фильме из «черной серии», тело Массели было обнаружено в багажнике автомобиля, брошенного в районе Бронкса — стало известно, что он во время допроса в полиции «раскололся». Что же касается Сальваторе Фрасконе, то о его судьбе никто ничего не знает.

Было бы неправильно завершить это далеко не полное перечисление, не упомянув о чрезвычайном характере дела директора ЦРУ Уильяма Кейси, который был обвинен в использовании служебного положения в целях, явно выходящих за рамки его обычной компетенции. Ряд его сотрудников лично для него собирали конфиденциальную информацию о положении дел на бирже, что позволяло их шефу предпринимать ошеломляющие финансовые операции.

Эти бесконечные скандалы для американской политической жизни не проходят даром. Даже если большинство конгрессменов и высших государственных служащих — люди честные, тем не менее общественное мнение о государственной верхушке складывается на примере скомпрометировавшего себя — и, по-видимому, довольно внушительного — меньшинства. А это подрывает репутацию политиков. Уильям Фулбрайт, долгое время бывший сенатором от Арканзаса и заслуживший широкую известность и уважение за смелость позиций в пользу разрядки, против войны во Вьетнаме, а также неподкупность и верность общественному долгу, как-то, еще до ухода на пенсию, говорил о своей работе в качестве декана факультета Арканзасского университета: «Своим лучшим студентам, будущим юристам, я имел обыкновение советовать заняться политической карьерой. У некоторых это вызывало чуть ли не негодование — как если бы я предложил им заняться жульничеством...» *

У американских правящих кругов (называемых «истэблишментом») само по себе мошенничество не вызывает аллергии, неприемлемым считается попасться с поличным, «вляпаться в историю». Разве не главное — добиться успеха, оказаться в числе «победителей»?! Вот почему никто не возмущился, когда на страницах ежедневной газеты «Ю-эс-эй тудей» в связи с двенадцатой годовщиной дела «Уотергейт» была опубликована информация о том, сколько на нем заработали его

* Green M. Op. cit., p. 276.

главные действующие лица. Их выступления по радио и на телевидении, статьи и лекции оплачивались баснословными гонорарами. Никсон, например, заработал 500 тысяч долларов. Его советник по юридическим вопросам Джон Дин превзошел шефа—700 тысяч. Один из советников при Белом доме и организатор операции Говард Хант-младший получил 300 тысяч долларов. Гордон Лидди, финансовый советник в предвыборном штабе Никсона и агент ФБР, входивший в «мозговую группу» операции,—40 тысяч. Бернارد Баркер, установивший микрофоны «водопроводчик»,—тоже 40 тысяч. Другой из «водопроводчиков», Джеймс Маккорд, занимавшийся вопросами безопасности в комитете по перевыборам Никсона, отличился больше—200 тысяч долларов.

У обвинителей «урожай» был тоже неплох. Бывший сенатор Сэм Эрвин-младший, возглавивший комиссию по расследованию дела «Уотергейт», который, собственно, и выдвинул обвинение против Никсона, заработал на статьях и интервью миллион долларов. Единственным, кто в этом скандале делал свое дело, но ничего не заработал, был Фрэнк Уиллс. Именно он, работавший охранником в отеле «Уотергейт», обнаружил во время обхода взлом и вызвал полицию. Он имел прямое отношение к задержанию группы «водопроводчиков», за что и получил лишь скромное вознаграждение в 2 тысячи долларов. Его работа давала ему 85 долларов в неделю. Скандал, которому Ф. Уиллс невольно положил начало, породил у молодого негра опасения, что «друзья» президента могут с ним расквитаться. Он поэтому тихо-мирно переехал в другое место и оказался... без работы.

Должно быть, Уиллс нередко думает, что лучше бы той июньской ночью 1972 года у него был выходной. Но ни одна телекомпания не обратилась к нему за интервью о его личных невзгодах, поскольку они никому не интересны.

Раз в четыре года в Америке проходят выборы президента. Предшествующая им избирательная кампания длится от 6 до 12 месяцев и представляет собой «самое большое в мире шоу». Все это время направляемые «командами» специалистов (каждая своей) «звезды» сражаются за то, чтобы наилучшим образом «продать» свой имидж. Выдвигаются и другие кандидатуры, но в действительности избиратели могут выби-

рать между кандидатом-демократом и кандидатом-республиканцем. Несмотря на резкость полемики, ярость взаимных атак и применение запрещенных ударов, которыми претенденты на Белый дом обмениваются в ходе кампании, что призвано создать впечатление о борьбе непримиримых противников, эти самые противники согласны в главном — сохранении системы господства денег. «В Соединенных Штатах,— пишет Ф. Лундберг в книге «Америка богачей и сверхбогачей»,— по сути дела, есть одна партия — «партия собственников»,— но у нее два отделения — республиканцы и демократы». В вышедшей в 1967 году книге «Кто правит Америкой?» Дж. У. Домхофф по поводу двухпартийности подчеркнул следующее: «Это наилучшая из систем, когда-либо изобретенных владельцами капиталов для сохранения своего места на вершине пирамиды». «Демократов от республиканцев отличает лишь название,— считает У. Уинписингер, один из наиболее видных прогрессивных лидеров АФТ — КПП, председатель профсоюза механиков.— В действительности двухпартийной системы не существует. У нас есть «демобликанцы» — единая партия, служащая интересам монополий и состоящая из двух крыльев — демократов и республиканцев».

Демократическая и республиканская партии походят друг на друга, как две родные сестры. Они обе преданы интересам транснациональных корпораций, обе согласны (даже с учетом некоторых нюансов) с необходимостью сохранения привилегий и прибылей капиталистов и обе в области внешней политики считают своей целью сбережение и расширение зоны господства американского империализма.

Они, конечно же, родные сестры, хотя и не близнецы. Республиканская партия — любимица «большого бизнеса». Но это вовсе не означает, что демократическая партия обойдена его вниманием или — более того — является «партией бедных». Напротив, к ней часто прибиваются «либеральные» миллиардеры — те, кого не всегда принимают в свою компанию аристократы потомственных состояний. Во время выборов она пользуется поддержкой национальных меньшинств, в частности негритянского населения, а также граждан с невысокими доходами и значительной части представителей «свободных» профессий. Демократическая партия считает себя «другом трудящихся», и, хотя президенты-демократы ничем не подтвердили этого определения, большинство профсоюзов на ее стороне.

Что касается республиканской партии, то ее избиратели в основном состоят из «уасп», то есть белых протестантов англосаксонского происхождения. Это относительно зажиточные слои торговцев, служащих, фермеров, но среди них иной раз оказываются и трудящиеся, в том числе члены профсоюзов. Например, в 1984 году руководство АФТ—КПП призвало своих членов голосовать за Мондейла, однако около 40% организованных в профсоюзы трудящихся отдали свои голоса Рейгану.

Между тем, какими бы идеями ни руководствовались партии—националистическими, консервативными и религиозными у республиканцев или «открытыми», «социальными» и «либеральными» у демократов,—в главном, в основе своей и та, и другая служат господствующему классу, и для последнего это факт очевидный. «Хочу заметить,—признал в 1978 году президент компании «Мобил ойл» Роули Уорнер-младший,—что в течение последних 15 лет деловые круги чувствуют себя при демократических правительствах ничуть не хуже (если не лучше), чем при республиканских».

Именно при президентах-демократах Гарри Трумэне и Джоне Кеннеди Соединенные Штаты вели войны в Корее и против Вьетнама, предприняли в заливе Кочинос антикубинскую авантюру. А президенты-республиканцы Дуайт Эйзенхауэр и Ричард Никсон заключили-таки мир: один—в Корее, другой—во Вьетнаме. Это вовсе не означает, что одни лучше других, а только свидетельствует о том, что в силу обстоятельств они могут повести себя вовсе не так, как можно было бы ожидать, исходя из созданного имиджа. И этому незачем удивляться, ибо в целом они проводят одну линию. Так, политика республиканца Рональда Рейгана—откровенно антисоциальная внутри страны и крайне агрессивная в делах внешних—во многом является лишь продолжением политики демократа Джимми Картера. Консерватор до мозга костей, Рональд Рейган внес в нее свои личные мотивы, сделав ставку на разжигание шовинизма в американском общественном мнении, уязвленном унижениями и провалами, которые Америка претерпела в Иране и других местах. На протяжении первых четырех лет его пребывания в Белом доме, несмотря на существование определенной оппозиции в конгрессе (в частности, со стороны темнокожих конгрессменов), и демократы, и республиканцы чаще всего приходили к согласию

относительно проводившегося им сокращения налогов, что было на руку наиболее богатым, урезывания кредитов на социальные программы или еще большего, даже с учетом ряда оговорок, раздувания и без того непомерного военного бюджета.

Находясь у власти, и республиканцы, и демократы действуют настолько одинаково, что многим американцам абсолютно все равно, какой из двух партий принадлежит президентский пост. Это отсутствие реальной альтернативы во многом объясняет огромное число воздерживающихся от голосования на президентских выборах. Еще 100 лет назад в голосовании участвовало больше четырех пятых избирателей. Этот показатель постоянно снижался, особенно за двадцатилетний период между 1960 и 1980 годами: с 62,8% в 1960 году до 61,9% — в 1964-м. Затем с 55,5% в 1972-м до 54,4 в 1976 году и с 52,6 в 1980-м до 51,4% в 1984 году. Заметим, что в 1984 году количество участвовавших в голосовании по сравнению с 1980 годом увеличилось на 3 миллиона человек (с 86,5 до 89,3 миллиона), что отчасти явилось результатом проведенной Джесси Джексоном кампании по регистрации и привлечению к голосованию негритянского населения.

От участия в голосовании чаще всего воздерживаются самые неимущие — как раз те, кто в наибольшей степени страдает от тех или иных решений властей, всегда непоколебимо стоящих на страже интересов привилегированных слоев общества. Именно поэтому вопрос о снижении количества не участвующих в выборах так мало волнует правящий класс. Напротив, все делается для того, чтобы еще более усложнить избирательную процедуру. Так, прежде всего весьма непросто попасть в списки избирателей. Кроме того, нужно соблюсти массу формальностей, а избирательные участки расположены порой далеко, и дорога до них может стоить денег. Далее, голосование проводится в рабочий день, вторник. Это значит, что для того, чтобы принять участие в выборах, приходится терять полдня. Процедура голосования имеет свои сложности — помимо того что нужно определить для себя кандидатуру президента, надлежит также отобрать еще десяток претендентов на другие должности (сенатора, сенатора штата, шерифа, судей и т. д.); одновременно с этим нередко проводятся референдумы по самым различным вопросам, где тоже не так легко разобраться. Все это создает существенные препят-

ствия для наиболее обездоленных и малообразованных социальных слоев.

Довольно часто людей, вроде бы и принадлежащих к одной политической формации, разделяет целая пропасть. Что общего, скажем, у белого бизнесмена, типичного южанина с глубоко укоренившимися расистскими взглядами, и чернокожего металлиста из Питтсбурга, хотя они оба и демократы?! Или у хозяина предприятия, принадлежащего к «уасп», республиканца и члена клуба, в который, как и прежде, евреев не пускают, и пожилой дамы из Нью-Йорка, голосующей за Рейгана, поскольку он-де «защищает Израиль»?! У страстно выражающего гнев чернокожих американцев Джесси Джексона и изнеженного Гарри Харта, этого представителя нового поколения рвущихся к власти богачей?!

Среди демократов в не меньшей степени, чем среди республиканцев, представлены самые различные политические группировки и тенденции. Здесь есть и убежденные консерваторы, и заигрывающие с марксизмом социалисты, не питающие иллюзий в отношении самой демократической партии, но считающие, что пока они не могут вести самостоятельной, вне ее рядов борьбы. Существующая в Америке партийная система и в самом деле не оставляет места для появления и прежде всего развития каких-то иных, помимо двух традиционных партий, политических объединений. Республиканцы и демократы фактически действуют заодно, чтобы сохранить статус-кво и предотвратить образование партий, способных составить им конкуренцию.

Целый ряд весьма строгих законодательных актов стоит на пути эффективного участия каких-то других партий в общественной жизни, а также их развития. Стремление создать третью, «настоящую» партию (в том числе попытки Джона Андерсона, собравшего на президентских выборах 1980 года около 6 миллионов голосов по сравнению с 44 миллионами у Рейгана и 35,5 миллиона — у Картера) до сих пор реализовать не удавалось. С течением времени требования закона и разного рода регламентация не только не смягчились, но стали еще жестче по отношению к тем, кто хотел бы обойти двухпартийную систему. Например, федеральный закон 1974 года определяет сумму субсидий, предоставляемых государством двум традицион-

ным партиям для ведения избирательных кампаний (в 1980 году каждая из них получила по 30 миллионов долларов). Другие же политические группировки могут рассчитывать на финансовую помощь лишь после выборов, и только в том случае, если они получают по меньшей мере 5% от общего числа, или около 4 миллионов голосов. Практически они лишены такой возможности, потому что именно финансовых средств — чтобы купить, скажем, телевизионное время или место на газетных полосах, без чего невозможно ни изложить программу, ни заручиться поддержкой избирателей, — им и не хватает. Очень немногим — тем, у кого есть хоть какие-то средства, — удастся пробить брешь (весьма скромную) в этой стене замалчивания. В некоторых штатах, чтобы принять участие в выборах, независимый кандидат обязан сделать дополнительный взнос, размер которого по карману отнюдь не всем. Скажем, чтобы баллотироваться во всех пятидесяти штатах, «третья» партия должна была бы заплатить за право внесения в списки своего кандидата 750 тысяч долларов. Кроме того, независимым кандидатам необходимо предварительно собрать определенный минимум подписей (во всех штатах около 1,2 миллиона). Количество подписей и время, за которое их надо получить, в каждом штате варьируется.

В Пенсильвании, например, требуется 36 тысяч подписей, собранных в течение трех недель. В Калифорнии менее чем за два месяца надо собрать 120 тысяч подписей.

В 1932 году американская компартия выставляла своего кандидата в президенты в 38 из 48 штатов. В 1972 году из-за новых ограничений кандидат компартии смог баллотироваться лишь в 13 из 50 штатов. «В юридическом отношении включить кандидата-коммуниста в число претендентов на президентское кресло — это все равно что пуститься в пляс по минному полю», — отмечает Саймон Джерсон, в 1984 году занимавшийся организацией избирательной кампании компартии. Но «мины» эти не только юридические, есть и психологические. Конечно, времена «охоты на ведьм», которые в нашей памяти ассоциируются с именем Маккарти, канули в Лету. Но подписать петицию в поддержку кандидата-коммуниста — значит сильно рисковать, и прежде всего тем, что на тебя наклеют ярлык «красного». Некоторые особо благонамеренные местные газеты могут опубликовать имена подписавших петицию (и такие случаи были), чтобы

«добропорядочные» граждане были осведомлены, с кем имеют дело. И тогда тот, кто поддержал кандидата-коммуниста, может потерять место, и вовсе необязательно ему назовут истинную причину увольнения. Есть над чем задуматься даже самым решительным...

Но даже если собрано необходимое число подписей, это еще не значит, что независимый кандидат, особенно коммунист, получит право на выдвижение своей кандидатуры и ведение предвыборной кампании. Например, во время президентских выборов 1984 года власти штата Массачусетс отказали в регистрации кандидатур Генерального секретаря Компартии США Гэса Холла на пост президента и Анджелы Дэвис — вице-президента. Несмотря на то, что под петицией было собрано 58 тысяч подписей, хотя требовалось всего 41 тысяча, власти настояли на проверке некоторых подписей ввиду их «сомнительности». За двое суток уполномоченным кандидатов следовало собрать на каждую подпись отдельное досье в 351 городе и населенном пункте, где была назначена «проверка», и затем вручить их ответственным за проведение выборов чиновникам. Абсурдное, невыполнимое требование! Несмотря на все рогатки, о которых апологеты американской «демократии», конечно же, умалчивают, кандидатуры Гэса Холла и Анджелы Дэвис собрали более полумиллиона подписей и были внесены в избирательные бюллетени в 23 штатах и федеральном округе Колумбия (куда входит Вашингтон, пользующийся особым статусом). Настоящий успех, ибо это произошло в стране, где участвовать в политической жизни, не входя в касту привилегированных или не прислуживая ей, практически невозможно.

КТО РАСПЛАЧИВАЕТСЯ, ИЛИ ОГРАБЛЕНИЕ ПО-АМЕРИКАНСКИ

Я подчас спрашиваю себя, какой может быть толк в том, чтобы обороняться от мнимых внешних опасностей в то время, как признаки внутренней деградации являются столь очевидными.

*Джордж Кеннан,
американский дипломат*

«Наш автобус следует по маршруту Питтсбург — Детройт — Чикаго. Там пересадка на западное направление, до Сан-Франциско. Вы только что поели, устраивайтесь поудобнее. Можете разуться (если, конечно, у вас чистые носки!). Включая свой транзисторный приемник, пользуйтесь наушниками, чтобы не мешать соседям. Задние места предназначены для курящих. Напоминаю, что в автобусе запрещено распивать алкогольные напитки, курить марихуану и подобные ей снадобья. Чтобы свернуть свой «джойнт» (сигарету с марихуаной), придется дожидаться прибытия на место». Водитель некоторое время наслаждается эффектом, который произвела на пассажиров его маленькая речь — упоминание о чистых носках вызвало общий смех, — и умолкает, сосредоточив все свое внимание на дороге.

Этот ритуал практически без изменений повторяется во всех автобусах компании «Грейхаунд», которые днем и ночью, с востока на запад и с севера на юг колесят по американским дорогам. Это наиболее дешевый и популярный вид транспорта. Им пользуются эмигранты из Латинской Америки, «поднимающиеся» к своим родственникам на север, в то время как потерявшие работу, напротив, «спускаются» из Нью-Йорка, Бостона, а также переживающих упадок промышленных городов штатов Огайо, Мичиган, Иллинойс в «солнечный пояс» — Техас, Аризону, Флориду, Калифорнию, где они рассчитывают найти место. В Америке не боятся «заглатывать» километры. Дорога от

Нью-Йорка до Сан-Франциско занимает в автобусе 5—6 дней, а это дольше, чем долететь от Нью-Йорка до Парижа. И хотя жестокая конкуренция вынуждает авиакомпании снижать цены на билеты, перелет в самолете беднякам не по карману.

Поезд по железной дороге обходится дороже, и он менее практичен и удобен, поскольку протяженность железнодорожных линий и количество вокзалов явно недостаточны для такой огромной страны. Когда-то между «рельсами» и «автострадой» произошла не одна баталия, но автострада давным-давно одержала победу. Не потому, что было доказано ее преимущество, а просто потому, что лобби автомобильных и нефтяных магнатов навязало выгодное для них решение.

Иностранец с удивлением обнаруживает в стране «передовой техники» поезда, которым и по виду никак не меньше 40 лет. В них так трясет, что невозможно спать, а выпить чашку кофе—все равно что выполнить рискованный цирковой трюк. Точность и надежность также не относятся к преимуществам американских железных дорог. Любителям статистики есть отчего волноваться, когда они садятся в поезд: по данным Брока Адамса, министра транспорта в администрации Картера, в 1977 году с рельсов сошли 8 тысяч составов (включая товарные), причем половина—из-за плохого состояния путей и их неправильной эксплуатации*. По этим причинам американец со скромным достатком предпочитает услуги компании «Грейхаунд». По дороге он поглощает захваченные из дома сэндвичи, откупоривает несметное количество банок кока-колы... На остановках проглатывает гамбургер или «хот-дог» в закусочных «Бургер-кинг», множество которых, как две капли воды похожих друг на друга, утыкано на всем пути от Атлантики до Тихого океана. За одиноковыми никелированными стойками суетятся официантки—также одинаковые, будто штампованные. Чаше негритянки или мулатки, одинаково худые, как и все дети бедняков. Надрессированно тихо они говорят в микрофоны, установленные у кассы, чтобы передать заказ повару. Одинаковые подносы, одинаковые, на три четверти заполненные льдом, стаканы с «кокой», одинаковые посетители в поношенной одежде. Одинаковые и охранники—в униформе, с револьвером на поясе. Они напоминают слишком медлительным клиентам, что в самой закусочной сидеть можно

* «The New York Times», 16.IV.1978.

не более 20 минут, а зал ожидания—рядом... Там—кресла с «персональным» телеэкраном, «отпускающим» 15-минутную передачу за 25 центов и уберегающим от размышлений вплоть до отправления автобуса. Впереди следующая остановка, в следующем городке, который похож на только что покинутый не меньше чем только что съеденный «хот-дог» на тот, что ждет вас через час.

От Кливленда до Детройта, от Детройта до Чикаго, от озера Эри до озера Мичиган дорога пересекает край лесов, рек, прерий и огромных полей, обнесенных оградами с надписью «частная собственность». Величественный пейзаж! Здесь деревья, реки, долины, вся природа вместе с небом и воздухом кажутся и огромней и новей, чем в Европе.

В каждом населенном пункте—вдоль улиц ряды лужаек и деревянных домов. Одни выглядят богато—свежевыкрашенные, много цветов. Другие—мрачные и обветшавшие—пахнут нуждой. По пути время от времени попадаются торговые центры—супермаркет, кинотеатр, закусочные и рестораны. Еще до прибытия вы уже знакомы с ними по гигантским панно, висящим на 30-метровых бетонных мачтах и будто оспаривающим друг у друга высоту и размеры, чтобы как можно сильнее прокричать о «немыслимо сниженных ценах», о «невиданных распродажах» и «сделках века», которыми необходимо воспользоваться, «пока не поздно». Торжествующая буква «М» на закусочных «Макдональд». Рекламные щиты сообщают всем от океана до океана, что в 1984 году «Макдональд» продал свой 45-миллиардный гамбургер.

В нескольких милях отсюда сам город. В центре теснятся несколько небоскребов с конторами главных банков, страховых компаний, крупных промышленных и сельскохозяйственных фирм. У подножия башен из бетона, стекла и алюминия зачастую можно видеть церквушку или другое религиозное учреждение—роскошное или убогое. Здесь же парфюмерный магазин, парикмахерская, пиццерия, китайский или мексиканский ресторанчик и, наконец, «ночной клуб»—это последнее перевоплощение «салуна», где посетители, если позволяет местное законодательство (в «сухих» округах торговля алкоголем запрещена), могут заказать пива или что-нибудь покрепче.

Европеец, привыкший к каменным городам, настолько потемневшим от времени, что кажется, будто они всегда были такими, испытывает легкий дискомфорт,

очутившись в окружении строений из легких материалов: будто заранее было условлено сделать все как можно дешевле, поскольку не было уверенности, что предстоит обосноваться навсегда. Населенные пункты невозможно отличить друг от друга: они сразу же забываются, память смешивает их в одну массу. И вскоре в ней не удерживается ничего, кроме нескольких рекламных панно—оригинальнее и ярче других, смелых, зачаровывающих линий какого-нибудь ультрасовременного здания, мотеля, стилизованного под мексиканское ранчо, и дороги, уходящей в бескрайнюю даль огромного континента.

Однако чтобы действительно увидеть страну и понять масштабы опустошения, поразившего сердце индустриальной Америки (треугольник Бостон—Филадельфия—Чикаго), надо отклониться от маршрута «Грейхаунда» и отправиться в рабочие кварталы Детройта, Кливленда, предместья Питтсбурга (Хомстед, Мак-Киспорт и Аликуиппа), пожить на окраине Чикаго.

Скотт Маршалл, бывший профсоюзный деятель на сталелитейном заводе компании «Ю.С. стил саут уоркс», а ныне безработный, рассказывает: «Когда-то этот район Южного Чикаго на берегу озера Мичиган имел собственного мэра... Но в наши дни он тотчас бы обанкротился. Ему было бы не под силу собрать местные налоги. Здесь царит нищета...»

Нескончаемые серые стены, за которыми видны крыши умолкших цехов. На воротах, уже заржавевших, бесполезное и вызывающее горькую усмешку объявление: «Извините, работы нет». Пустота, безлюдье... «В 1974 году,—говорит Маршалл,—к пяти проходным каждое утро приходило 6 тысяч рабочих. Теперь, десять лет спустя, не наберется и 900. Да и это число постоянно сокращается. Одной проходной—той, что с противоположной стороны ограды—вполне достаточно. Когда-то на этой улице бурлил людской поток и было нелегко пройти, а тем более найти место для машины».

Ничего этого теперь нет. Гигантская стоянка по-прежнему существует, но она пуста. На ней, пожалуй, можно было бы провести одновременно два футбольных матча: игроки не помешали бы друг другу. Кое-где видны дырявые и ободранные каркасы брошенных машин. В самом центре стоянки кто-то водрузил пустую пивную бутылку—это так нелепо, что воспринимается как сигнал бедствия. Вокруг такие же

мертвые улицы. Магазины закрыты, как и банк. За разбитыми стеклами витрин с трудом можно прочесть выцветшее уведомление: «Закрыто навсегда». Пока еще работает большая бакалейная лавка с облупившимися стенами, помпезно названная «Супермаркет». Правда, лишь два дня в неделю. Здесь можно купить бутерброды, сигареты, кое-какие замороженные продукты. Забегаловка, что напротив бывшей проходной, медленно оседает на свою цементную платформу. Кажется, одна лишь ее вывеска победоносно сопротивляется времени и непогоде и, хотя от ветра немного покривилась, выглядит совсем новой. На ней выведено: «Польские сосиски» — явная апелляция к чувствам сотен тысяч американцев польского происхождения, населяющих Чикаго.

Опустело и кафе «Чайка», где обычно собирались люди после работы. Даже помещение, где раньше находилось местное отделение профсоюза, продается. Но кому придет в голову что-нибудь здесь покупать? На большой, но почти пустой улице на краю тротуара — трое чернокожих ребятишек. Они смотрят на проезжающие автомобили — столь нечастые в этих местах. Они так же молчаливы и полны безразличия, как статуя Христофора Колумба (облегающий камзол, одна рука на бедре, другая возлежит на карте мира), все еще возвышающаяся на маленькой площади лицом к заброшенным магазинам. Чуть поодаль каменная стела — напоминание об ожесточенных битвах рабочих в мае 1937 года. Против демонстрации забастовщиков с «Рипаблик стил» и других сталелитейных заводов была брошена полиция. Сначала рабочих избивали, а затем полицейские открыли огонь — 7 убитых и около 100 раненых.

Неподалеку отсюда — одно из предприятий «Висконсин стил», когда-то принадлежавшее компании «Интернэшнл харвестер». Не так давно государство выделило ей 90 миллионов долларов на модернизацию. Но сейчас там тоже сворачивается производство. «А ведь там только недавно установили ультрасовременное оборудование, в частности в литейном цеху № 6, — рассказывает Скотт Маршалл, поглядывая, как у завода взад-вперед снуют огромные грузовики. — Внутри работают бригады, демонтирующие оборудование. Все это владельцы продадут или установят на заводах, которые строятся на Юге или за границей. Теперь рабочие снимают станки и сносят цеха, получая при этом чуть больше 4 долларов в час, а на

производстве они зарабатывали 9—15 долларов. Большинство же вообще без работы, приходится выкручиваться. Некоторые хотят попытать счастья в Техасе или Калифорнии... Стоит, видимо, рассказать, как в марте 1980 года завод был закрыт. Компания «Интернэшнл харвестер» продала его фирме «Энвай-ордайн холдинг компани», практически не имевшей отношения к металлургии, предоставив ей кредит в 50 миллионов долларов. На самом деле все это было проделано, чтобы уйти от выполнения обязательств по контрактам с профсоюзами, предусматривавшим возмещение ущерба работникам в случае окончательного увольнения. На заводе прошел слух, что хозяева собираются убраться, ничего не заплатив рабочим. Чтобы «положить конец слухам», директор собрал 3,5 тысячи рабочих предприятия и обратился к ним с такой речью: «Не верьте слухам. Я вас заверяю, что дела компании идут хорошо и вы еще долго здесь проработаете. Мы долго трудились вместе и потрудимся еще...» А затем в одно прекрасное утро ворота завода оказались на запоре. Рабочие остались ни с чем. Но и это не все. Несколько дней спустя банки вернули рабочим по почте чеки на получение последней полумесячной зарплаты. Причина — чеки не обеспечены. Компания закрыла счет и объявила о банкротстве. Директор просто усыпил бдительность трудящихся, опасаясь, как бы подлинный план компании не выплыл наружу и рабочие не начали действовать. Эта махинация принесла хозяевам около 3 миллионов долларов. Рабочие — помимо места — потеряли не только последний двухнедельный заработок. Они лишились выходных пособий и накоплений пенсионного фонда, в который годами вносили деньги, чтобы впоследствии получать пенсию по старости. Они потеряли право на страховое обеспечение в случае нетрудоспособности, также оплаченное их же взносами. Все это у них отняли разом. И сделать было нельзя ничего, поскольку официально компания считалась обанкротившейся.

Логично было предположить, что государство, которое ее субсидировало, а значит, могло получить какую-то часть средств от продажи оборудования, должно было бы чувствовать свою ответственность. Именно этого добивались профсоюзы, но безрезультатно...

Ликвидация предприятия, о чем рассказал Маршалл, махинация, жертвами которой оказались его

бывшие работники,— лишь один из множества подобных случаев. Отношения между рабочими и предпринимателями подчинены законам бизнеса: последнее слово за теми, кто посильнее и похитрее.

В апреле 1983 года мэром Чикаго стал Гарольд Вашингтон, несмотря на то что прежняя администрация демократов, связанная с местной мафией, организовала против него яростную расистскую кампанию. Он вновь и вновь обращался с просьбами об оказании государственной помощи уволенным рабочим сталелитейных предприятий города. Но тщетно. «Мы отдаем себе отчет в том, что должны рассчитывать только на собственные силы,— заявил пресс-секретарь мэра Кристофер Чандлер.— Так, мы стараемся разместить на предприятиях нашего города заказы на все 400 миллионов долларов, которые предназначены на городские нужды. Но можно ли сделать больше в условиях такого упадка? 10 лет назад на «Ю.С. стил» было занято 22 тысячи человек. Сейчас она предоставляет лишь тысячу рабочих мест, и это число постоянно снижается».

В 700 километрах от Чикаго, в Питтсбурге, бывшей «стальной столице мира», как и повсюду в долине Мононгахилы— в Кливленде, Лорейне, Янгстауне,— все тот же бессильный гнев и та же печаль. Это край, задавленный кризисом и политикой свертывания производства, проводимой транснациональными корпорациями.

В крохотном кабинетике в Мак-Киспорте (пригород Питтсбурга) президент местного отделения профсоюза работников сталелитейной промышленности Ричард Грейс с горечью рассказывает: «Мне 54 года, и 34 из них я провел в «Ю.С. стил» в Мак-Киспорте. Когда я только начинал, на нашем заводе работало 7 тысяч человек. В мае 1984 года их осталось не более 400. Параллельно таяло и число членов нашего профсоюза. Пока еще 4 тысячи человек продолжают платить членские взносы, но их становится все меньше и меньше. У нас здесь все зависит от сталелитейного производства, и сокращение рабочих мест в этой отрасли ведет к их потере во всех остальных. Ситуацию можно проиллюстрировать двумя цифрами: 21% жителей Мак-Киспорта— безработные, 17%— пенсионеры, которые, разумеется, в золоте не купаются. Каждый из них имеет по меньшей мере тридцать лет непрерывного стажа, и теперь они получают в среднем тысячу долларов в месяц. Чаще всего из этих же де-

нег приходится выплачивать ссуду за дом. Ежемесячно это отнимает 300—400 долларов. Кроме того, следует предусмотреть расходы на случай болезни. Нередко из этих же денег они помогают безработным детям. У тех, кто нашел новое место и может считаться счастливым, свои проблемы. Когда-то в этих местах сталелитейщики зарабатывали очень хорошо. Что можно ждать от человека, привыкшего зарабатывать 12—15 долларов в час, а теперь—только 5 долларов и работающего неполный день? Только из знакомых мне людей за последние месяцы четверо покончили с собой. Когда нет денег, все рушится. Все меньше магазинов, поскольку торговцы, чтобы окончательно не разориться, предпочитают податься в другие края. Вы обратили внимание, какие у нас дороги? Одни ухабы. А зимой? Еще хуже! Чтобы собрать деньги на ремонт дороги, местные власти ввели налог на бензин. Во всяком случае, нам так говорили. Не знаю, что случилось с деньгами, но на ремонт они не пошли: сделали только мелкие заплатки на асфальте. Настоящего ремонта никто не проводил. Существует и большая проблема с водой: трубы настолько старые, что прохудились и вода идет загрязненная. В прошлом месяце около ста человек попали в больницу. К счастью, никто не умер. Но теперь мы пьем лишь ту воду, которую привозят в цистернах солдаты. Я, например, запасуюсь водой дважды в неделю. Уехать отсюда? Во-первых, это не так просто. Надо еще суметь продать имущество. Кто же купит дом в городе—почти призраке и сколько мне за него дадут? Да и куда? Часть молодежи перекочевала на Юг. Но вскоре от них стали приходить письма, что все складывается совсем не так, как они себе представляли. И на Юге непросто найти работу. Даже если удастся подыскать место, то платят очень мало. Те, кто остается, крутятся весь день как в заколдованном круге, спрашивая себя, что делать дальше...»

Некоторые находят ответ в нескольких шагах от местного отделения профсоюза. Недавно здесь был открыт сияющий, как новая монетка, армейский призывной пункт. Дядя Сэм открывает им свои объятия: «Вступай в армию!» Плакат обещает им деньги, пальмы, солнце, улыбки туземных женщин и «славу» в придачу. Однако очереди здесь не видно: Вьетнам еще не забыт.

В ближайшем баре несколько безработных, которым пока еще есть чем заплатить за стаканчик,

коротают время за телевизором. Другие дергают за рычаги электронных игровых автоматов, стремясь расправиться с «космическими завоевателями». На стене — реклама, расхваливающая достоинства местного пива. Как отголосок недавнего прошлого, оно по-прежнему называется «Пивом Железного города».

Джон Ингерсолл, вице-президент местного отделения профсоюза в Хомстеде, обвиняет в создавшемся положении и стальные монополии, и федеральное правительство, и руководство АФТ—КПП. «Вся история компании «Ю.С. стил» пропитана ложью и мошенничеством,— жестко говорит он.— Это началось еще со времен банкира Дж. П. Моргана, основавшего компанию. В 1865 году, во время Гражданской войны, он сколотил состояние на том, что скупал в армии по доллару за штуку ружья, в которых были обнаружены неисправности, а затем перепродавал их интендантским службам, но уже по 20 долларов. Это исторический факт. Для семейства же Морганов это только начало. Позже они проделывали вещи и похлеще! В годы второй мировой войны правительство, чтобы удовлетворить спрос на сталь, выделило около 770 миллионов долларов на строительство новых предприятий. После войны все эти принадлежащие государству заводы были перепроданы «Ю.С. стил» и другим магнатам сталелитейной промышленности по цене, в 5—10 раз меньшей их действительной стоимости. Подарок от правительства за счет налогоплательщиков. Президент «Ю. С. стил» Дэвид Родерик, который, помимо дивидендов от акций, получает «зарплату» в 750 тысяч долларов в год, считает, что все зло идет оттого, что производимая в Америке сталь неконкурентоспособна на мировом рынке. И следовательно, чтобы модернизировать производство, необходимо всем идти на жертвы. В 1979 году 6 сталеплавильных заводов в долине Мононгахилы использовали труд 28 тысяч рабочих. В январе 1984 года их оставалось 6 тысяч. Мы были самыми высокооплачиваемыми рабочими в мире. В 1971 году на общенациональном уровне руководителями профсоюза был подписан с хозяевами коллективный договор, который практически запрещал нам бастовать. Договор должен был обновляться каждые три года. К моменту истечения его срока с представителями компаний должны были вестись соответствующие переговоры. В случае если соглашения достигнуть не удавалось, следовало вопрос передавать на рассмотрение арбитражной комиссии из 3 человек,

решение которой являлось обязательным для обеих сторон. В 1974 и 1977 годах обновления договора удалось достичь без помощи арбитров. А в 1980 году договор расторгли сами компании. Как же так, ведь в течение 20 лет дела, судя по всему, шли неплохо, и считалось, что оснований для беспокойства в отношении будущего нет. И тем не менее все рухнуло. Изменились условия, бороться стало труднее, поскольку последняя забастовка состоялась у нас в 1959 году, и немало рабочих вообще не знают, что такое забастовка и что означает оказаться на улице. Такого с ними никогда не случалось, и разразившаяся в сталелитейном производстве катастрофа ввергла их в состояние оцепенения. Они не могут понять, что произошло. Наши места чаще всего называли «Долиной стали», но сегодня это в полном смысле слова «Долина отчаяния».

С 1974 до 1983 года общее число занятых в сталелитейной промышленности Америки сократилось с 487 тысяч до 246 тысяч. То есть почти наполовину. Вопреки так называемому «оживлению», о котором столь безосновательно говорил в это время Рональд Рейган, три четверти и даже больше трудящихся уже никогда не найдут работу. Несколько гигантских компаний, монополизировавших производство стали («Ю.С. стил» и «Бетлим стил», «Шит энд тьюб», «Рипаблик стил», «Крусибл стил», «Джонс энд Логлин»), не преминули воспользоваться ситуацией и предложили рабочим сделать выбор: «Или вы идете на жертвы ради модернизации и повышения конкурентоспособности, или закрытие предприятий будет ускорено». Иначе как шантажом это не назовешь! В феврале 1983 года руководство профсоюза сталелитейщиков подписало с предпринимателями этой отрасли контракт, который по европейским меркам сродни полной капитуляции. По новому договору почасовая зарплата уменьшилась на 1,25 доллара, на 1,5 года «заморожена» подвижная шкала зарплаты, на неделю сокращены оплачиваемые отпуска тем, кто ими пользуется (а это право есть отнюдь не у всех трудящихся), урезаны надбавки за работу в воскресенье и праздничные дни. По подсчетам профсоюзов, эти уступки равнозначны субсидии в 3 миллиарда долларов, предоставленной трудящимися магнатам металлургической промышленности. Тем не менее и эти «жертвы» сколько-нибудь существенно не приостановили увольнение «лишних» рабочих и не подтолкнули обещанную мо-

дернизацию. Напротив, демонтаж американских сталеплавильных предприятий продолжился.

Официально кризис в металлургии объясняют так же—или очень похоже,—как и в Европе: образовались «излишки» стали, поскольку на рынке появились новые страны-производители; к тому же применение новых материалов (в частности, пластмасс, используемых в автомобилестроении) снижает спрос на металл; сохранение производства требует сокращения поглощаемых им средств путем модернизации предприятий, а значит, и сокращения числа занятых. Что же станет с трудящимися, оставшимися без работы, и их семьями, что будет с десятками и сотнями больших и малых городов, чье существование и благополучие связано с производством металла? «Переходный период должен быть трудным»,—подчеркивала «Нью-Йорк таймс», не уточняя, что будет после этого «периода», конца которому не видно...*

На мировом рынке действительно появились новые страны-производители. В 1950 году в Соединенных Штатах выплавлялось 46% мирового производства стали, или 97 миллионов тонн**. В 1980 году этот показатель упал до 15% и равнялся 111 миллиону тонн (или на 20 миллионов тонн меньше, чем в 1970 году). Тридцать лет назад американские стальные магнаты шли во главе мировых экспортеров стали. Сегодня на мировом рынке они продают менее десятой части того, что экспортирует Япония.

Действительно, за 1975—1980 годы количество стали, необходимой для изготовления автомашин, сократилось на одну четверть, в то же время развитие автоматизации и роботизации в производстве стали вызвало уменьшение числа рабочих мест. Но какими бы важными и реальными ни были эти факторы, не они определяют положение в отрасли. Причиной упадка в американской сталелитейной промышленности является политика монополий, их погоня за максимальными прибылями. Им, видите ли, норма прибыли в этой отрасли, требующей огромных капиталовложений, кажется недостаточно высокой, хотя она и выше, чем во многих других отраслях. Здесь за 1969—1977 годы получено 6,7% чистого дохода***. Но как могли стерпеть

* «The New York Times», 29.IX.1980.

** В американской тонне 907 кг.

*** См.: Steel at the Crossroads. The American Steel Industry in the 80's. American Iron and Steel Institute, Washington, 1980.

хозяева монополий, если по американской промышленности за тот же период средняя норма прибыли равнялась 12,6%? Им выгоднее вкладывать капиталы в другие области производства и в другом месте.

Выжав максимум выгоды из сталелитейных заводов (которые, как отметил Джон Ингерсолл, нередко скупались у государства по бросовым ценам и в которые вкладывались лишь минимальные, необходимые для производства средства), предприниматели решили просто-напросто их закрыть. Бывший рабочий «Ю. С. стил» из Хомстеда, уже более года безуспешно пытающийся найти работу, определил ситуацию следующим образом: «От них взяли все, а потом обрекли на смерть».

Высвобожденный капитал вкладывается в более прибыльные предприятия, находящиеся в самих Соединенных Штатах или за границей. Это называется «диверсификацией». Так, в 1982 году «Ю.С. стил» за 6 миллиардов долларов купила нефтяную компанию «Маратон ойл компани». Сделку одобрил и санкционировал президент профсоюза американских сталелитейщиков Ллойд Мак-Брайд, который считает, что трудящиеся и предприниматели «сидят в одной лодке» и должны объединиться во имя спасения «своих» предприятий. По его словам, улучшение финансового положения «Ю. С. стил», достигнутое благодаря добровольным жертвам со стороны трудящихся, с одной стороны, и инвестициям в нефтяной бизнес — с другой, поможет компании более эффективно бороться за сохранение занятости. Дальнейшие меры, предпринятые владельцами компании, привели к свертыванию всего ее сталелитейного сектора и быстро развеяли эти иллюзии, жестоко ударив по трудящимся. «Ю. С. стил» начала в широких масштабах «диверсифицировать» свою деятельность и направила свои капиталы в химическое производство, недвижимость, машиностроение, речной транспорт и т. п. Прибыль от производства стали в 1980 году составила лишь 11% всех доходов компании, и с тех пор она продолжает сокращаться. И президент фирмы Дэвид Родерик не скрывает своих дальнейших намерений: «Нас со сталелитейным производством брачный договор не связывает: прибыль укажет нам, в каком направлении и когда стоит идти»*. Ту же политику проводят и другие стальные монополии. Например, «Нэшнл стил» вложи-

* «Labor Today», March 1981.

ла капиталы в банковское дело, прибрав к рукам «Ситизенз сейвингз энд лоунз оф Калифорния», «Уэстсайд федерал бэнк» (Нью-Йорк), «Вашингтон сейвингз энд лоунз» (Флорида), а «Армко стил» так расширила «поле деятельности» (за счет своего первоначального предназначения—производить сталь), что ее руководство решило даже убрать из названия компании слово «стил» («сталь»).

Другим направлением такой «реконверсии» является расширение капиталовложений в странах, где за счет исключительно дешевой рабочей силы можно получать гораздо более высокие, чем в Америке, прибыли. Так, в 1977—1978 годах американские банки финансировали строительство новых сталеплавильных заводов в Бразилии, Южной Корее, Мексике, Японии и в других местах, оговаривая последующий импорт части их продукции в Соединенные Штаты*.

Параллельно с этим американские монополии подписывают соглашения как с уже существующими иностранными компаниями, так и с вновь созданными при их же содействии. «От Южной Кореи до бассейна Амазонки и Рура,—пишет «Уолл-стрит джорнэл»,—производители стали используют любые возможности... Они ткут густую сеть объединений, перекидывая ее через океаны и континенты»**. И—следовало бы добавить—объединений, пользующихся покровительством руководимых американцами транснациональных корпораций. В этой игре проигравшей стороной являются выброшенные на улицу американские металлурги, ожидающие обещанного «обновления», и страны, выполняющие роль поставщиков дешевой рабочей силы и товаров.

Однажды президент «Ю. С. стил» заметил, что главной целью его корпорации является «производство денег, а не производство стали». Хотя Старым Светом движут такие же мотивы, об этом там не говорится столь откровенно, как в Америке. Здесь бизнесмены к месту и не к месту не стесняются сказать, что прибыль—это дар божий.

Было бы идеально, считают в определенных деловых кругах, чтобы в Соединенных Штатах остались лишь производственные мощности, необходимые для удовлетворения военных нужд. Что до остального, то

* «Сити бэнк», «Чейз Манхэттен бэнк», «Бэнк оф Америка» предоставили в 1977—1978 гг. японской сталелитейной промышленности заем на сумму 1 млрд. долларов.

** «Wall Street Journal», 20.XII.1983.

зачем обременять себя «нерентабельным» производством, когда дешевле сталь не производить, а импортировать?

«Такая политика,—говорит Джон Ингерсолл, несомненно выражая точку зрения большинства членов своего профсоюза,—никак не учитывает реальных потребностей современной Америки. Сталелитейным предприятиям хватило бы работы, если бы власти приступили к перестройке инфраструктуры страны. Она в катастрофическом состоянии: в настоящее время тысячи мостов, тысячи километров всевозможных трубопроводов и железнодорожных путей годятся разве что на металлолом. Их необходимо менять или по меньшей мере ремонтировать. Если бы взяться за это дело, понадобились бы сотни миллионов тонн стали. И многие американцы были бы обеспечены работой на долгие годы...»

Вся эта хозяйственная инфраструктура находится в таком запущенном состоянии, какое немислимо даже представить себе, скажем, во Франции. Ежедневник «Ньюсуик» (август 1982 года) сообщал по этому поводу следующее:

248 500 мостов находятся в плохом состоянии и опасны для передвижения. Их ремонт и реконструкция обошлись бы более чем в 47 миллиардов долларов;

на некоторых железнодорожных линиях до сих пор эксплуатируются паровозы, выпущенные в 1923 году. Используемые компаниями «Амтрэк» и «Конрейл» железнодорожные пути крайне запущенны и изношенны;

во многих городах система канализации и водопровод сооружены 50—150 лет назад. На их ремонт и нормальное содержание требуется 75—100 миллиардов долларов;

общественные здания (полицейские участки, школы, пожарные депо) приходят в ветхость, так как их не ремонтируют. Сантехническое оборудование, электросети были установлены в них еще до второй мировой войны, то есть им никак не меньше 50 лет.

Несмотря на это, бюджетные средства, выделяемые на коммунальные нужды, с каждым годом сокращаются: они уменьшились с 32 миллиардов долларов в 1972 году до 23 миллиардов в 1982 году*.

* Let's rebuild America. International Association of Machinists and Aerospace Workers. Introduction of W. W. Winpisinger. Washington, DC, 1984, p. 186.

И так обстоят дела не только в сталеплавильном производстве. Кризис и «структурная ломка» затронули практически все отрасли промышленности. Пострадало даже автомобилестроение, которое долгое время символизировало преуспевание американского экспорта. В 1950 году на долю США приходилось три четверти мирового производства автомобилей, в 1960-м — половина, а в 1970-м — только треть. В 1980 году Соединенные Штаты впервые оказались позади Японии. Параллельно шел рост импорта автомобилей на американский рынок: в 1950 году объем их продажи американским покупателям составлял всего 0,3% от общего объема торговли автомобилями, в 1959-м — 10, в 1975-м — 18, в 1979-м — 23 и в 1980-м — 27%.

Кризис в американском автомобилестроении разразился вскоре после того, как в 1973 году арабские страны ввели эмбарго на поставки нефти. Общий спад 1974—1975 годов тяжело отразился на сбыте автомашин. В 1977—1978 годах было отмечено некоторое оживление спроса, затем — в 1979—1982 годах — новое катастрофическое падение сбыта. В 1982 году автомобилей было продано всего 45% от уровня продаж 1978 года.

Чтобы преодолеть сложившуюся ситуацию, «три гиганта» — «Форд», «Дженерал моторс» и «Крайслер», — которые до 1960 года контролировали 95% автомобильного рынка Америки («Дженерал моторс» — 40—50%), использовали те же методы, что и сталелитейные монополии: закрытие предприятий, увольнение десятков тысяч рабочих, сокращение зарплаты, внедрение автоматических линий и роботов, перевод предприятий в те районы Соединенных Штатов, где нет профсоюзов, или — что еще лучше — «эмиграция» в другие страны, где есть дешевая рабочая сила (Мексика, Бразилия, Тайвань), и, наконец, вложение капиталов и участие в различных иностранных фирмах, в том числе японских. Так, компания «Дженерал моторс» вошла в союз с фирмами «Тоёта» и «Исудзу», «Крайслер» — с «Мицубиси», «Форд» — с «Тоё когё».

Получив поддержку Картера, а затем Рейгана, эта переориентация отвечает стремлениям автомобильных магнатов и «творит чудеса». Корпорация «Крайслер», объявившая в 1980 году о дефиците в 1,7 миллиарда долларов, через четыре года вновь «пустилась в плавание». Она получила (об этом, правда, не принято говорить) от правительства ссуду в 1,5 миллиарда долларов. Одним из условий предоставления этого

кредита было согласие 110 тысяч рабочих «Крайслера» на сокращение их заработной платы. Уже с первого квартала 1983 года все «три гиганта» могли с удовлетворением констатировать рост прибылей, с чем и поздравляли друг друга публично, хотя уровень сбыта их продукции на внутреннем американском рынке по сравнению с «добрыми старыми временами» был относительно низким. Президент «Крайслера» Ли Якокка заявил, что первые три месяца 1983 года были для фирмы своего рода «рекордом»*. Не остались в накладе и «Дженерал моторс» с «Фордом».

Что же касается трудящихся автомобильных предприятий, которые расположены в основном в тех же районах, что и сталелитейные, то у них нет особых оснований для веселья. Да, конечно, определенное число рабочих, уволенных в самый тяжелый период спада, были вновь на неопределенное время приняты на работу на полный или неполный день. Но очень большое число ликвидированных в 1978 году рабочих мест так и не восстановлено. В докладе, подготовленном министерством торговли, сказано недвусмысленно: «Представляется маловероятным, чтобы в автомобильной промышленности была восстановлена занятость на уровне 1978 года. К середине 80-х годов в автомобильной промышленности будет работать на 200 тысяч рабочих меньше. В смежных отраслях по сравнению с 1978 годом уровень занятости снизится на 300—400 тысяч человек**».

Положение ничуть не лучше и на рынке труда в целом. Вопреки тому, что утверждают почитатели рейгановской системы, рисующие в розовом цвете печальную действительность в Соединенных Штатах и почти уверенные в том, что средства массовой информации не опровергнут и не разоблачат их, полная или частичная безработица по-прежнему остается одной из глубоких язв американского общества. И ничто не свидетельствует о том, что Америка избавляется от этого недуга. Скорее наоборот.

Экономическое «оживление», о котором говорили в 1983 году и в первые месяцы 1984 года, было лишь временным. В 1984 году, в момент наивысшего «подъема», официально признанный уровень безработицы достигал 7,6%, что составляет 8,6 миллиона человек.

* «The New York Times», 21.IV.1983.

** См.: US Department of Commerce: United States Automobile Industry State's Report. 1981.

За первые четыре года пребывания Рейгана в Белом доме среднегодовое число безработных возросло до 9,6 миллиона человек (8,6%). Когда миновал период полной занятости, наблюдавшийся во время второй мировой войны, и начали появляться признаки безработицы, правительственные эксперты утверждали, что ее «максимально допустимый» уровень равен 2—3%. Этот показатель давно перекрыт, и теперь из страха, что будет еще хуже, никто не решается установить «потолок». Между тем приводимые ныне цифры, весьма внушительные сами по себе, маскируют еще более мрачную действительность. Министерство труда опубликовало— правда, без особой рекламы, и даже наоборот,—более полные статистические данные, из которых следует, что в Соединенных Штатах в 1984 году насчитывалось 11,6 миллиона безработных, а среднегодовой показатель за первые четыре года президентского мандата Рейгана составил 13,2 миллиона человек. Чтобы еще точнее представить эту картину, следовало бы к этому числу прибавить около 5 миллионов человек, которые были попросту вычеркнуты из списка безработных. Тех, кто не имеет работы более года, зачисляют в разряд «отчаявшихся» и не учитывают ни в каких категориях—канцелярский трюк, который не меняет существа вопроса, но позволяет сделать цифры чуть более презентабельными. По мнению Виктора Перло, одного из наиболее авторитетных экономистов, в 1984—1985 годах безуспешно пытались найти работу примерно 16—17 миллионов американцев*.

В то же время—и этого еще никто не опроверг—прибыли американских монополий и их капиталовложения за границей (возросшие с 7 миллиардов долларов в 1940 году до 183 миллиардов в 1979-м и 227 миллиардов—в 1982 году) достигли новых, небывалых высот**.

А может, это все-таки означает, о чем ежедневно и ежечасно трубят ярые защитники Америки, что страна «в великолепной форме» и ее следует—с теми или иными небольшими поправками—принять за образец? Перед наблюдателем, который не позволяет себя провести, предстает иной образ—образ больной страны. Ее болезнь заложена в ее системе, в погоне за прибылями. Она больна, несмотря на впечатляющие

* «Daily World», 25.X.1984.

** Let's rebuild America, p. 34.

успехи в технологии, в частности в освоении космоса и ряде других областей, чаще всего связанных с созданием устрашающей военной машины. Независимые исследователи отмечают, что в течение 1982—1983 годов американское производство упало на пять пунктов на внутреннем рынке и на восемь—на мировом рынке, что означает сокращение ВВП на 185 миллиардов долларов и потерю 2 миллионов рабочих мест. В наибольшей степени затронуты традиционные отрасли промышленности (автомобильная, сталелитейная и текстильная), а также авиационная промышленность (сокращение на 12%), бытовая электроника (на 30%), производство средств связи (на 50%) и т. д.*

Долгое время американцы твердо верили, что они во всем или почти во всем должны быть первыми. Вошло даже в традицию восклицать, выставя вверх большой палец: «Мы—первые!» Самые богатые, самые энергичные, самые современные, самые предприимчивые! Средний американский рабочий был убежден, что у него лучшие в мире условия труда, прерываемые (лишь иногда) неизбежными, но терпимыми «временными увольнениями», что у него самый высокий в мире уровень жизни. Когда-то, возможно, так оно и было, хотя нищета в Америке всегда бросалась в глаза сильнее, чем в западноевропейских странах. Но сегодня все обстоит иначе. «Действительность,—отмечает председатель профсоюза механиков Уильям Уинписингер,—не так привлекательна, как ее изображают представители привилегированных кругов с Мэдисон-авеню в надоевших всем официальных речах по случаю Дня независимости и даже в выступлениях некоторых профсоюзных деятелей...» В подкрепление своих слов он цитирует двух ученых-экономистов из Гарвардского университета, которые, сравнив Соединенные Штаты с другими промышленно развитыми странами Запада, пришли к следующим выводам:

«Соединенные Штаты на последнем месте по экономическому росту, если расчет вести по числу занятых в производстве;

Соединенные Штаты на одном из последних мест по процентному числу безработных, получающих пособие, по предоставлению социальных льгот населению в соотношении с размерами валового национального продукта, по средней продолжительности оплачиваемых

* См.: «Revue française d'études américaines». Paris, 1984, Novembre, № 21/22.

отпусков для рабочих, по социальному обеспечению рождаемости;

в Соединенных Штатах в сравнении с 18 «промышленно развитыми» странами (куда отнесены Гонконг и Сингапур) самая высокая детская смертность;

Соединенные Штаты побили все рекорды несправедливости в отношении распределения богатств среди населения страны;

Соединенные Штаты за последние двадцать лет отвоевали у Канады первенство по темпам роста безработицы;

Соединенные Штаты на первом месте среди 18 индустриальных стран по загрязненности окружающей среды;

Соединенные Штаты возглавляют перечень стран по числу совершенных в стране убийств и их процентному отношению к численности населения...»*

Перечислив все это, У. Уинписингер, рискуя задеть чувства многих членов собственного профсоюза, с детства уверовавших в то, что на Земле нет ничего лучше Америки, и продолжающих в это верить, заключил, что, несмотря на ее величие и мужество, Америку вряд ли можно назвать «страной номер один», прототипом лучшей из систем**.

Во время предвыборной кампании 1984 года 500 крупных и мелких телестанций показывали одну и ту же ленту под названием: «Более гордая, более сильная, более прекрасная Америка». Глубоким, проникновенным голосом диктор произносил: «Над Америкой вновь занимается день!», а на экране происходило переселение в новый дом сияющего от счастья семейства белых американцев. В другом «сюжете» фигурировали молодожены, нежно взявшиеся за руки, в то время как за кадром диктор совсем растроганно шептал: «Теперь они могут уверенно смотреть в будущее». В ролике из той же серии под названием «Возвращение Америки» можно было увидеть молодого человека, который, излучая радость, усаживается за руль своего нового автомобиля, а на заднем плане перед проходной вновь пущенного завода толпятся рабочие.

* См.: Magaziner I. and Reich R. Minding America's Business. The Decline and Rise of American Economy. Harcourt/Brace Jovanovich, New York/London, 1984.

** Let's rebuild America, p. 3.

Идиллическая Америка, и некоторые, видимо, действительно видели ее такой. Привилегированным и в самом деле не на что было жаловаться в первые четыре года пребывания Рейгана в Белом доме. Во втором квартале 1983 года прибыли возглавляемых американцами транснациональных корпораций стремительно взлетели вверх по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года: на 27%—у «Экссон», на 86%—у «Дженерал моторс», на 12%—у «Дженерал электрик», на 25%—у ИБМ, на 53%—у «Сити корп» и «всего» на 10%—у АТТ («Америкэн телеграф энд телефон»). Это был рекорд по прибылям—1 миллиард 928 миллионов долларов. На поставщиков военной техники пролился золотой дождь—ведь именно они в первую очередь наживаются на огромном, постоянно растущем военном бюджете.

«Рейганомике» часто преподносят как некую революцию в капиталистическом способе ведения хозяйства, как «образец» для подражания. На самом деле речь идет всего лишь о насильственном возвращении к архиустаревшей практике так называемой «либеральной» экономики. Согласно одному из ее основополагающих «тезисов», который, как говорят, наиболее дорог сердцу президента, всеобщее процветание начинается с процветания богатых. Как только оно будет достигнуто, то блага автоматически «прольются» вниз, на самых обездоленных граждан. Увы, эта точка зрения, столь удобная для тех, кто занимает вершину социальной лестницы, и столь щедрая на обещания для тех, кто находится у ее начала, ничем реально не подкрепляется. «Единственное, что проливается на меня сверху,—замечает безработный из Кливленда,—это дождь, который протекает сквозь крышу и заливают мою комнату...»

В соответствии с другим тезисом вмешательство государства в сферу экономики должно быть сведено к минимуму, поскольку лучшим регулятором экономики являются законы рынка. На практике все это соблюдается не столь строго, поскольку государство, когда надо спасти оказавшуюся под угрозой транснациональную корпорацию, без колебаний «исправляет»—как это и произошло с субсидией «Крайслеру»—эти самые «законы рынка». Наконец, согласно «рейганомике», следует максимально сократить размеры налогов, взимаемых с владельцев крупных фирм и больших состояний, с тем чтобы «капитал срабатывал».

Поэтому, едва придя к власти, Рональд Рейган

принимает решение о заметном сокращении налогов, которыми облагались доходы крупных компаний. В 1950 году они составляли около трети федеральных налоговых поступлений. В 1969-м их доля уменьшилась до 20%, а в 1981 году с приходом Рейгана в Белый дом она снизилась еще больше—до 13%. Администрация преподнесла эти изменения как всеобщее и пропорциональное снижение налогов в 1982 году. Однако правда совсем не там. У семьи с годовым доходом менее 10 тысяч долларов налоговое бремя не только не уменьшилось, но выросло до 22%. Зато оно сократилось бы до 15%, если бы годовой доход той же семьи равнялся 200 тысячам долларов и выше*. Как говорится, каждому свое. Самые роскошные подарки получили владельцы транснациональных корпораций: президент «Экссон» — (разбитое на три года) сокращение налогов на 450 тысяч долларов, президент «Боинг» — на 180 тысяч долларов.

Монополии же, поставляющие вооруженным силам США новейшее оружие и боевую технику, поживились еще больше. «Дженерал электрик», занимающая четвертое место по поставкам Пентагону, «заработала» в 1981—1983 годах 6,5 миллиарда долларов прибыли, но не только не заплатила и цента налогов, но и получила 283 миллиона долларов в виде возмещения налогов, выплаченных до избрания Рейгана. «Боинг», «Дженерал дайнэмикс», «Локхид» также не были обойдены: федеральное налоговое управление вернуло им более миллиарда «неправильно взысканных» долларов.

Организация «Граждане за справедливые налоги» (связанная с АФТ—КПП) в докладе, опубликованном ею за три недели до президентских выборов 1984 года, отмечала, что 128 из 250 обследованных крупных компаний (или 51%) в течение трех первых лет президентского мандата Рейгана вообще не платили федеральных налогов. Среди обласканных счастливиц — «Доу кемикал», «Теннеко», железнодорожная компания «Саузерн Пасифик рейлроуд», концерн «Дюпон де Немур», автобусная компания «Грейхаунд», а также компании «Нэшнл корпорейшн», «Ксерокс», «Америкэн сайанэмид» и др. Все они щедро финансировали вторую избирательную кампанию Рейгана**:

* «National Journal», 8.IX.1984.

** «Daily World», 17.X.1984.

«Пусть будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает!» *

Чтобы компенсировать эти баснословные суммы, пришлось искать деньги в другом месте. Администрация Рейгана нашла их главным образом за счет режима экономии, тяжесть которого легла на плечи бедняков. Официально в 1984 году их насчитывалось 35,3 миллиона человек, или 15,2% всего населения,— на 6 миллионов больше, чем в 1980 году, когда Рейган пришел к власти, и на 12 миллионов, чем в 1973 году при Ричарде Никсоне. Это официальные данные, которые всегда намного ниже действительных. Как писал обозреватель газеты «Вашингтон пост» Роберт Кайзер, если говорить о людях, живущих в бедности, правильнее было бы называть цифру 45 миллионов (то есть каждый пятый американец), поскольку бедняк—это лицо, не имеющее возможности содержать ни себя, ни свою семью, прокормить себя, лечиться и иметь приличное жилье. В 1984 году к бедным причислялись семьи из четырех человек с годовым доходом, не превышающим 10 178 долларов (официальный порог бедности). На практике, не имея дополнительного дохода, ни одна семья не сможет платить за квартиру (что в среднем поглощает 20—30% дохода) и одновременно обеспечить себе сносное существование. Установленный «официальный уровень бедности» на самом деле намного ниже реального минимума, необходимого, чтобы покрыть расходы хотя бы на питание. Согласно другим официальным данным, прожиточный минимум городской семьи из четырех человек в 1984 году составил 15 323 доллара**.

И если правда то, что бедность—удел очень большого в процентном отношении числа черных (среди них бедных более трети, или около 10 из 28 миллионов), то также верно и то, что вопреки расхожему мнению белых, живущих ниже порога бедности, в абсолютных цифрах еще больше—24 миллиона в 1983 году, или 12% всего белого населения страны***.

Судя по всему, такое положение вовсе не беспокоит президента Соединенных Штатов. После переизбрания он стремится продолжать прежнюю политику. О сокращении чудовищного военного бюджета не может быть и речи. Совсем наоборот! Не может идти речь и о

* Девиз Ордена Подвязки.— *Прим. ред.*

** «International Herald Tribune», 13.XI.1984.

*** «Daily World», 25.X.1984.

посягательстве на прибыли компаний путем повышения их налогообложения. Зато намечено сократить или вовсе упразднить и без того скудные ассигнования на коммунальные нужды и развитие городского транспорта. И значит, метро в Нью-Йорке будет по-прежнему медленно и неизменно хиреть. Кроме того, Рональд Рейган запланировал новое сокращение ассигнований на программы социальной помощи — и без того ничтожные, — служившие тем не менее своеобразным предохранительным клапаном для отвода чреватого взрывом недовольства обездоленных. В 1977 году Джимми Картер предлагал аналогичные решения по сокращению ассигнований на социальные нужды, слишком, на его взгляд, «обременительных». Рональд Рейган эти предложения проводит в жизнь и идет дальше. В традиционном послании «О положении страны» (январь 1983 года) он ополчился против того, что он назвал «разбазариванием продовольственных талонов» — бесплатных бон на получение основных продуктов питания, которыми принужден пользоваться каждый десятый американец. Ратуя в том же послании за увеличение военных расходов на 14%, президент, нимало не смущаясь, заявил, что одной из главных причин бюджетного дефицита является не что иное, как бесплатное предоставление продовольствия беднякам и другие «неконтролируемые расходы» на социальные нужды. И он, разумеется, пообещал навести в этом деле порядок.

Президент подкрепляет свое экономико-политическое «мышление» чтением труда Джорджа Гилдера «Дух предпринимательства», который, по словам самого Рейгана, стал его настольной книгой.

По Гилдеру, истоком всех зол является «государство-покровитель». Оказание помощи слабым и обездоленным, проповедует он, вредно для общества в целом. Напротив, следует соблюдать «естественные законы» конкуренции для того, чтобы бремя нужды заставляло их самих принимать меры по облегчению своей участи. Только так, шаг за шагом, они сумеют улучшить условия своей жизни и присоединиться к средним слоям общества. Государственная помощь в виде продовольственных талонов, льготного медицинского обслуживания и пособий по социальному страхованию антиэкономична и аморальна одновременно, поскольку потворствует легкой жизни лентяев, поощряет тех, кто довольствуется положением бедняков и не утруждает себя поисками работы. К этим восхити-

тельным по глубине суждениям Рональд Рейган добавляет свою «нравственную» идею, которая призвана привлечь на его сторону сердца широкой публики, чувствительной ко всякого рода этическим и религиозным проповедям. «Программы социальной помощи,— замечает он,—могут с течением времени лишить американцев возможности проявлять свою щедрость и дух благотворительности, составляющие их национальную традицию». Иначе говоря, если государство возьмет на себя заботу обо всех бедняках (хотя на самом деле до этого еще ой как далеко!), то для личной благотворительности не останется места, и это приведет в полнейшее уныние сострадательные души!

На протяжении первого президентского мандата Рейгана социальные расходы в федеральном бюджете были урезаны более чем на 110 миллиардов долларов. Он намеревался сократить их на все 150 миллиардов, но не удалось получить одобрения конгресса. Эти драконовские меры вылились прежде всего в катастрофическое сокращение ассигнований на образование, здравоохранение, помощь ветеранам войны, в урезывание пенсий и пособий по безработице и наиболее явно проявились в новых ограничениях по оказанию помощи самым обездоленным. В итоге миллион американцев потеряли право на получение продовольственных талонов, а 4 миллионам выдают лишь часть того, что им полагалось прежде. Были отняты пособия у 725 тысяч семей, не имеющих средств к существованию и обремененных детьми (в США таких семей насчитывается 3,5 миллиона), и это тяжело отразилось на судьбе 1,5 миллиона детей. 36 штатов в соответствии с указанием администрации предоставлять помощь только тем, кто в ней «действительно нуждается», приняли решение, которое лишает одинокую мать семейства, имеющую троих детей на иждивении и годовой доход больше 5 тысяч долларов (а еще в 13 штатах — 3 тысяч долларов), права на какое бы то ни было пособие. И это в то время, когда при доходе 10 тысяч долларов в год семья из 4 человек считается за официальным порогом бедности.

Социальная помощь в Америке является не обычной функцией общества, а сферой деятельности благотворительных организаций: что-то в духе XIX века с дамами из «высшего общества», занимающимися общественным вспомоществованием. Нынешние политические деятели в Америке не больше, чем эти дамы, задумываются над тем, каковы истинные причины

бедности, а также о пороках системы, бесконечно углубляющей и расширяющей эту пропасть.

Во время одной из передач телекомпании Эй-би-си «С добрым утром, Америка!» был затронут вопрос об участии сотен тысяч американцев, вынужденных жить и ночевать на улицах или в парках. Дал по этому поводу интервью и Рональд Рейган.

Ответы президента наглядно продемонстрировали, насколько он уверен, что совесть у него чиста. «В нашей стране,—сказал Рейган,—эта проблема существовала всегда, даже в самые счастливые времена, но сегодня мы придаем ей больше значения. Эти люди спят на улицах, на вентиляционных решетках метро. Они не имеют крыши над головой, однако этот выбор они сделали сами...»

Кто же в свободной стране может заставить их жить в комфортабельных квартирах? Тут бессилён даже сам президент США!

Эти люди—на обочине жизни, и то, что делается для них, уже благо, поскольку чаще всего они ведь сами «выбрали» себе участь.

В действительности же «старые» и «новые» бедняки—это люди, которые так и не сумели найти работу или же потеряли ее. В 1975 году пособие по безработице получали 75% ищущих работу. В 1982 году их число упало до 45%. А в 1983 году уже только 38% безработных получали такое пособие*. В 1976 году официально насчитывалось 7,6 миллиона безработных, в национальную кассу помощи безработным государство внесло 31 миллиард долларов. В 1982 году число безработных выросло, согласно тем же официальным данным, до 10 миллионов, фонд сократился до 24 миллиардов долларов, а выплачиваемое по безработице пособие снизилось на 40%. Впрочем, в разных штатах по-разному. Например, в штате Нью-Йорк, относительно щедром, оно составляло около 50% последней перед увольнением зарплаты, но не свыше 170 долларов в неделю. Обычная продолжительность выплат—26 недель, то есть полгода. Бывает, что этот срок на некоторое время продлевается... Затем безработный обречен на жалкие подачки по социальной помощи.

Впрочем, нужно еще, чтобы администрация признала право на ее получение. Боб Боннер из Клэртона

* «The New York Times», 9.IX.1983.

(Огайо) рассказывает: «До того как меня в январе 1981 года уволили, я работал каменщиком на заводе «Ю. С. стил». В то время на компанию в наших краях работало 4900 рабочих. Теперь осталось 400. Я уже давно потерял право на пособие по безработице, но мне также отказывают и в социальной помощи и в продовольственных талонах. И все потому, что у меня есть автомобиль. По установленным правилам, чтобы получать социальную помощь, надо доказать, что ничего на сумму свыше тысячи долларов в личной собственности у тебя нет. Мой «форд» стоит дороже. Следовательно, необходимо, чтобы я продал его, истратил вырученные деньги, и лишь потом я получил бы право на вспомоществование. Но без машины я не смогу подрабатывать «левыми» заказами, которые мне подворачиваются. Так мне удастся заработать несколько долларов. Без машины я не смог бы даже искать работу. А если бы я вдруг нашел место, то как туда добираться без машины?.. Уехать отсюда? Я подумывал над этим, но у меня жена и двое детей. Мне уже пришлось съехать с квартиры: нечем было платить. Теперь мы все живем у моих родителей, у которых есть дом. Если бы мне вздумалось попытаться счастья в Техасе или Калифорнии—хотя нет никакой уверенности, что там удастся найти работу,—по меньшей мере для начала потребовались бы деньги, которых у меня нет. Только за жилье надо выкладывать 300—500 долларов. Нет, уехать—это нереально».

У Боба Боннера есть семья и крыша над головой, и ему время от времени удастся подработать то тут, то там несколько долларов. Он не в числе самых обездоленных. Те, у кого действительно нет никаких источников дохода, стоят в очереди за «благотворительным супом» у пунктов раздачи, организованных по всей стране религиозными общинами, которые собирают на эти цели пожертвования, денежные субсидии и получают продовольствие от государства и различных частных организаций. Тот факт, что распределение помощи осуществляется через посредничество благотворительных организаций, для американской администрации служит хорошим средством защиты от возможных вспышек недовольства среди тех, кто ее получает. Разве осмелится кто-либо выступить против тех, кто добровольно помогает тебе переносить удары судьбы, уготованной для тебя существующей социальной системой. Однако в Бруклине во время распределения порций сыра (залежавшегося на складах и прозванного

получающими его бесплатно «Рейган-сыром») среди сотен ожидавших своей очереди оказался безработный, который, не желая мириться с таким унижением, размахивал плакатом: «Рейган! Дай мне работу, и я сам куплю себе сыра».

На окраине Вашингтона, в районе Нью-Йорк-авеню и О-стрит, расположен беспокойный квартал. У домов с серыми, облупившимися стенами и зарешеченными окнами, придающими им сходство с тюрьмой, топчутся оборванные, грязные, бородатые бродяги, подозрительно поглядывающие на проходящего чужака. Здесь все говорит об опасности. Вплоть до одинокой закусочной «Кентукки фрайд чиккен», примостившейся у бензоколонки и оснащенной всякими ухищрениями против грабителей. Повар и кассирша работают за пуленепробиваемым стеклом: они подают клиенту его порцию жареного цыпленка через окошечко, но только после того, как тем же путем получают деньги. На улице с пяток столиков, большей частью — без крышек. Легко догадаться, что их отломили на дрова жильцы, занявшие без разрешения соседние полуразрушенные дома. Именно в этом квартале и открыла свое отделение католическая организация под названием «SOME» — сокращение от «So Others Might Eat» («Чтобы другие тоже поели»).

Брат Джеймс Олбрайт из «Санта-Крус конгрешнл чёрч» — 30 лет, рыжеволосый, светлоглазый, типичный ирландец — работает здесь вместе с несколькими другими священниками и монахинями. Помещение служит одновременно приютом для бездомных (их называют «уличными людьми»: с января по март 1984 года 30 из них замерзло на улицах Вашингтона); диспансером (сюда приходят два врача, а студенты-стоматологи удаляют и лечат зубы) и душевой. Но его основным назначением является ежедневное распределение 200 завтраков и 300 обедов. Еду готовят различные религиозные организации (католические и другие). «Я работаю в этой ассоциации с 1983 года, — рассказывает Джеймс Олбрайт, — и вижу, что людей, приходящих сюда за едой, становится все больше, а по возрасту они все моложе. Прежде были в основном пожилые люди, а также бродяги. Их и сейчас много, но теперь в очередях все чаще можно видеть людей в расцвете сил, 40—50 лет, судя по всему дошедших до нищеты из-за потери работы, которую они не могут больше найти. Много больных, нередко инфекционных.

Многие, кому раньше не приходилось испытывать

особых трудностей, скатываются на самое дно. Им уже никогда не выбраться наверх. Подойдешь и чувствуешь—перед тобой люди конченные. Не надо и заговаривать с ними—все видно по тому, как они держатся. Получив свою тарелку, они усаживаются за стол и едят, глядя прямо перед собой и ни с кем не разговаривая. Если рядом что-то происходит, возникает спор или раздаются крики, они даже головы не поднимут и продолжают есть, будто находятся за много миль. Однако внутри у них накапливается ярость.

Недавно в «столовой» мы в этом убедились. Вы, вероятно, слышали о советнике Рейгана Эдвине Мизе? В одном из своих публичных выступлений в Белом доме он заявил, что Соединенные Штаты—страна, где каждый имеет возможность есть досыта. Неуместное заявление в стране, где именно от голода страдают миллионы людей. В связи с этим завязалась публичная полемика, и у одной из вашингтонских телекомпаний возникла идея приехать сюда, чтобы спросить у тех, кто сюда приходит, что они по этому поводу думают. Репортер и оператор едва унесли ноги. Их, наверное, могли линчевать. Я никогда не думал, что это может разъярить людей, которые обычно кажутся такими пассивными. Появление работников телевидения жестоко задело их достоинство. Мало того, что никому в правящих кругах никогда не было дела до того, есть ли у них крыша над головой или чем они питаются, нашлись и такие, кто захотел поспекулировать на их падении не для того вовсе, чтобы им помочь, а в собственных политических целях. Они почувствовали себя презираемыми, отверженными и не захотели это стерпеть...»

Бесплатные «суповые кухни» имеются теперь в большинстве американских городов. Их становится все больше, но все равно не хватает, в частности в районах, где из-за закрытия предприятий растет безработица.

В Чикаго за 1979—1984 годы количество лиц, получающих «благотворительную похлебку», увеличилось в 5 раз. В городе сейчас работают более 400 кухонь*. Такого за последние 50 лет, со времен Великой депрессии, еще не бывало. «Чикаго столкнулся со страшной и непредсказуемой реальностью безра-

* «International Herald Tribune», 23.XI.1984.

ботицы и промышленного спада,— писала в конце ноября 1984 года «Вашингтон пост».— В любое время дня можно видеть бедно одетых людей, толпящихся у суповых кухонь и церквей. Работники служб социальной помощи говорят, что спрос на бесплатную еду исключительно возрос, особенно с наступлением холодов» *.

Специальная комиссия, созданная мэром города Гарольдом Вашингтоном, в докладе, опубликованном в декабре 1984 года, подчеркивала, что «в Чикаго голод угрожает примерно 900 тысячам жителей», или 30% населения, которое составляет 3 миллиона человек. «Положение унижительное, ужасающее и бесчеловечное,— заключают члены комиссии.— Как может допустить это самая богатая в мире страна?» В выступлении перед комиссией конгресса Гарольд Вашингтон отметил, что «в его городе около 25 тысяч человек живут подобно «неприкасаемым» в Калькутте— ночуют под открытым небом или в заброшенных автомашинах». Резюмируя, Г. Вашингтон специально подчеркнул: «Такое положение вещей является обвинительным актом против нас как нации...» **

Чикаго не исключение. В аналогичном положении находятся сотни других более или менее крупных городов Америки. «В Филадельфии,— пишет в книге «Демократия для немногих» сотрудник вашингтонского Института политических исследований Майкл Пэренти,— согласно проведенному в частном порядке обследованию, люди умирают с голоду и десятки тысяч людей бродят в поисках пищи. В Детройте, по данным муниципалитета, страдают от голода 200 тысяч человек. Треть их могла бы получать продовольственные талоны. Но из-за бюрократической казуистики, с которой они сталкиваются и которая на руку властям, талонами пользуются лишь 18 %. Как явствует из доклада подкомиссии конгресса, датированного 1977 годом, в штате Нью-Йорк миллион людей, остро нуждающихся в этих самых продовольственных талонах, так и не сумели их получить» ***.

Разумеется, голод в американских городах не предстает столь душераздирающим бедствием, как в

* «International Herald Tribune», 23.XI.1984.

** Ibid.

*** Parenti M. Op. cit., p. 31. Подсчитано также, что в супермаркетах, расположенных в бедных кварталах, треть всех консервов для собак покупается людьми для собственного потребления.

некоторых странах «третьего мира». Но тем не менее он существует и в каком-то смысле для страдающих от него людей может быть даже более мучительным, поскольку свирепствует в «стране изобилия». Голод и хроническое недоедание навсегда оставят на них свой отпечаток, как бы ни сложилась их судьба в дальнейшем. 50% детей из бедных семей постоянно отстают в учебе, а 5 % рождаются умственно отсталыми из-за полуголодного существования матерей. Еще миллион американских детей страдает различными отклонениями в мозговой деятельности, вызванными недостаточным питанием и крайней нуждой, в которой пребывают их семьи.

Помимо детей, от голода сильно страдают пожилые люди. В результате проводимой Рейганом политики были сокращены их пенсии и они лишились некоторых социальных льгот, которыми раньше пользовались (по этим статьям в течение его первого президентского мандата ассигнования были урезаны на 26 миллиардов долларов). Больше половины американцев в возрасте 65 лет и старше живут ниже порога бедности и потребляют менее 1000 калорий в день, что равнозначно постепенному истощению организма.

Размер пенсий, выплачиваемых по социальному страхованию (тем, кто в течение жизни делал соответствующие взносы), равен 445 долларам в месяц, что чуть выше официального уровня бедности. Но треть пенсионеров среди мужчин и две трети среди женщин не имеют и этого. Дополнительные выплаты к пенсии — чрезвычайно редкие и весьма эфемерные — производятся лишь на некоторых крупнейших предприятиях, где этого добились профсоюзы, или частными фирмами, взимавшими специальные страховые взносы. Так, например, пенсия, выплачиваемая Национальным профсоюзом производителей женской одежды, составила в 1985 году 60 долларов в месяц. Работник, уволившийся с предприятия, где он трудился многие годы, теряет и все свои права на пенсию. То же происходит и в случае, если предприятие обанкротилось или «переехало». Такое, например, пришлось пережить рабочим фирмы «Студебеккер», когда она прекратила свое существование. Подобное ждет и тех людей, кто вносил взносы в страховую компанию, которая объявляет себя банкротом. Они лишаются своих средств, хотя выплачивали взносы на протяжении многих лет, и никакие жалобы им не помогут.

С социальным обеспечением на случай болезни дело обстоит ничуть не лучше. Вплоть до 65-летнего возраста американцы сами оплачивают себе страховку по болезни по частному контракту, если только им не повезло и они не состоят в мощном профобъединении, которое добивается оплаты этой страховки нанимателем.

После 65 лет—при условии, что в течение достаточно длительного времени они регулярно вносили взносы, а следовательно, не были безработными,—им будут покрывать около 45% расходов на медицинское обслуживание (исключительно дорогостоящее, поскольку один день, проведенный в больнице, обходится минимум в 200—300 долларов). В том случае, если у них нет никаких доходов, они могут получать некоторую бесплатную помощь при условии, что общая стоимость их имущества не превышает 1—1,5 тысячи долларов.

Каждую зиму в своих промерзших комнатухах погибает множество пожилых людей и больных, не имеющих средств, чтобы заплатить за отопление. В январе 1982 года пресса сообщила о 280 случаях смерти от холода; но эта цифра, вне сомнений, значительно ниже действительной, ибо о том, что какой-то голодающий старик замерз в своей комнате, отнюдь не обязательно сообщает печать. Это не тот вид информации, из-за которой покупают газету. «Наше торгашеское общество,—отмечал один вашингтонский журналист,—обходится с пожилыми людьми как со старыми автомобилями...»

При Рейгане беднякам стало еще труднее лечиться. За первые четыре года его пребывания у власти было закрыто 239 оздоровительных центров, диспансеров и клиник, финансировавшихся государством. А множество душевнобольных, содержавшихся ранее в психиатрических лечебницах, которых вернули в лоно «нормальной жизни»?! Объясняли это (и об этом говорили еще во времена Картера) проверкой новых методов лечения, которые избавляли больного от полного разрыва с обществом. В действительности же целью администрации была не столько апробация новой терапии, сколько стремление любыми путями сократить «бесполезные» расходы, невзирая на последствия. В результате тысячи психически больных, которых не могут содержать их семьи и которые самостоятельно не могут ни лечиться, ни, разумеется,

обеспечивать свои нужды, выброшены на улицу на произвол судьбы*.

Крупнейшая организация американских психиатров — Американская ассоциация психиатров — подготовила по этому вопросу доклад, в котором содержится категорическое осуждение такого положения. Оно квалифицируется как «величайшая социальная трагедия». Ассоциация подчеркнула, что число душевнобольных, блуждающих по улицам американских городов, приближается к миллиону. «Практически в стране нет ни одного сельского или городского района, где бы не бродили эти существа — одинокие и оборванные, во власти галлюцинаций»**.

Психически неуравновешенные составляют отныне часть городского пейзажа. Одного из них, постоянно разгуливающего по Бродвею между 80-й и 100-й улицами, знают уже многие: черная челка, черные усики и пояс, напряженный, воинственный вид, агрессивно выбрасываемая время от времени рука: «Хайль Гитлер!» Даже многочисленные в этом районе евреи больше не оборачиваются на его выкрики. Другой слоняется вокруг Бэттери-парк, возле паромы на Стейтн-айленд. Атлетически сложенный негр, чисто одетый. Беспокойство внушают его зеркальные очки, которые скрывают его глаза, но прекрасно отражают и вас, и манхэттенские небоскребы. Однажды вечером, в сумерках, он подсядет к вам на скамейку и ошарашит тирадой: «Знаете, что я с ним проделал? Ножом мясника отрубил ему голову. Тогда и увидел, что у него там, внутри... Я так скажу: если кто мне надоест, прибавится еще один труп. Прямо тут. На этом сквере. Завтра утром...» Еще один неожиданно возникает на аллее парка в Бруклине. Высокий, очень красивый, с выцветшими от солнца волосами, ниспадающими на обнаженные мускулистые плечи, он грозит пальцем: «Слышите, я запрещаю вам забирать на почте адресованные мне письма! Сказано вам!» Потом, расслабившись, он тихонько садится на свою скамью и перебирает груды пластиковых пакетов.

В последнее время появился новый вид коммерции. Тех, у кого нет ни работы, ни денег, приглашают сдавать кровь. Но в обществе свободного предпринимательства

* В 1955 году число психически больных в государственных лечебницах Америки достигало 559 тысяч человек. В 1980 году оно упало до 132 тысяч в результате этой политики, начало которой было положено еще до Рейгана.

** «International Herald Tribune», 14.IX.1984.

закон спроса и предложения диктует цены и на этот товар. В больнице Денвера за дозу сданной крови стали платить 7 долларов вместо 8. «Бедняков вокруг так много,— поведал журналисту из «Нью-Йорк таймс» один такой «продавец»,— и все хотят продать кровь» *.

* «The New York Times», 25.XII.1984.

ДОЛИНА МИРАЖЕЙ

Соединенные Штаты—последнее пристанище великих мифов.

*Владимир Познер,
французский писатель*

«Нельзя приготовить омлет, не разбив яиц...» По всему видно, что элегантная и изящная молодая женщина, с ослепительной улыбкой отвечающая на мои вопросы, довольна сделанным ею заключением. Она француженка, в Вашингтоне на дипломатической службе, но «за Рейгана» она больше, чем любой из встреченных мною до этого американцев. Соединенные Штаты, по ее словам, никогда не чувствовали себя лучше, чем сейчас. И следует перечисление—подъем в экономике, модернизация старых и развитие новых отраслей промышленности, рост учетных ставок, высокий курс доллара и так далее. Потом со вздохом делается вывод: «Мы остались далеко позади...» Она была явно удивлена, почувствовав, что, несмотря на все «аргументы», ей не удалось меня убедить и я не разделяю ее энтузиазма, и почти шокирована, когда в свою очередь я рассказал ей о миллионах неучтенных безработных, о целых больших районах, обреченных из-за закрытия предприятий на опустошение, об очередях за «благотворительной похлебкой», о толпах бездомных людей, виденных мною на улицах разных городов и даже в сердце Вашингтона, близ Капитолия, об огромных масштабах бедности, которую «эффект Рейгана» лишь стимулировал.

Очевидно, моя собеседница либо не замечала всего этого, либо старалась не замечать, что нетрудно, если жить в фешенебельном районе улицы Эмбеси-роуд, где располагается большинство дипломатических представительств. Он достаточно изолирован, чтобы «неприят-

ные» аспекты американской действительности обходили его стороной. Поэтому вовсе не нужно быть миллиардером, чтобы с ними не столкнуться. Кстати, юная дипломатическая леди из французского посольства таковой и не является. Она всего лишь повторяет мысли своих друзей из «верхнего среднего класса» — тех единственных американцев, с которыми общается. Это люди в возрасте 30—40 лет, выходцы из обеспеченных семей, окончившие университет (где стоимость обучения в зависимости от его репутации составляет 8—15 тысяч долларов в год) и имеющие годовой доход не менее 40 тысяч долларов.

Они составляют категорию «юмпи» — от начальных букв английского термина «Young Upwardly Mobile Professionals», применяемого в отношении молодых высококвалифицированных специалистов, которым в силу этого обеспечен «путь наверх» или которые стремятся продвинуться. Их основной жизненной мотивировкой является «выбиться в люди», сделать как можно больше долларов (а одно от другого неотделимо), короче говоря, стать «победителем». Каждая новая ступень в этом движении обязательно получает «внешнее выражение», начиная с цены, марки и мощности приобретенного автомобиля и кончая размерами и роскошью собственного дома. Они не властны над своим временем, работают как каторжные, с нечеловеческим упорством, и не только для того, чтобы «подняться» еще, но чаще всего чтобы удержаться на уровне, который уже достигнут. Они знают, что есть сотни конкурентов, которые целят на их место, и если дать себя обойти, то можно очень быстро «опуститься», вместе с положением потеряв и респектабельность, которую удалось приобрести в обществе, где ценность человека с большой точностью измеряется количеством долларов, которое он способен накопить. Именно поэтому «юмпи» будет изо всех сил стараться быть лучшим среди специалистов в своей области (и неважно, какова она). Результат этой крайне узкой специализации — удивительное невежество «юмпи» во всех остальных сферах. Впрочем, для его успеха это не имеет большого значения. Если, например, он занимается сбытом бытовой техники, то за каким дьяволом ему знать, где находится Версаль — во Франции, Швейцарии или Бельгии и кем был Виктор Гюго — французом или испанцем?

«Юмпи», даже если он приверженец демократической партии, в целом одобряет экономические меры;

рия, предпринятые Рональдом Рейганом. Ведь он определенно выиграл от известного снижения налогов, а сокращение ассигнований на социальное обеспечение, образование, здравоохранение, выплату пособий безработным лично его не коснулось. Дети из семей «юмпи» посещают частные детские учреждения, частным же компаниям «юмпи» платит взносы за медицинское обслуживание и в пенсионный фонд. Повышение банковских учетных ставок принесло «юмпи» неожиданное увеличение выплачиваемых на вложенные деньги процентов, в результате его банковский счет заметно разбух. В отпуск «юмпи» поехал за границу, и что же? Обменный курс доллара был столь высок, что по возвращении почти на полном серьезе друзьям можно было сказать: «За границу надо ездить почаще: чем дольше там остаешься, тем больше сэкономишь».

Рядовой «юмпи» — ну, такой, который уже проложил себе «путь наверх», — он, конечно, считает, что в Америке открыты все возможности для тех, кто, подобно ему, умеет «вкалывать» и добиваться успеха. А миллионы безработных, бедняки, обитатели трущоб? Да, соглашается он, они есть, и для них это плохо, хотя, не может не отметить он, «среди них немало таких, кто просто-напросто работать не желает». К тому же всегда были те, кто побеждает, и те, кого побеждают, — люди, скроенные для борьбы и побед, и вовсе не способные противостоять ударам судьбы. Таков закон жизни, общества, условие прогресса, а иначе и быть не может.

...Моя визави уже полностью обращена в эту «веру». Потому ее так мало беспокоят «яйца», которые требуется разбить для «омлета». «Поезжайте в Силикон-вэлли, — добавляет она. — Там, в Калифорнии, уже ХХI век. Модель нашего собственного будущего».

Между роскошной бухтой Сан-Франциско на берегу Тихого океана и горной грядой, вздымающейся вверх от Пало-Альто до Сан-Хосе, простирается полоса земли длиной в 40 и шириной в 30 километров. Именно этот естественный коридор, называемый «Силикон-вэлли», является Долиной электроники, возникшей благодаря открытию и промышленному изготовлению «информатических блох» на базе кремния (или, по-английски, «silicon chips»)*. Еще совсем недавно этот

* В специальной литературе используется термин «чип». — *Прим. перев.*

район, насчитывающий 1,3 миллиона жителей, славился главным образом уходящими за горизонт плантациями фруктовых деревьев. Ежегодно в сезон сбора урожая сюда из соседней Мексики приезжали десятки тысяч желающих подработать. Теперь Силикон-вэлли чуть ли не обязательное место «паломничества» для всех, прибывающих с визитом в Соединенные Штаты политических деятелей и министров иностранных государств. Их приглашают воздать должное и восхититься «американским образцом» технической революции. В этой долине сейчас новый пейзаж: сливовые, персиковые и вишневые сады уступили место белым блокам из бетона, установленным на тщательно ухоженных газонах,—заводам электронной эры. Число рабочих мест, появившихся в связи с производством вычислительной техники, электронных компонентов, специальных схем и приборов космического назначения (в том числе и для военных целей), выросло за 10 лет почти втрое: с 75 тысяч в 1972 году до 190 тысяч в 1982 году.

Сан-Хосе, в прошлом небольшой городок, дремавший под сенью садов, превратился в крупный конгломерат с 700-тысячным населением... и со всем, что за этим следует (в Соединенных Штатах даже больше, чем где бы то ни было), а именно—чудовищными дорожными пробками, рекордным загрязнением окружающей среды, недоступно высокой квартирной платой, стремительным ростом преступности.

«Электронный бум» и нажитые на нем состояния породили, подобно «золотой лихорадке»—другой калифорнийской эпопее,—немало упоительных легенд, усердно культивируемых жителями этих мест, которые любят тешить себя (и иностранцев) такой великолепной и такой приятной иллюзией, что «Америка по-прежнему Америка», ну а «Калифорния есть Калифорния», где, как во времена пионеров, всякий, кто имеет башку на плечах, страсть к труду и немного удачи, рано или поздно нападет на свою жилу. Это же втолковывает своему очередному посетителю и профессор Университета Беркли Стефен Л. Профессор принимает в своем университетском кабинете: из окна видна традиционная лужайка и часовенка в итальянском стиле. «Итак,—говорит он,—перед вами единственное в мире место, где по-новому живет и развивается истинный капитализм—капитализм созидательный. Не тот, который господствует на нью-йоркской бирже с ее спекулянтами, занимающимися куплей и продажей «мертвых акций», а капитализм в чистом

виде, создающий богатства и позволяющий каждому, кто обладает способностями, стать миллиардером. Я—за такой капитализм! Вам известна фирма «Эппл компьютер», изготавливающая вычислительные машины? Ее создали на пустом месте два студента, изучавших электронику,—Стив Джобз и Стив Уозняк. Они начинали в гараже! Сегодня они—миллионеры. Вот это и есть дух свободного предпринимательства!»

Эта история, вначале получившая хождение в Соединенных Штатах, обошла затем весь свет. Подхваченная и усиленная многочисленными средствами массовой информации, она призвана подкрепить тезис о «прогессе капитализма». При этом недоговаривают о том, что история, приключившаяся с двумя Стивами и здорово приукрашенная теми, кто ее рассказывает, была уникальным плодом той недолговечной эпохи, которая уже отошла в прошлое.

Еще 10—12 лет назад и Стив Джобз, и Стив Уозняк были студентами—честолюбивыми, жизнерадостными, полными идей—и не слишком обремененными угрызениями совести молодыми людьми из семей со средним достатком. Поступив после университета на работу (Уозняк—в специализирующуюся на электронике фирму «Хьюллетт паккард», а Джобз—в «Атари», производящую видеотехнику), они совместно разработали и начали продавать устройство, названное ими «синей коробочкой» и позволявшее надуть телефонные компании, бесплатно используя их линии для переговоров на дальние расстояния. Расхваливая перед покупателями приспособление, Уозняк как-то рассказал, что однажды утром позвонил в Ватикан (бесплатно!) и разбудил перед завтраком папу римского.

Влюбленные в электронику, два Стива создали первый персональный компьютер и начали его серийное производство. До этого ЭВМ представляли собой огромные машины, требовавшие больших площадей для их установки и стоившие целые состояния. Джобза и Уозняка осенила гениальная мысль. Они поняли, что миниатюризация ЭВМ даст возможность открыть для них гигантский рынок. «ЭВМ в каждом кабинете, ЭВМ в каждом доме!»—становится их девизом.

Поначалу им не хватало средств, поэтому пришлось начать работу в знаменитом теперь гараже семьи Джобза, о котором в Силикон-вэлли вам непременно расскажут. В 1976 году они познакомились с Майком Маркулой, тоже инженером—специалистом по элек-

троники, уже поработавшим на двух самых крупных заводах чипов — «Фэрчайлд» и «Интел». У Маркулы в отличие от Джобза и Уозняка был капитал. Вместе они основывают фирму «Эппл компьютер инк.», в которую Маркула вкладывает 91 тысячу долларов под треть будущих прибылей. Сегодня «Эппл» («Яблоко») является в Соединенных Штатах вторым после ИБМ производителем персональных и конторских компьютеров. В 1984 году из общего числа произведенных и проданных ЭВМ (2,6 миллиона штук на сумму 10 миллиардов долларов) 21% приходилось на ИБМ и 14% — на «Эппл». За ними шли «Тэнди» (13%), «Коммодор» (9%) и «Хьюлетт паккард» (5%).

За Джобзом и Уозняком последовали другие. В долине появились сотни небольших предприятий, на которых работало не больше 50 человек*. Их возникновение — порождение союза инженеров, вкладывающих свое «серое вещество», и владельцев капиталов, готовых рискнуть на «джойнт венчэрз» («совместное рискованное предприятие»), чтобы быстро сделать деньги — «куик бак», как говорят американцы, когда имеют в виду «легкие деньги». Некоторым удалось завоевать себе место под солнцем в Силикон-вэлли, хотя они и не достигли успеха основателей фирмы «Эппл». Эти мелкие и средние предприятия теперь уже не смогут существовать иначе как в качестве менее преуспевающих субподрядчиков основных крупных компаний. Четыре самые крупные фирмы используют труд 134 тысяч рабочих, или около двух третей всех занятых в электронной промышленности Силикон-вэлли**.

«На смену молодым и отважным инженерам, прославившим Силикон-вэлли, пришли менеджеры — специалисты по продаже продукции и управлению предприятием, — пишет «Нью-Йорк таймс». — Небольшие предприятия, прежде уместившиеся в гараже, а теперь способные ворочать миллиардами, обращаются за кредитами к ИБМ и другим гигантам»***.

Управление перспективными предприятиями и вся огромная масса капиталов, необходимых для их функционирования и расширения, попадает таким образом в руки менеджеров нескольких крупных монополий.

* Согласно подсчетам, существует около 800 предприятий, в которых занято не меньше 10 человек, из них 120 используют более 250 рабочих.

** «Fortune», April 1984.

*** «The New York Times», 21.IV.1984.

Это означает лишь то, что феномен Силикон-вэлли ничем не оригинален, что и здесь господствуют жестокие законы конкуренции, свойственные другим сферам капиталистического бизнеса.

Если же поставить точки над «i» (для полной ясности), то судьба молодых гениальных создателей «Эппл» сама по себе символична. Стива Джобза, одного из «студентов-основателей», в руководстве компанией сменил Джон Скалли, который многие годы творил чудеса во главе «Пепси-колы». «Завоевать для персональных компьютеров «Эппл» рынок, где доминирует ИБМ,—это все равно, что начать продавать «пепси» там, где хозяином является „Кока-кола“»,—заявил Скалли, объясняя свое назначение. Что до Джобза, то он получил пост президента компании—почетное место и прекрасно оплачиваемое,—но больше не руководит. Его коллега Уозняк, тоже основатель «Эппл», просто-напросто вернулся к работе инженера-исследователя. Он служит в качестве разработчика-проектировщика новых моделей ЭВМ. Таков конец легенды о возрождении «капитализма в чистом виде».

Дэвид Бэкон, мой спутник в Долине электроники, твердо убежден, что «в возникновении и развитии Силикон-вэлли нет ничего мифического». Этот высокий крепкий блондин 40 лет, в прошлом рабочий-металлист, вот уже с десятков лет работает в электронике. Он начинал на фирме «Нэшнл семи-кондактор корпорэйшн». Там с группой рабочих ему удалось организовать профсоюз, его избрали президентом. Профсоюз стал набирать силу, и в 1982 году Бэкон и еще тысяча сотрудников компании были уволены.

«Электронная промышленность,—рассказывает он,—начала развиваться как отрасль электрической индустрии. Ее зарождение связано с изобретением диодов и транзисторов, осуществленным группой исследователей под руководством Уильяма Шокли*, сумевшей дать им практическое применение. В годы второй мировой войны электронную промышленность контролировали такие гиганты, как «Дженерал электрик», «Вестингауз», «Вестерн электрик». Изобретение полу-

* У. Шокли основал фирму «Шокли транзистор компани», просуществовавшую очень недолго. Работавшие вместе с ним инженеры и изобретатели приняли участие в создании ряда других предприятий Силикон-вэлли, в частности «Фэрчайлд семи-кондактор компани».

проводника отнюдь не случайное открытие, а результат заранее разработанной программы исследований, реализованной в тесном сотрудничестве с рядом университетов и благодаря материальной поддержке со стороны государства. Из 2,4 миллиарда долларов, затраченных на эти исследования в 1956—1976 годы, 700 миллионов поступили из федерального бюджета. Создание полупроводниковой промышленности повлекло за собой развитие отраслей по производству товаров «электронного потребления», средств телекоммуникаций, а затем и вычислительной техники».

Но почему это произошло в Силикон-вэлли? «Потому что вначале,—продолжает рассказ Дэвид Бэкон,—именно здесь существовали наилучшие условия, необходимые для ускоренного развития новейшей технологии. Прежде всего следует сказать о стабильном спросе, поскольку Калифорнию уже давно облюбовали военные производства. Именно здесь расходуется четверть американского военного бюджета. Пентагон с самого начала проявлял самый пристальный интерес ко всему, что касалось электроники и других новейших изобретений. Государство не только выделяло значительные ассигнования на исследовательские разработки, но и стало одним из главных потребителей производимых изделий. Оно вплоть до 1954 года было практически единственным покупателем вычислительных машин, подобно тому как до 1947 года было основным клиентом поставщиков радиооборудования и других средств телекоммуникаций. В 1984 году четыре пятых производимых в Америке суперкомпьютеров изготавливались по государственным заказам. Из них подавляющее большинство идет Пентагону, который покрывает 30% всех средств, выделяемых на научные исследования в стране в целом... Именно здесь и кроется главная причина развития Силикон-вэлли. Говорить о второй—значит говорить о наблюдаемой в Долине электроники концентрации «серого вещества», поскольку сюда, в Университеты Стенфорда и Беркли, съехались крупнейшие ученые Америки и всего мира. Здесь уже многие годы научно-исследовательские центры и лаборатории работают в самом тесном контакте с промышленностью, которая «курирует» их разработки, а значит, прямо или косвенно направляет их в соответствии со своими потребностями. Третья причина—наличие избыточной и дешевой рабочей силы, состоящей в своей массе из новых иммигрантов—латиноамериканцев и азиатов». Высоко ценимым

менеджерами «преимуществом» этих рабочих является отсутствие у них организации. Еще долгое время, рассчитывают менеджеры, этого не следует опасаться ввиду крайней слабости местных профсоюзов. Руководство компаний и власти, впрочем, дружно следят за тем, чтобы защитить трудящихся от этих «вредных влияний». Следствием этого недремлющего «бдения» является тот факт, что заработки в электронике поддерживались на значительно более низком уровне, чем в традиционных отраслях промышленности. «По данным АФТ—КПП,—отметил Дэвид Бэкон,—они ниже в среднем на 40%. В то же время прибавочная стоимость, произведенная в черной металлургии в 1977 году, составляла 1,59 доллара на 1 доллар выплаченной заработной платы, в автомобильной промышленности она равнялась 2,66 доллара, а в электронике—4,36 доллара». Эти, говоря языком крупного бизнеса, «удовлетворительные результаты» являются прямым следствием того, что по большей части в этой отрасли работают женщины и низкооплачиваемые иммигранты.

«Феномен» Силикон-вэлли, стало быть, порожден вполне определенными экономическими и социальными факторами. Тем не менее здесь по-прежнему любят сказку о том, что своим процветанием Долина электроники обязана духу предпринимательства и отваге нескольких энергичных и деятельных парней, а также смелости некоторых капиталистов, не боящихся непроторенных дорог.

Официальные круги и средства массовой информации у нас во Франции не перестают шумно превозносить тот образец, который являет собой «новая американская промышленная революция». С их точки зрения, схема развития предполагает, что все предприятия классического типа, с каждым днем утрачивающие свою рентабельность, должны уступить место новейшей технологии, информатике, робототехнике. Однако втолковать трудящимся, что их предприятия идут на слом, а им самим предстоит стать безработными, поскольку-де необходимо «сохранить конкурентоспособность» и «обеспечить будущее страны» (для их же «собственного блага» в конечном счете!), будет весьма нелегко. Спустя некоторое время все эти рабочие, уверяют нас сверху, «вновь получают неисчерпаемые возможности для устройства на работу, где платить будут больше, а условия труда—лучше»(?).

Нужны доказательства? Пожалуйста—американ-

ский опыт! Тему эту обсуждали настолько часто, что она приобрела характер непререкаемой истины, которую теперь уже невозможно опровергнуть. В действительности же все обстоит совсем не так. Силикон-вэлли — долина «экономического чуда», модель, пример, прототип будущего — для американских трудящихся оказалась лишь долиной миражей.

За период с 1980 до 1984 года в традиционных отраслях промышленности — металлургической, автомобильной, горнодобывающей и др. — перестало существовать два миллиона рабочих мест. За это же время развитие новых направлений техники — электроники, ядерной энергетики, лазерной техники и т. д. — дало возможность создать лишь 250 тысяч рабочих мест. Согласно прогнозам американского Бюро трудовой статистики, на ближайшие годы исключена возможность бума занятости в этих новых отраслях, и, более того, на рынке труда предполагается определенное снижение спроса. В 1979 году в отраслях новейшей технологии было занято 3 миллиона человек, или менее 15% от числа всех трудящихся сталеплавильной, автомобильной, текстильной, резинотехнической и других «старых» отраслей. В 1979 году из 100 миллионов человек, составлявших трудовые ресурсы Америки, на новых направлениях было занято только 3% рабочих. В 1980 году их стало 4%. Таким образом, ликвидация миллионов рабочих мест отнюдь не компенсируется созданием определенного числа рабочих мест в передовых отраслях. «Обследование, проведенное на предприятиях Калифорнии, — пишет «Нью-Йорк таймс», — позволяет прийти к заключению, что даже удвоенный по сравнению со средним по промышленности рост занятости в высокотехнологичных отраслях в 1990 году не позволит привлечь туда больше чем одно из четырнадцати всех рабочих мест на рынке труда, или около 7% занятых»*.

В то же время в ближайшие двадцать лет Соединенным Штатам понадобятся дополнительно 600 тысяч сторожей для жилых домов (эта огромная потребность объясняется ростом числа ограблений), 800 тысяч человек для системы закусочных, но только 150 тысяч программистов электронно-вычислительных машин**.

Руководители соответствующих транснациональных корпораций сами предостерегают от услужливо распро-

* «The New York Times», 23.11.1983.

** «USA today», March 1983.

страняемых иллюзий, будто отрасли новейшей технологии в состоянии создать достаточное количество рабочих мест, чтобы уничтожить безработицу. «Индустрия электроники и вычислительных машин занимает сегодня у нас 6-е место по торговому обороту,— отмечает директор компании «Хьюлетт паккард» Джон Юнг.—По-видимому, примерно в 1990 году она перейдет на четвертое место, а к концу нынешнего века — на второе. Это, разумеется, повлечет за собой некоторое увеличение занятости. Но если все пойдет именно так, то вновь созданные рабочие места тем не менее составят лишь незначительный процент от их общего числа в промышленности. Уже и сегодня в ней работает только 25—30% трудящихся. Остальные — в сфере услуг. Таким образом, связывать слишком много надежд с новыми отраслями как средством разрешения проблемы занятости — значит идти на очень большой риск. Несомненно, какое-то увеличение занятости произойдет, но оно никоим образом не решит всей проблемы в целом» *.

Неспособные предложить трудящимся, в результате такой модернизации выбрасываемым на улицу, какую-либо иную перспективу, правящие круги Соединенных Штатов, да и не только Соединенных Штатов, тем не менее не перестают твердить (и притворяться, что в этом убеждены), что технологическая революция, и только она, представляет собой панацею от мучительных недугов, которые одолевают капиталистическое общество.

Еще одним широко насаждаемым мифом является утверждение о том, что, получив работу в электронике, люди получают и идеальные условия труда. На эту удочку легко попадает тот, кто верит внешнему впечатлению. Ну как же? Ведь ничего похожего на мрачные пейзажи старых промышленных зон, где заводы обнесены бесконечными каменными стенами, где склады покрыты ржавой жестью, где дым из труб черной пеленой застилает все вокруг и деревья, дома и дороги трудно различить на сплошном сером фоне. Здесь же все сверкает, все чистое и опрятное, как в аптеке. Здания — белые кубы на вечнозеленых газонах — больше напоминают больничные корпуса, чем заводские цехи.

И работники этих производств — всегда, как хирурги, в белых халатах и перчатках — уже не те... Все они

* «USA today», March 1983.

дипломированные специалисты, инженеры или почти инженеры, прекрасно оплачиваются. Так и должно быть в Америке! Ушли в прошлое изнурительный рабочий день, опасные и вредные для здоровья ритмы! Труд стал радостным, здоровым! Эксплуатации больше не существует! Борьбу классов—в музей! Именно такой образ Силикон-вэлли предлагают отделы по связям с общественностью, существующие на крупных фирмах, и средства массовой информации.

Однако рисуемая картина весьма далека от реальности. Прежде всего потому, что при изготовлении электронных элементов и схем используются исключительно вредные материалы. Те, кто занимается этим, работают в опасных для здоровья условиях, подвергаясь действию токсичных паров. «В принципе закон на стороне рабочих, обращающихся с жалобой на опасные условия труда, однако делать это осмеливаются очень немногие,—говорит директор Тихоокеанского информационного центра Ленни Зигель.—Они боятся, что, если они начнут «возникать», хозяева их уволят, неважно, под каким предлогом. В большинстве своем предприниматели Силикон-вэлли придерживаются мнения, что даже элементарные требования по технике безопасности—это шаг к организации профсоюза, а уж этого они не потерпят. Если все-таки и находятся жалобщики, то они предпочитают анонимно обратиться в расположенный в Санта-Кларе Центр по контролю за техникой безопасности. Ежегодно туда поступают сотни подобных протестов, но никто не решится открыто свидетельствовать против администрации, так как никто не желает потерять свое место...»

Ради премии за высокую производительность рабочее часто и сами не склонны считать вопросы техники безопасности первостепенными. Впрочем, проблема вредности этих производств—это не только внутреннее дело соответствующих предприятий. Электронная промышленность, например, ежедневно выбрасывает в атмосферу 25 тонн токсичных паров. И это еще не единственная причина загрязнения окружающей среды. «Не так давно,—продолжает рассказывать Ленни Зигель,—Бюро контроля за загрязнением воздуха в заливе Сан-Франциско пыталось ввести ограничения для наиболее вредных производств. Им предлагалось установить новое фильтрующее оборудование и очистные сооружения. Фирмы воспротивились, не желая, разумеется, делать дополнительные затраты. В качестве предлога для отказа они ссылались на то, что

новые установки заметно не снизят уровень загрязненности, а значит, игра не стоит свеч...»

В начале 1982 года жители Силикон-вэлли сделали тревожное открытие: недостаточно герметичные резервуары компании «Фэрчайлд семи-кондактор» в южной части Сан-Хосе, содержавшие опасные химические вещества, дали течь и заразили значительные запасы питьевой воды. В округе долгое время даже не подозревали о постепенном отравлении, которому они подвергались. И только когда было уже поздно, там начали задаваться вопросом, почему именно в их районе рождается так много физически и психически неполноценных детей. Причиной этого бедствия была вода, зараженная компанией «Фэрчайлд». Проверка резервуаров, принадлежащих другим специализирующимся на электронике компаниям, позволила выявить еще 66 столь же опасных «утечек» лишь в районе Санта-Клары. Одновременно было установлено, что «чистых» мест здесь почти не осталось.

К счастью, глубинный горизонт подпочвенных вод, питающий весь этот регион, отделен от верхних, более уязвимых слоев толстым пластом глины. Благодаря этому основной запас питьевой воды не был (пока еще!) заражен. Теперь все резервуары с химическими веществами должны быть снабжены дополнительной оболочкой, но даст ли это гарантию полной безопасности?! Что-то, а эти разоблачения окончательно развенчали миф о «чистой» и «здоровой» электронной промышленности, по меньшей мере у самих калифорнийцев. Отныне она представляется им не иначе как полной опасностей. Да и как она может быть иной, когда главной целью хозяйничающих в ней фирм является извлечение наибольших прибылей?!

Высокотехнологичные отрасли промышленности, в частности микроэлектронику, представляют как «революционное» средство, которое совершит переворот в отношениях между людьми на производстве.

В 1985 году на электронных предприятиях Силикон-вэлли работало около 200 тысяч человек. Среди них много сотрудников управленческого аппарата и инженеров, типичным представителем которых является белый американец, получивший университетское образование (конечно, за деньги), зарабатывающий не меньше 30 тысяч долларов в год и живущий в купленном в кредит комфортабельном доме. Его жена рабо-

тает в лаборатории или в сфере образования, а его дети посещают очень дорогую частную школу. Именно этот портрет-робот приходит на ум, когда речь заходит о типичном «трудящемся» Силикон-вэлли. Однако гораздо более многочисленны те, кто на него вовсе не похож. Работающие непосредственно на производстве—это на 50—75% выходцы из Мексики, Сальвадора, Филиппин, Индокитая, Малайзии... Чем меньшей квалификации требует работа, тем ниже она оплачивается и тем чаще на ней используется женский труд. Так, на конвейере женщины составляют 90% персонала. «На этом уровне,—отмечает Карин Хоссфелд, социолог и профессор Калифорнийского университета (Санта-Крус),—работает очень мало мужчин и еще меньше белых. В то же время высшие управленческие работники на 90% мужчины, причем белые. В 1984 году на производстве полупроводников и на сборке почасовой заработок составлял в среднем 4,5—5,5 доллара, а у давно работающих и наиболее опытных сотрудников—8,5 доллара. Надо еще сказать об исключительно высокой стоимости жизни в Калифорнии. И поэтому фактически этот заработок далек от того, что можно получить, например, работая в автомобилестроении. Где-то в другом месте, имея 5,5 доллара в час, еще можно, не роскошествуя, выкрутиться. Но в Калифорнии, где квартплата в 3 раза выше, чем в среднем по стране, все гораздо труднее. За очень маленькую квартирку часто берут не меньше 500 долларов в месяц. Если добавить стоимость транспорта—а обычно люди живут от работы довольно далеко—и расходы на детей, то в конце месяца в кармане остается не так уж много...

Как видим, есть немало причин для того, чтобы перспектива «перехода» в электронику не вызывала энтузиазма у рабочих, которым угрожает увольнение. Впрочем, и крупные электронные фирмы, что бы там ни говорилось в докладах официальных экспертов, при том, что у них под руками есть и дешевая, и одновременно совершенно безропотная рабочая сила, отнюдь не спешат нанимать тех, кто привык к высоким заработкам и понял значение профсоюзной организации.» «Эти люди, до того как приехали в Соединенные Штаты, подыхали с голоду,—объясняет управляющий одного из электронных предприятий.—Предложите им работу, и она будет намного лучше той, что у них была... У них нет специальности, они не говорят по-английски и не рассчитывают на высокий зарабо-

ток. Стало быть, они признательны и за то, что им дают. Я, например, нанимая их, испытываю такое чувство, будто оказываю им услугу...» Другой владелец среднего предприятия по производству компактных информационных дисков вполне искренне и чуть ли не восторженно замечает: «Эти люди просто поразительны! Такие изворотливые! Одна из моих работниц — она не то с Филиппин, не то откуда-то еще — на одну зарплату содержит троих детей и престарелых родителей. И получает всего 5,65 доллара в час. Да еще всех одаривает пирожными и сладостями! У меня только один ребенок, но жена говорит, что не может свести концы с концами. И это при том, что, поверьте, я зарабатываю несколько больше...»

О профсоюзах, разумеется, не может быть и речи. «Слово «профсоюз» пугает иммигрантов, большинство которых до этого никогда на промышленных предприятиях не работали,—говорит Карин Хоссфелд.—Предприниматели пользуются этим, предостерегая рабочих от малейших попыток организовать. Как писала газета, издаваемая на одной из таких фирм, «в Америке каждый свободен и профсоюзы не запрещены, но и хозяин также свободен принимать решение». Поэтому в случае создания на предприятии профсоюза хозяин вправе такое предприятие закрыть и перевести его в другое место, скажем в Сингапур или Южную Корею, то есть в страны, где рабочая сила обходится гораздо дешевле. В свете такого заявления любой сторонник профсоюзов, предложивший рабочим организовать профсоюз, предстанет перед ними не иначе, как человек, из-за которого они могут потерять работу. Кроме того, для многих иммигрантов слово «профсоюз» изначально несет в себе значение «коммунистический». И если они настроены антикоммунистически,—а таких среди людей, выехавших из стран Азии, много,—то они, несомненно, будут упорно сопротивляться образованию какой бы то ни было организации».

Неудивительно поэтому, что выходцы из Азии считаются наилучшей рабочей силой, беспрекословно принимающей любые условия труда и соглашающейся на любую зарплату... За ними следуют латиносы из Мексики и Центральной Америки. Владельцы предприятий считают их «менее податливыми» и «уже научившимися требовать». По мнению одного из управляющих, «они медлительнее, чем те, кто приехал с Востока. Приходится стоять у них за спиной и следить, чтобы они работали, но и это еще терпимо...» Что же

касается черных американцев, то об этих лучше и не говорить — «Дурная репутация!», «У них всегда готов ответ», «Они наслышаны о своих правах». Другими словами, они знают, что такое профсоюз, они сумеют организовать и поставить свои условия и, значит, у них «дурной настрой». И хотя в Силикон-вэлли работает совсем немного негров (чуть больше 3%), фирмы избегают строить предприятия в местах, где имеется значительная прослойка черного населения.

«Я поинтересовалась у руководителей этих электронных фирм, почему они не создали предприятий около Окленда или на восточной стороне Пало-Альто, где среди темнокожего населения есть большие резервы рабочей силы,—говорит Карин Хоссфелд.—Содержание ответа сводилось к тому, что там неблагоприятный социальный климат. Темнокожий профсоюзный деятель подтвердил, что ни одна из компаний Силикон-вэлли не намеревается строить заводы в Окленде, поскольку этот район с преобладающим черным населением находится в сфере влияния профсоюзов».

Число рабочих мест в промышленности, производящей микроэлектронику, растет не так быстро, как предполагалось вначале. На то есть две причины. Первая — автоматизация производства, вторая — «выезд» сборочных конвейеров в страны «третьего мира», что транснациональные корпорации находят более выгодным. На Филиппинах, к примеру, оператор, занятый на сборке, получает в 10 раз меньше, чем его напарник в Силикон-вэлли. Водворение в той или иной стране, помимо откровенного заискивания со стороны ее правителей и исключительных налоговых скидок, сулит владельцам американских капиталов возможность воспользоваться «первоклассным социальным климатом», поскольку профсоюзы там находятся в «узде» или вовсе запрещены, как, впрочем, и забастовки. Избавленные от пут законов, добытых в борьбе организациями рабочего класса в других странах, руководители обосновавшихся в этих странах американских предприятий имеют полную свободу в том, как отбирать свой персонал и как с ним обращаться. Чаще всего они нанимают совсем молодых незамужних женщин, которые поэтому получают самую низкую плату. Их часто «обновляют», так как они быстро «изнашиваются». И в самом деле, через два-три года многие из этих женщин из-за постоянного пользования микроскопом теряют зрение и уже не способны выполнять

работу, требующую большой точности. Никаких проблем: место готовы занять десятки тысяч других.

За границей американские компании строят предприятия, обеспечивающие лишь часть общего технологического процесса, чаще всего сборку. Необходимые для этого узлы поступают с предприятий, расположенных за тысячи километров. Вопреки первому впечатлению подобная «интернационализация» производства функционирует сравнительно просто. Благодаря современным средствам связи руководство фирм в Соединенных Штатах может поддерживать постоянный контакт со своими филиалами за рубежом. Используемые в производстве микроэлектроники материалы негромоздкие и нетяжелые, их поэтому легко транспортировать. Их сборка в свою очередь не требует ни создания значительных по размерам заводских корпусов, ни высококвалифицированной рабочей силы, за исключением нескольких специалистов. Так, все чаще и чаще полупроводниковые элементы, изготовленные в Соединенных Штатах, вывозятся в другие страны, где вместе с другими деталями они становятся готовыми изделиями, затем отправляемыми обратно в Америку для окончательной проверки и последующего сбыта. Например, компания «Диджайтл экипмент» выпускает конторские компьютеры «Рейнбоу-100» и «Профешнл» силами десяти различных предприятий, каждое из которых изготавливает свои составные элементы, а компания собирает их в единое целое. Они разбросаны по всему свету, что не может не поражать воображения. Так, в самих Соединенных Штатах предприятия есть в Массачусетсе, в Нью-Мексико и в Аризоне, а за пределами Америки — в Пуэрто-Рико, Сингапуре, Гонконге и на Тайване. Похоже, это ничуть не вредит рентабельности производства.

Фундаментальные разработки, новейшая технология, прежде всего в военной области, «мозговые тресты» и, конечно, органы управления компаниями остаются на территории Соединенных Штатов, например в Силикон-вэлли и других районах, где получила развитие электроника, — под Бостоном вдоль Автостреды 128, в «исследовательском треугольнике» Северной Каролины, в Техасе (Даллас, Сан-Антонио, Хьюстон), а также в Аризоне (Финикс и Тусон). Но где бы ни располагались эти предприятия, политика транснациональных корпораций остается неизменной: их заботит не создание новых рабочих мест, а преумножение прибылей, в частности благодаря преимущественному

использованию возможно более дешевой рабочей силы. Столкнуть лбами одних с другими, рабочих-американцев с трудящимися из развивающихся стран, иммигрантов с местными жителями,—обязательный компонент этой игры.

В январе 1983 года, как раз в тот момент, когда в связи с массовыми увольнениями на автозаводах Калифорнии много говорили о переквалификации автомобилестроителей для предприятий, производящих электронику, компания «Кьюм корпорейшн» (Сан-Хосе) объявила об увольнении 300 своих сотрудников и о переводе цеха печатных схем в Пуэрто-Рико. В следующем месяце настала очередь фирмы «Атари», администрация которой, сообщив о «перемещении» части своего производства компьютеров и видеоигр на Тайвань и в Гонконг, уволила 1700 операторов поточных линий. По этому поводу один рабочий-автомобилестроитель—белый, член профсоюза и только недавно уволенный—сказал так: «Ну что ж, на «Атари» тоже увольняют. Я, конечно, сочувствую этим ребятам, но ведь большинство из них—это типы без квалификации, с мизерной оплатой. Им бы, наверное, подошла любая работа. Но не мне. Когда хорошо платят таким квалифицированным и опытным рабочим, как я, это нормально. Для женщин, работающих в лавочках, подобных «Атари», хорошо и пять долларов в час, мне же, чтобы содержать семью, нужно двадцать. И потом, это все иммигранты, а для них иметь работу—уже удача! Останься они в своих странах, у них, возможно, работа была бы тоже—ведь сейчас фирмы сматываются отсюда и переезжают туда. Для нас, американцев, дела обстоят гораздо хуже. Бог ты мой, мы теряем работу в собственной стране!»

Старый дух конкуренции и разобщенности между «кадровыми» рабочими Америки и пришельцами-иммигрантами по-прежнему живуч, и вряд ли можно сказать, что это предпринимателям не нравится.

Директор одного из «переселившихся» предприятий высказывается по-своему неотразимо логично: «Нам необходимо сохранить конкурентоспособность! Мы решили обосноваться на Филиппинах, потому что большинство наших конкурентов уже перебрались за границу и цены на их продукцию значительно ниже наших. Что касается иммигрантов, то мы же не отказывали им в работе, во всяком случае в течение определенного периода...»

Таким образом, высокотехнологичные отрасли не только не могут предложить трудящимся Америки, уже уволенным или увольняемым с предприятий традиционных отраслей промышленности, «возмещение» в виде вновь созданных на базе профессиональной переподготовки рабочих мест, но и сами формируют новую категорию безработных, выходцев из Азии и Латинской Америки, которые, как считает Его Величество Большой Бизнес, и так зарабатывают слишком много (хотя трудятся они за мизерную зарплату!).

ПРОФСОЮЗЫ: БИЗНЕС КАК БИЗНЕС

Все, что служит трудовому люду, служит всей нации. Все, что наносит ему вред, является предательством. Здесь прямая взаимосвязь... Без тех, кто трудится, нет государства, и обирать первых—значит обворовывать второе.

Авраам Линкольн

Эти гигантские кактусы, вытянувшие в безоблачное небо руки-обрубки, эти выжженные солнцем красные скалы, эти глубоко прорезавшие пустынную необъятность Аризоны каньоны столь часто присутствуют в фантастических киноскачках индейцев и ковбоев, что, попав в эти места, трудно отделаться от ощущения, будто участвуешь в массовке для очередного вестерна.

Впрочем, в окрестностях Тусона, близ мексиканской границы, для нужд Голливуда и «шоу-бизнеса» воссоздан Тусон 1860 года—с деревянными постройками, коновязями, салунами, обслуживающими первооткрывателей и золотоискателей, игорными притонами, где обосновались «профессионалы» и разного пошиба авантюристы—народец, который только и ждет, чтобы пальнуть из кольта.

«Здесь,—поясняет гид,—в Старом Тусоне ежедневно «происходят» перестрелки, вооруженные нападения на дилижансы и другие сцены из жизни Дикого Запада...» В любой момент из бара может выйти «шериф», держа руку на кобуре... Для вящей убедительности местные жители непременно заверят вас, что Джон Уэйн из этих мест, что здесь он был трижды женат и трижды его избранницей была чикана, то есть американка мексиканского происхождения. «Только чикана и могла выдержать этого отъявленного расиста, патологического антикоммуниста под стать Маккарти—жестокое до свирепости и ограниченное до безмозглости»,—говорит Лоренсо Торрес. Он тоже чикано,

теперь на пенсии, а всю жизнь проработал шахтером, как его отец и дед. С первых военных лет ни одна стачка в Нью-Мексико и Аризоне не обходилась без Лоренсо Торреса. «В коммунистическую партию,— говорит мой собеседник,— я вступил в 1950 году, после затяжной забастовки. Тогда коммунисты предложили создать на шахте профсоюз, за что администрация была готова их разорвать. Невольно у меня возник вопрос: с чего бы это? Я видел, что именно коммунисты тверже других, по-настоящему мужественно отстаивали наши требования. Они боролись с расизмом, жертвами которого мы становились, разъясняли нам, почему все происходит именно так и как добиться изменений. Таким путем я и пришел в компартию. О забастовке, что я рассказывал, был сделан фильм «Соль земли», в нем снимались сами шахтеры, я тоже...»

Теперь Лоренсо Торрес в Тусоне — «окружной организатор» (так называется партийный пост областного значения) и кандидат от компартии на всех местных выборах. В ноябре 1984 года ему отдали свои голоса 5% избирателей округа. В тех краях — краях Джона Уэйна — это не так плохо.

В 200 километрах от Тусона, где возле городка под названием Моренси кончается раскаленное и почти пустынное шоссе, находится открытый меднорудный карьер «Фелпс Додж корпорейшн». Помимо горнодобывающего филиала, ведущего разработки в Соединенных Штатах, Перу, Сальвадоре, Австралии и ряде других мест, этот транснациональный спрут имеет долю участия в Банке Моргана, банке «Саузерн Пасифик», в многочисленных страховых компаниях и множестве других промышленных и банковских акционерных обществ.

Здесь «Фелпс Додж» принадлежит все: супермаркет, дома, больница, школы. Это типичный «компани таун» — поселок, являющийся собственностью компании. Таких в США тысячи. «Фелпс Додж» прибрала к рукам ежедневную газету «Аризона дейли стар», главный в округе банк «Вэлли нэшнл бэнк», да и самого губернатора штата Брюса Бэббита, кстати связанного с «Нэшнл бэнк». «После этого не приходится удивляться,— говорит Лоренсо Торрес,— что «Аризона дейли стар» настраивает людей против забастовщиков. И вовсе не стоит удивляться, что губернатор для защиты интересов «Фелпс Додж» прибегает к помощи национальных гвардейцев. Они как пальцы на одной руке...»

Начавшаяся в июле 1983 года забастовка 2300 шахтеров не прекратилась... еще и в мае 1985 года.

Моренси не отличить от оккупированного селения времен войны. Здесь расквартировано несколько сот национальных гвардейцев. С винтовками в руках они обходят улочки меж груд грязи, так и не убранной после наводнения, лишившего крова почти 600 семейств. В небе стрекочут патрульные вертолеты. Военские подразделения призваны обеспечить «поддержание порядка», что означает защитить «скэбов» (штрейк-брехеров), завербованных по всей Америке с помощью рекламных агентств. Каждое утро под охраной национальных гвардейцев «скэбы» длинными рядами направляются на шахту, а вечером в том же порядке следуют обратно. Они проходят главной улицей, и среди стоящих по обе стороны забастовщиков нарастает презрительная ругань. Порой из толпы летят несколько камней, со звоном разбиваются стекла автомобилей, вмешивается гвардия, в ход идут гранаты со слезоточивым газом, дубинки, нескольких забастовщиков арестовывают. На суде их приговорят к крупным штрафам (от которых заметно мелеют профсоюзные кассы). Обвинение — «посягательство на свободу труда» и «использование непристойных выражений». «Подумать только — назвать гада гадом считается непристойным», — замечает, ни к кому не обращаясь, Лоренсо Торрес.

И так из месяца в месяц, и есть ли этому конец?! А тем временем фирма набирает очки: согласно какому-то из судебных постановлений, которые здесь называют «запретами» (по такого рода делам решение выносит суд, а не жюри присяжных), число забастовщиков, имеющих право организовать пикет, было ограничено шестью, они, кроме того, должны держаться поодаль друг от друга. Тем же «запретом» поставлены вне закона все собрания и демонстрации.

По решению губернатора штата был введен комендантский час. Начиная с 18.00 все обитатели Моренси и крохотного соседнего Клифтона, откуда многие из забастовщиков, должны находиться дома, в противном случае их ждет арест. Но шахтеры и их близкие не подчинились этому распоряжению, на время губернатор вынужден был отступить. Теперь забастовщикам грозит выселение — ведь здесь все принадлежит компании.

Среди кирпичных и деревянных строений — миниатюрный бар с облупившимися стенами, парикма-

херская с продавленными креслами, закусочная, закрытая ввиду отсутствия клиентов... Неподалеку, в горе пустой породы, некое подобие пещеры для стоянки автомашин (надпись у входа предупреждает, что пользоваться ею из-за частых осыпей можно лишь на свой страх и риск). Напротив — здание местного отделения профсоюза рабочих сталеплавильной промышленности, входящего в АФТ — КПП. С тех пор как забастовка началась, не проходит и дня, чтобы сюда после обеда не зашел Мигель Диас. Этому чикано 42 года, у него трое детей, по профессии механик, участвовал в войне во Вьетнаме. Зачем пришел? Узнать новости и подготовиться к встрече со «скэбами». И тогда-то он уж скажет им, что о них думает. И так каждый вечер. «Бастуем год. Трое детей. Конечно, тяжело, что и говорить. Мы проели все сбережения, теперь живем благодаря поддержке профсоюза — 50 долларов в неделю. В свое время я в день зарабатывал 65 долларов...» Мигель Диас высок, крепок, несколько массивен, у него индейского склада лицо и черные до синевы жесткие волосы. «Я родился, — рассказывает он, — здесь, в Моренси. Шахтер в третьем поколении. Отец умер от силикоза, дед погиб на шахте во время взрыва... Наша газетенка пишет, что «Фелпс Додж» не позволит забастовщикам вернуться на рабочие места, что нас выкинут из квартир на улицу. Может статься, но одно ясно: в любой момент возможна стычка со «скэбами». Мы только демонстрируем, а они ведь вооружены, у некоторых даже автоматы. Кто-то из них заявил в «Тусон дейли стар», что ничего не имеет против того, чтобы забастовщики блокировали шахту. Дело ясное, как бы там ни было, а жандармы возьмут их сторону, они будут против нас. Они хотят довести нас до отчаяния и вынудить бросить все и уехать «по своей воле». Тут-то бы хозяева и бросились «реорганизовывать» шахту на свой манер. Они болтают о «модернизации», что на их языке означает — поменьше рабочих и никаких профсоюзов. Эту забастовку спровоцировала «Фелпс Додж», нам она ни к чему. В каком-то смысле хозяева заставили нас бастовать, у нас не было другого выхода...»

Типичная забастовка? Да, поскольку речь идет о жестокости и непримиримости хозяев, о сообщничестве властей и «сил порядка», об усугублении конфронтации, о гневе и отчаянии шахтеров. И все-таки! В чем-то важном она отлична от классического конфликта между трудом и капиталом, то есть от такого конфлик-

та, когда пролетарии прекращают работу, чтобы добиться увеличения зарплаты и улучшения условий труда. В атаку на этот раз пошли не рабочие, а владельцы «Фелпс Додж», которые хотели бы принудить шахтеров пойти на сокращение заработной платы во имя «оздоровления экономики». Такое уже произошло в других местах, например с согласия боссов АФТ—КПП в автомобильной промышленности. «Фелпс Додж» добивается значительного сокращения числа работающих, компенсируя их отсутствие с помощью сверхурочных. Прецеденты имеются. Бывало, что шахтеры работали по 10 часов в течение двух-трех недель и без выходных. Затем им давали два дня отдыха. Бывало также, что годами они не брали отпуска. И все это «с согласия профсоюза». В периоды интенсивного привлечения к труду шахтеры зарабатывали много. И когда по тем или иным причинам, говорил Лоренсо Торрес, компания закрывала шахту—в 1972 году добыча не производилась 10 месяцев,—шахтеры рассчитывали восполнить недостачу, заработав побольше позднее. Однако теперь это в прошлом. Ссылаясь на то, что медь трудно сбыть и цены на нее падают, «Фелпс Додж» решила сократить расходы, в первую очередь путем снижения заработной платы и повышения производительности труда. Например, до недавнего времени водители большегрузных самосвалов, рассчитанных на 150—200 тонн руды, работали на одном грузовике. Теперь каждый водитель обслуживает две машины. Пока один самосвал опорожняется, гигантские экскаваторы загружают второй. Вернувшись с пустой машиной, водитель пересаживается в наполненную и уезжает. И такой «челнок» круглый день...

Помимо всего остального, «Фелпс Додж» хочет навязать шахтерам двухшкальную систему зарплаты, которая уже введена в других отраслях. За одну и ту же работу поступивший на предприятие будет получать (не временно, как новичок, а постоянно) меньшую, чем давно работающие служащие, зарплату. Администрация «Фелпс Додж» прекрасно рассчитала, что подобные проекты не встретят одобрения шахтеров Моренси, всегда твердо отстаивавших свои интересы. Последует протест. Именно этого она и добивалась. Ее главной целью было раз и навсегда разделаться с профсоюзом. И готовилась к этому она заранее, в течение двух лет ей помогали специалисты по «юнион бастинг»—так в Америке называют тех, кто занимается «ломкой» профсоюзов и кто, между прочим, зараба-

тывает на этом очень приличные деньги.

«Юнион бастинг» — эти слова постоянно присутствуют в разговорах профсоюзных функционеров. И несомненно, действия, направленные на подрыв и удушение организаций рабочих, — явление для нынешней Америки весьма типичное. В Америке больше, чем где-либо, предприниматели оказывали яростное сопротивление самому существованию профсоюзов. Если они когда-нибудь и уступали, то лишь под большим нажимом, так как профбоссы из АФТ—КПП — этого самого мощного профобъединения, возникшего в 1955 году в результате слияния Американской федерации труда и Конгресса производственных профсоюзов, — всегда проявляли готовность к «сотрудничеству» и демонстрировали свою «умеренность».

Где еще, как не в Соединенных Штатах, владельцы банков и промышленных предприятий приложили столько усилий, чтобы воспрепятствовать развитию профсоюзного движения?! И совершенно очевиден также тот факт, что нигде в мире история рабочего движения не отмечена такой жестокостью властей (имущих власть), столь глубокой несправедливостью судебных приговоров; нигде, кроме США, расстрелы и убийства рабочих-активистов не приобрели столь массового характера! Обрушившийся на страну кризис нынешние хозяева без всякого риска для своих интересов используют для массированного наступления на права трудящихся. Деиндустриализация целых районов, «бегство» предприятий в страны «третьего мира», применение информатики и робототехники приводят к сокращению числа рабочих мест в старых отраслях промышленности, а значит, к сокращению численности наиболее организованных профсоюзов, и это вынуждает трудящихся занимать оборонительные позиции. «АФТ—КПП», — говорит Мюррей Сиджер, возглавляющий отдел профсоюзной информации АФТ—КПП, — объединяет 95 крупных общенациональных отраслевых федераций и 55 тысяч местных отделений. В 1982 году у нас насчитывалось 14,7 миллиона членов из 22 миллионов организованных несельскохозяйственных рабочих. За истекшие годы мы потеряли около миллиона активных членов профсоюза, регулярно плативших взносы, прежде всего из-за сокращения занятости в традиционных отраслях промышленности. Лишившись работы, люди перестают платить взносы, а в случае затяжной безработицы они уходят из профсоюза. В целом число занятых выросло, но главным образом это

касается сферы обслуживания и мелких предприятий, где рабочие, несмотря на то что им платят мало, не проявляют стремления организовать и не склонны выдвигать требования по той простой причине, что их легко уволить и заменить другими. Они более уязвимы еще и потому, что среди них много иммигрантов, часто въезжающих в США незаконно. К сожалению, мы теряем «синие воротнички» со сталелитейных и автомобильных заводов, с металлургических предприятий, шахт и т. п.».

Потери эти весьма ощутимы. Так, профсоюз автомобилестроителей за 1968—1984 годы уменьшился почти на треть—с 1,5 миллиона до 1,1 миллиона человек. Профсоюз механиков между 1980 и 1984 годами ужался на 230 тысяч членов, сократившись с 750 до 520 тысяч человек, профсоюзы железнодорожников за 1968—1980 годы—на 100 тысяч (с 280 до 180 тысяч) и т. д.

Процент организованных трудящихся (в АФТ—КПП и других профсоюзах) по отношению ко всей численности трудовых ресурсов несельскохозяйственной сферы упал с 34% в 1946 году до 30,8% в 1970 году, а затем с 25,2% в 1980 году до 22% в 1984 году. Если в расчет принять всех наемных рабочих, занятых в сельском хозяйстве, то доля организованных в профсоюзы становится еще меньше—всего 19%, то есть по стране в целом один член профсоюза на пятерых работающих. Согласно докладу, опубликованному в конце 1984 года Управлением трудовой статистики, общее сокращение числа членов профсоюзов (включая сельскохозяйственный сектор экономики) с 1980 по 1984 год составило 2,7 миллиона членов. Это ослабление профсоюзов не только следствие сокращения занятости в традиционных отраслях промышленности, но и результат преднамеренной политики, проводимой большим бизнесом и его представителями в конгрессе и Белом доме. «Им бы хотелось вернуться назад лет на пятьдесят»,—нередко услышишь от профактивистов на местах. На пятьдесят, а то и больше. Во всяком случае, к временам, предшествовавшим приходу Франклина Д. Рузвельта в Белый дом в марте 1933 года. Именно это время получило название «новый курс», как стали называть политику Рузвельта. Это период первых крупных побед, одержанных американским рабочим классом, в частности за профсоюзами было признано право заключать коллективные соглашения с предпринимателями, введена система пенси-

онного обеспечения и пособий по безработице (хотя и с существенными ограничениями). Новое положение оговаривало также условия, которым должны были следовать рабочие при создании профсоюзной ячейки. Прежде всего — и это остается в силе до сих пор — на предприятии профсоюз может быть создан лишь в том случае, когда этого пожелает большинство его работников. Это значит, что ни один поддерживаемый меньшинством профсоюз не имеет возможности существовать легально. Те, кто выступает за создание профсоюза, должны прежде всего обратиться с запросом в соответствующий правительственный орган — Национальное управление по трудовым отношениям, приложив подписи по меньшей мере трети охватываемых трудящихся. Лишь в случае одобрения общим голосованием профсоюз считается получившим сертификат и может в полном объеме вести переговоры с администрацией предприятия. Особая статья касается так называемых «заводских профсоюзов». Она обязывает трудящихся одного и того же производственного или торгового подразделения состоять в «сертифицированной» профсоюзной организации. Членские взносы из зарплаты удерживаются автоматически, поступая в профсоюзную кассу. Согласно положению, в результате коллективных переговоров между предпринимателем и профсоюзом заключается соглашение сроком на 2—3 года, имеющее силу закона. В течение этого периода трудящимся и их представителям запрещается выставлять какие-либо дополнительные требования или прибегать к забастовке.

Практически создать профсоюз не так просто, как может показаться на первый взгляд. И очень часто в промежутке между внесением запроса и голосованием о «сертификации» администрация прибегает к различным маневрам, шантажу, подкупам, угрозам, чтобы воспрепятствовать попыткам создания профсоюза и добиться соответствующего голосования. Кроме того, еще до того, как такая инициатива будет проявлена, администрация может учредить послушный ей «домашний профсоюз» в противовес действительно представительной организации.

В 1946 году под давлением крупного капитала в атмосфере развертывания «холодной войны» был принят закон Тафта — Хартли (названный так в честь его авторов), который ограничивал право профсоюзов на забастовку. Новое законодательство дало президенту право отдать приказ начавшим забастовку рабо-

чим — «если их действия угрожают национальной безопасности» — оставаться на рабочих местах в течение 3 месяцев. Сменявшие друг друга хозяева Белого дома за период с 1948 по 1964 год прибегали к этому исключительно эффективному антизабастовочному закону 23 раза. Периоды принудительного воздержания от забастовок, призванные, по словам законодателей, дать «страстям остыть», в соответствии с подлинными намерениями предпринимателей фактически направлены на срыв профсоюзных действий.

Существуют меры специально против коммунистов, которые ведут активную работу и пользуются заслуженным влиянием в американском профсоюзном движении. Эти узаконения продиктованы собственно антикоммунизмом, а также желанием нанести урон рабочему движению, лишив его по-боевому настроенных, опытных и политически сознательных вожаков. Согласно закону Тафта — Хартли, все профсоюзные руководители снизу доверху обязаны представлять в министерство труда своего рода «свидетельства о лояльности» — заявления о том, что они не являются членами коммунистической партии или какой-либо другой организации, «имеющей целью насильственно свергнуть правительство». Скрывшему факты грозит тюремное заключение сроком до 5 лет и (или) штраф в 10 тысяч долларов. В случае когда хотя бы один из профсоюзных лидеров утаит свою принадлежность компартии, данный профсоюз может лишиться «признания», а значит, права обсуждения коллективных договоров с предпринимателями. Опасение потерять этот официальный статус (вопрос жизни и смерти для профсоюзов!) вынудило большинство их лидеров принять этот ультиматум. Коммунисты и те, кто попал под подозрение в принадлежности к компартии, были «разоблачены» и отстранены от руководства. У них не было никакой возможности противостоять подобной дискриминации. Партия в то время еще не оправилась от глубокого кризиса, который она переживала в конце войны в результате курса, навязанного ей тогдашним генеральным секретарем Эрлом Браудером и завершившимся заявлением о самороспуске.

По мнению этого деятеля, Тегеранская конференция в ноябре — декабре 1943 года, на которой Ф. Д. Рузвельт, И. В. Сталин и У. Черчилль выработали общую стратегию ведения войны и заложили основы послевоенного устройства, открывала новый этап в мировой истории, когда между социализмом и

капитализмом должны утвердиться принципиально новые отношения, базирующиеся на долговременном сотрудничестве двух наиболее влиятельных великих держав антигитлеровской коалиции—Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. В этой беспрецедентной ситуации, считал Браудер, различия между классами и политическими группировками не могли иметь решающего значения. Особая природа американского капитализма якобы позволяла надеяться, что он сам признает необходимость вернуть народу награбленные богатства. А следовательно, американские коммунисты должны отказаться от концепции революционной борьбы классов ради «не отягощенного предвзвешенными» сотрудничества с промышленными и банковскими магнатами, которых они до сих пор рассматривали как своих эксплуататоров и противников.

Когда американские коммунисты в июле 1945 года восстановили партию, в ее рядах не осталось и половины членов и она не могла должным образом противостоять развернувшемуся наступлению власти имущих. Вопреки предсказаниям Эрла Браудера окончание войны не установило между социализмом и капитализмом тех идиллических отношений, о которых он разглагольствовал, но открыло дорогу к «войне холодной». Внутри Соединенных Штатов в отношениях между классами «медовый месяц» отнюдь не наблюдался, более того, «по всем азимутам» велось наступление капитала на профсоюзы, чтобы в зародыше задавить любую попытку возродить массовую рабочую партию. Изгнанные из профсоюзов, лишенные работы и признания в социальном отношении коммунисты долгие годы находились на полулегальном положении. Их руководители были арестованы и осуждены, а Генеральный секретарь Гэс Холл на 5 лет упрятан за решетку федеральной тюрьмы Ливенуорта (Канзас) за «проповедь насильственного свержения правительства».

Черные списки в период «охоты на ведьм» включали тысячи наиболее преданных компартии и наиболее динамичных деятелей. Их таким способом «отстранили от борьбы», что нанесло весьма ощутимый вред как коммунистическому движению Америки, так и—в еще большей степени—профсоюзам, отныне связанным по рукам и ногам и отданным на откуп оппортунистам, исповедующим компромиссы и сотрудничество с предпринимателями и—следует добавить—слишком подверженным коррупции. АФТ—КПП проиграла битву,

признала себя побежденной и призвала профсоюзных деятелей «примениться к требованиям закона». Большинство профсоюзов вписали требования закона Тафта—Хартли в уставы своих федераций и обрядились в тогу ярых антикоммунистов (что должно было свидетельствовать о безупречности их намерений). «Член профсоюза,—записано в уставе профсоюза автомобилестроителей (§ 10, п. 8),—не может состоять на выборной или оплачиваемой работе в местных или федеральных руководящих органах, если он является членом таких политических организаций, как коммунистическая или фашистская партии или симпатизирует им, а также если он прямо или косвенно высказывает верноподданнические чувства в отношении какого-либо иного правительства, кроме правительства Соединенных Штатов».

В других профсоюзах пошли еще дальше, и, не ограничиваясь запрещением коммунистам занимать те или иные ответственные посты, закрепили в своих уставах отказ в приеме их в профсоюз вообще. Так, в 1949 году на съезде КПП было принято решение о единовременном исключении из конгресса 10 профсоюзов, насчитывавших в общей сложности около миллиона членов, под тем предлогом, что коммунисты пользовались в них решающим влиянием.

Антикоммунизм, дотоле существовавший «де факто», превратился в официальную доктрину американского профсоюзного движения. Именно на этой доктринальной базе руководители Американской федерации труда (АФТ) и Конгресса производственных профсоюзов (КПП), с 1938 года существовавших отдельно, решили в 1955 году слить оба объединения в одно.

Как обстоят дела сегодня? Для ответа предоставим слово живущему в Лос-Анджелесе Джорджу Моррису, писателю и публицисту, в течение полувека специализирующемуся на проблемах американского рабочего движения. Он говорил мне: «То, что называется «ред бейтинг» («охота на красных»), существует и поныне, но времена закона Тафта—Хартли и маккартизма канули в прошлое. Тогда делалось все, чтобы избавиться от наиболее прогрессивно настроенных деятелей, руководителей. В уставах многих профсоюзов все еще сохраняются ограничения в отношении коммунистов, хотя и не так часто применяемые. Антикоммунизм стал более изощренным. Теперь речь идет о другом. Крупный капитал и служащая ему администрация нацелились на полную ликвидацию профсоюзов.

Пример подал сам Рейган, открыв кампанию против профсоюза авиадиспетчеров. В августе 1981 года, когда они начали забастовку, Рейган, не задумываясь, уволил 11 500 забастовщиков. Затем их фамилии были сообщены всем авиакомпаниям, чтобы уже никогда они не смогли вновь получить работу по специальности. Рейган «опустил забрало» и показал хозяевам, как, по его соображениям, следует разрешать социальные конфликты. Уместно в связи с этим вспомнить, что в свое время профсоюз авиадиспетчеров призвал своих членов голосовать за Рейгана, который, будучи кандидатом, обещал в случае своего избрания удовлетворить все их требования...»

В июне 1984 года, добиваясь соблюдения законов о профсоюзах и обеспечения справедливых условий труда, большинство американских профсоюзов выступили против применяемой Национальным управлением по трудовым отношениям (созданным при Рузвельте) тактики проволок. Дело в том, что более 1400 жалоб о нарушениях предпринимателями законов о труде, направленных в управление, было положено под сукно, а назначенный Рейганом глава этого правительственного ведомства делал вид, что их не получал.

В этих условиях при молчаливой поддержке Белого дома предприятия штатов, расположенных на Юге и Юго-Западе США, превратились поистине в «зоны, защищенные... от влияния профсоюзов». В то же время около половины американских штатов приняли законы, которые, чтобы избавиться от «диктата» профсоюзов, провозгласили «право на труд» не охваченных профсоюзами рабочих. Их истинная цель — преградить путь для создания новых профсоюзов, а также удержать заработную плату трудящихся на наиболее низком уровне. И в самом деле, подсчитано (данные за 1983 год), что зарплата трудящегося, состоящего в профсоюзе, в среднем на 35% выше, чем у того, кто в нем не состоит*.

Наступление на профсоюзы, осуществляемое администрацией Рейгана, дало новый импульс ощущавшейся и ранее тенденции к росту числа провалов при голосовании по «сертификации» на предприятиях. К концу президентского мандата Картера на 48% голосования завершались отрицательным вердиктом. Одновременно участились случаи принятия решений о десертификации профсоюзов, то есть о лишении их права представ-

* «International Herald Tribune», 12.II.1985.

лать трудящихся предприятия: так, в 1960 году было принято 237 таких решений, тогда как в 1977 году их было зарегистрировано 849.

«Предпринимателям теперь мало этих «вспомогательных» методов,— отметил Джордж Моррис.— Чтобы помешать трудящимся предпринять действия против уменьшения заработной платы или сокращения штатов, подрыва или ликвидации профсоюза и даже закрытия предприятия, власть имущие разработали новые способы. К примеру, ничто не мешает администрации без какого-либо предупреждения закрыть ворота завода и перебраться в один из южных штатов, где нет профсоюзов, а рабочая сила намного дешевле. Такие предприятия называют «ранэуэй шопс», что буквально означает «драпающие заводы». Разумеется, бегство готовится втайне и задолго. Компания может также объявить о своем «банкротстве». В принципе, если обратиться к закону, подобное заявление должно быть сделано по решению органов правосудия. Однако Верховный суд вынес определение, согласно которому наниматели, которые предвидят возможность такого исхода, имеют право еще до объявления о банкротстве уволить свой персонал или заставить его пойти на «жертвы», необходимые, по их мнению, для «спасения дела».

Компания «Континентал эйрлайнз» в конце 1983 года объявила, что находится на грани банкротства. Это была ложь, позволившая администрации заявить о необходимости сократить на 50% заработную плату своим служащим. В ответ вспыхнула забастовка, которая не закончилась и летом 1984 года. Тем временем «Континентал эйрлайнз» по всей стране вербовала штрейкбрехеров. Оказавшись перед угрозой увольнения, некоторые служащие, многие месяцы державшиеся стойко, отчаялись, возобновили работу и согласились впредь получать наполовину меньшую зарплату, чего и добивалась компания.

В аналогичной ситуации оказались и 7 тысяч служащих автобусной компании «Грейхаунд». Это был традиционно боевой отряд трудящихся. Здесь с давних пор существовал профсоюз. В 1983 году служащие «Грейхаунда» объявили забастовку против «двойной системы» оплаты, которую захотела ввести администрация. Шесть месяцев борьбы ничего не дали, в конце концов пришлось принять эту систему. В результате служащие вынуждены были признать две шкалы оплаты: одну — для давно работающих в компании, которые сохранили

за собой прежние расценки, другую—существенно более низкую—для вновь нанятых, которые уже никогда не смогут «догнать» первых. Компания, естественно, постарается как можно быстрее избавиться от «стариков» и заменить их новичками, которые станут выполнять работу за меньшее вознаграждение. «То, что произошло в «Континентал эйрлайнз» и «Грейхаунде», отнюдь не исключение,—подчеркнул Джордж Моррис.—Напротив, это общая для всей Америки тенденция. Государство пытается применять подобные меры (например, в почтовом ведомстве), которые нередко приводят к человеческим драмам. Взять какого-нибудь работника, уже давно поверившего в профсоюз и серьезно относящегося к его эффективности. И когда человек не хочет возобновлять работу на новых условиях, это, естественно, представляется всем не иначе, как предательство. Его начинают осаждать в семье, настоятельно напоминая о «благодарности», умоляя подумать о будущем своих детей и тому подобное. Трудно даже поверить, сколько произошло на этой почве самоубийств: либо муж, либо жена...»

Псевдобанкротство, хотя и весьма выгодно с финансовой точки зрения, имеет все-таки и неудобную сторону: утрата доверия закрывает возможность получать у банков кредит. Предприимчивое воображение бизнесменов нашло выход и здесь. Они стали создавать «альтернативные компании», которые исподволь приберут дела к рукам, но поведут их с меньшими издержками. Такую операцию успешно провернула в мае 1984 года авиакомпания «Трансамерика» (Сан-Франциско), прибыли которой в 1983 году превысили 25 миллионов долларов. Ее «alter ego» — «Трансинтернэшнл эйрлайнз» — постепенно заменила «Трансамерику» на всех обеспечивавшихся ею авиалиниях. Новая компания не принимает на работу членов профсоюза и платит зарплату намного ниже той, которую получали служащие «Трансамерики». Последняя потихоньку сократила свой штат, а затем и вовсе «исчезла» в конце 1984 года.

Столь хитроумные махинации не рождаются спонтанно благодаря лишь вдохновению менеджеров. Они плод углубленного исследования проблемы специалистами, чье ремесло состоит именно в том, чтобы помочь предпринимателям приструнить ту или иную

«разбушевавшуюся» профсоюзную организацию, а лучше и вовсе избавиться от нее. Организованные действия по подрыву профсоюзных организаций — «юнион бастинг» — превратились таким образом в процветающий бизнес. Более тысячи фирм с общим оборотным капиталом в сотни миллионов долларов отпускают за соответствующую мзду советы компаниям, стремящимся обезопасить себя от возможного появления на их предприятиях профсоюзов или же намеревающимся ликвидировать уже существующие. Все эти операции проводятся на «научной» базе, с привлечением хорошо оплачиваемых юристов, искусных экспертов в сфере легального крюкотворства по обеспечению наибольших выгод для бизнесменов, социологов-специалистов по данному конкретному району — району предпринимаемой «акции», психологов, на основе изучения поведения отдельных личностей, предлагающих наиболее эффективную тактику. Бизнес(!), как любой другой, и, как любому другому, ему необходима реклама. «Еще ни один профсоюз, за который мы беремся, не устоял! Хотите получить надежные результаты, обращайтесь к нам!» — провозглашает с рекламного щита некая контора, специализирующаяся на «юнион бастинг». Другая за установленную плату организует для менеджеров курс лекций, в которых предусматривается обучение методам поведения в отношении своего персонала в зависимости от характера ситуации. Им растолкуют, почему при определенных обстоятельствах выгоднее самим спровоцировать забастовки. Заинтересовавшегося слушателю фирма обеспечит всяческих экспертов — и для изучения вопроса на месте, и для развертывания в случае необходимости «акций», от начала до «успешного завершения».

В такой западне оказались и Джон Томпсон со своими товарищами по работе, служившие в одном из продовольственных магазинов Крюгера (сеть таких магазинов охватывает буквально всю Америку). Джон работал в Бейдене, неподалеку от Питтсбурга (Пенсильвания). Наша встреча состоялась на проселочной дороге. Шел дождь, укрыться было негде, мы сидели в машине и разговаривали. Моему собеседнику нет и 25 лет, но на вид он старик. Приветливое лицо, печальные глаза. Его отец, металлург из Питтсбурга, больше года не работает — закрылся завод. Дед — шахтер, недавно умер. Джон три года как женат, его жена работает в парикмахерской, светящаяся вывеска которой поблескивает у обочины сквозь обволакива-

ющую все вокруг влажную сырость. «К счастью, хоть у нее есть работа,—говорит Джон.—У нас двухлетний малыш, и я ума не приложу, что делать. Очень хотелось поступить в университет. В школе у меня дела шли хорошо, но на университет не было денег. Пришлось искать работу. В конце концов я нанялся к Крюгеру. Все 3 тысячи служащих из 65 его магазинов в Западной Пенсильвании всегда входили в профсоюз. Вступил в него и я. В конце 1982 года администрация объявила, что намерена провести сокращение зарплаты (речь шла о 10%) и рабочей недели (наполовину). Следовательно, нам стали бы платить только за 15 часов в неделю. Когда руководство профсоюза начало переговоры с администрацией, последняя предъявила новые, еще более жесткие требования. Мы решили, что это слишком, и проголосовали за забастовку. Через пять недель в январе 1984 года мы неожиданно узнали, что Крюгер продал свои магазины в этом районе, и мы таким образом оказались на улице—без работы и без какой-либо компенсации! Это была ловушка. Подготовка к продаже началась задолго до забастовки, а узнали мы об этом только потом. Кроме того, пока мы бастовали, распространились слухи, что Крюгер намерен расширяться и наряду с продовольствием продавать электробытовые товары. Никто и подумать не мог, что он готовится продать магазины. Уже потом мы поняли, что слухи распустила сама администрация. Прекрасно все рассчитав, нас постепенно «подзавели». Они хотели, чтобы мы объявили забастовку. В таком случае они могли продать магазины за хорошую цену: покупатель получал их без персонала и без профсоюза. Крюгер, кроме того, выходил из игры, не потратив на компенсацию своим служащим ни цента. Что касается новых владельцев, то, согласно закону, они освобождались от каких бы то ни было обязательств по отношению к нам. Магазины были открыты, но с другим персоналом и с зарплатой из расчета 3,75 доллара в час. Мы же зарабатывали по 7 долларов! Профсоюз подал жалобу на компанию в Национальное управление по трудовым отношениям, обвинив ее в «несправедливом поведении в трудовом споре». Ответа мы ждем до сих пор. Похоже, что наше дело, как и тысячи других, похоронено. Мне кажется, что, если так будет впредь, Америку ждут невеселые времена, как это было в средневековой Европе—горстка сверхбогачей и десятки миллионов бедняков. Здесь даже воздух, который мы вдыхаем, пропитан

отчаянием. Я знаю многих людей, уже не так и молодых, которые неплохо зарабатывали в течение 20—25 лет, а теперь живут только на продовольственные талоны. И, скажите, о чем только думают наверху наши профсоюзные боссы?!»

Этот критический настрой довольно характерен для многих рядовых членов профсоюзов. Их доверие к высшему профсоюзному руководству сильно подорвано. Теперь они больше не ощущают, что профсоюзная организация действительно их организация, что именно в них самих, в многочисленности и сплоченности их рядов,—источник силы профсоюзов. Теперь в профсоюзах платят членские взносы, чтобы обеспечить себе защиту и совет «спецов», стоящих во главе профсоюзов. И делается это примерно так же, как платят взносы за страховку от пожаров или несчастных случаев на дорогах. Взамен люди рассчитывают, что лидеры обеспечат им защиту их интересов, что им обговорят «хороший контракт». А если всего этого нет, то зачем профсоюз? Такое отношение выработалось не сразу, и оно не результат (хотя некоторые и пытаются представить дело таким образом) «консервативного мышления» и «отсутствия боевитости» американских трудящихся. Для социальной истории Соединенных Штатов, напротив, характерно постоянство рабочих битв за улучшение положения трудящихся, проводимых в самых тяжелых условиях. Однако «динамичный тред-юнионизм», отмеченный высоким уровнем классового сознания и активно действовавший в Америке в 30-е и 40-е годы, в эпоху маккартизма практически перестал существовать. За это несут ответственность в первую очередь боссы АФТ—КПП, положившие в основу своей деятельности классовое сотрудничество и утверждающие, что такая позиция более всего отвечает интересам американских трудящихся. Подобные рассуждения базируются на тезисе: чтобы требования рабочих удовлетворялись, предприятию необходимо получать возможно более высокие прибыли. Другими словами, «что хорошо для предприятия—хорошо и для его работников, и, чем больше «пирог», тем больший кусок от него получит каждый».

Когда Джордж Мини, бывший председатель АФТ—КПП (умер в 1980 году), обращался к предпринимателям, то он чуть ли не извинялся перед ними за то, что должность вынуждает его встать на сторону рабочих. В декабре 1955 года его пригласили в качестве почетного гостя на банкет, организованный Национальной

ассоциацией производителей. Мини, дабы доказать, что заслуживает такое высокое доверие, сделал весьма, на мой взгляд, удивительное заявление. «Для вас,—сказал он,—может оказаться интересным тот факт, что лично я за всю свою жизнь ни разу не принял решения о забастовке, сам никогда ни в одной из них не участвовал, и, конечно, еще никому не удалось увидеть меня в забастовочном пикете...» Столь прекрасное кредо главного профдеятеля Соединенных Штатов заслужило горячие аплодисменты признательности всех присутствовавших представителей делового мира. Они аплодировали. Впрочем, среди них никто и не сомневался в «респектабельности» гостя: босс как босс, разница лишь в характере бизнеса...

Специфика развития профсоюзного движения в Соединенных Штатах состоит в том, что большинство его деятелей превратилось в бизнесменов высшего класса, продающих особый товар—рабочую силу—другим бизнесменам, владельцам предприятий, выступающим ее покупателями. Обычно они стараются продать подороже хотя бы для того, чтобы остаться на своих постах, не допуская и мысли, что могут утратить такую возможность, то есть что рабочая сила перестанет быть товаром, что и означало бы вступление профсоюзов на путь борьбы с капиталистической системой...

Принятие большинством американских трудящихся системы, столь успешно защищаемой профбоссами, имеет свои исторические особенности, которые обусловили ослабление осознания ими своего положения эксплуатируемых. Относительно долгое время Америка—новый, богато одаренный природой континент, куда вновь и вновь накатывались волны иммигрантов из Европы,—действительно давала людям возможность как-то подняться по общественной лестнице, стать торговцами, предпринимателями, приобщиться к свободным профессиям, а некоторым (весьма и весьма немногочисленным) занять место среди «сверхбогачей». Исключительные случаи мгновенно сколоченных состояний (лотерея!) поддерживали иллюзию, что «выиграть может каждый» и что система—«лучшая в мире!»—предоставляет «шанс всем и каждому», лишь бы он хранил веру в эту «страну открытых возможностей» и, не боясь, брался за дело. Под ударами жестокой действительности эта «американская мечта» уже давно потускнела, хотя еще многие по-прежнему

за нее цепляются. «Бедные становятся беднее, богатые — богаче». Формула, проникнутая безразличием, гневом и горечью, которая чаще и чаще звучит в разговорах и на страницах газет. Констатация, столь далекая от обещаний «всеобщего процветания», которыми люди жили так долго. В этих условиях под вопрос поставлена сама капиталистическая система, что еще несколько лет назад назвали бы не иначе, как богохульством и «проявлением антиамериканизма», а критика в адрес профсоюзных боссов, всегда оказывавших и продолжающих оказывать поддержку политике правящих кругов, становится все резоннее.

Некоторые крупные деятели профсоюзов — признаться, очень немногие, — отражая настроения низов, выступают с осуждением политической ориентации, навязанной лидерами АФТ — КПП. Среди них наиболее резко высказывается Уильям Уинписингер, председатель профсоюза механиков, являющийся членом исполкома АФТ — КПП. Я долго беседовал с ним, задавал много вопросов. Его ответы поражали горьким сознанием создавшегося положения. Резюмируя, он говорил: «Опросы общественного мнения показывают, что в настоящее время профсоюзы занимают последнее место в ответах на вопрос «к какой организации или учреждению вы относитесь с наибольшим уважением?». Почему так случилось? По-моему, в наибольшей степени дискредитация профсоюзов произошла в результате их собственных действий, она — отражение сложившегося о них в стране представления. Этот имидж — «профсоюзный бизнес». В идеологическом плане руководство АФТ — КПП довольствуется тезисами официальной пропаганды, всеми теми иллюзиями, которыми нас пичкали со школьной скамьи: «Страна свободного предпринимательства», «Страна равных возможностей», «Страна справедливости и равенства»! Но все больше американских трудящихся убеждаются, что эти лозунги не имеют никакого отношения к повседневной жизни. Они верят им все меньше и меньше, но не понимают, что же следует делать, чтобы исправить положение, которое — а они это знают по себе — только ухудшается. Некоторым кажется, что следует замкнуться в себе и ждать. Хуже, когда они поддаются влиянию политиков ультраправого толка, демагогов, шовинистов, таких, как Рональд Рейган. Сегодня все было бы по-другому, если бы руководство АФТ — КПП вместо того, чтобы рассматривать себя неотъемлемой частью «американского истеблишмента»,

боролось за то, чтобы превратить профсоюзное движение в подлинное орудие социальных перемен... Куда там! Деятели типа Джорджа Мини всегда считали, что трудящиеся должны участвовать в защите капитализма, поскольку, по их мнению, именно эта система дает наибольшие шансы. Выступая как сторонники капитализма, Мини и ему подобные всего лишь выполняли условия сделки, состоявшейся между руководством АФТ—КПП и крупным капиталом вскоре по окончании войны. Для подавляющего большинства американских предпринимателей и их уполномоченных, заседающих в правлениях компаний, такие понятия, как «тред-юнионизм», «социализм», а также «коммунизм», представлялись синонимами. Профсоюзы несли для них постоянную угрозу росту их прибылей, никем и ничем не контролируемому ведению дел и (в определенной перспективе) самой капиталистической системе. Поэтому вплоть до войны они очень энергично противились созданию профсоюзов на предприятиях. Огромные социальные сдвиги во всем мире вынудили их изменить свои позиции, и в рекордные сроки под стимулирующим воздействием Рузвельта, осознавшего необходимость перемен, в профсоюзы были влиты миллионы рабочих. За годы второй мировой войны американские монополии получили гигантские прибыли. Они уже ощутили, что существование профсоюзов еще не означает конца света, что с ними можно договориться. В то же время мощная профсоюзная организация отныне была способна вести крупные сражения. Тогда-то капитал и сделал профсоюзному руководству определенное предложение—сделка состоялась! Естественно, о ней нигде и никогда официально не говорилось, и соглашение не было зафиксировано на бумаге. Однако от этого оно не стало менее реальным. Его условия в целом сводились к следующему: предприниматели согласились с существованием профсоюзов, последние взамен брались защищать американскую социальную систему и активно бороться против коммунизма. Джордж Мини этому договору был верен до последнего вздоха. Именно поэтому, пока был жив Мини, да и после его смерти, АФТ—КПП всегда выступала в поддержку всех грязных акций правительства и крупного капитала Соединенных Штатов: за «холодную войну», за интервенцию в Корее, а затем во Вьетнаме. В стране ширилось движение за мир, а АФТ—КПП поддерживала «ястребов». Сегодня, когда самые различные движения, включая религиоз-

ные организации, выступают за замораживание ядерных арсеналов, за всеобщее сокращение вооружений, против вмешательства в дела Никарагуа и Сальвадора, руководство АФТ—КПП стоит в стороне. Скажите, разве может профсоюзная организация с подобным «послужным списком» сохранить к себе доверие и пользоваться уважением, прежде всего у наиболее сознательной части трудящихся?!

Часть профбоссов были не просто сторонниками политики Вашингтона, но ее прямыми проводниками. В 1966—1967 годы бывшие сотрудники ЦРУ, рассказывая о своих прошлых похождениях, поведали и о том, как вскоре после войны АФТ стала посредником в передаче субсидий различным антикоммунистическим организациям Франции, Италии, Индии и других стран. Небезызвестный Томас Брейден, один из шефов ЦРУ, заместитель Алена Даллеса, в газете «Сатэрдей ивнинг пост» за 20 мая 1967 года похвалялся, что именно ему первому в голову пришла идея воспользоваться американским профцентром, чтобы передать принадлежащие ЦРУ деньги зарубежным организациям, способным помочь Соединенным Штатам в борьбе против коммунизма. Ведущими фигурами в этом «мероприятии» были Ирвинг Браун—один из подручных Джорджа Мини, впоследствии ставший официальным представителем АФТ—КПП в Западной Европе; Джей Ловстон, возглавлявший так называемый Комитет свободных профсоюзов, целью которого было оказание поддержки руководителям антикоммунистически настроенных европейских профсоюзов; Дэвид Дубински—председатель Межнационального профсоюза работников швейной промышленности; адвокат Артур Голдберг, советник при исполкоме АФТ, подготовивший план слияния АФТ и КПП и... исключения из них коммунистов и других прогрессивных элементов, ставший впоследствии в администрации Джона Кеннеди министром труда, затем членом Верховного суда и, наконец, представителем США в Организации Объединенных Наций. Деньги, поступившие из профсоюза Дэвида Дубински, писал Томас Брейден, помогли во Франции поставить на ноги антикоммунистическую профсоюзную организацию «Форс увриер». Когда средства истощились, эти деятели обратились за помощью к ЦРУ. Так началось тайное финансирование «свободных профсоюзов»; вскоре операция была предпринята и в Италии. Ловстон распределял около 2 миллионов долларов в год. У него был огромный талант по части

подрывных операций... Французский и итальянский опыт помог создать подобные организации и в других странах, что и породило необходимость создания в ЦРУ отдела международных организаций.

Брейден детально изложил историю, каким образом деньги из ЦРУ поступали к тем, кому во Франции была доверена операция по «Форс увриер». Регулярно каждые три недели им поступало 5 тысяч долларов. Это делалось при посредничестве Комитета европейских трудящихся — сионистской группы, действовавшей в профсоюзах по инициативе Дэвида Дубински. Деньги предназначались якобы для оказания «помощи трудящимся-евреям Франции». На самом деле это было «прикрытие». Получатели щедрот во Франции, да и в других странах, отнюдь не бравировали подобными сомнительными связями. Другое дело — в Соединенных Штатах. Для американских профдеятелей, целиком связавших свою судьбу с американским правящим классом, участие в грандиозном антикоммунистическом «крестовом походе» (даже в качестве агентов ЦРУ) не несет, по-видимому, в себе ничего позорного и не может нанести ущерба их карьере. Лучшим доказательством служит тот факт, что Ирвинг Браун и в 1985 году оставался на посту руководителя международного отдела АФТ — КПП, сохраняя добрые отношения с испытанными дружками из ЦРУ и с другими специалистами по ударам ниже пояса. Конечно, вряд ли об этом рядовые члены профсоюза думают хорошо... Однако у них так мало возможностей высказываться, что не стоит придавать значение их мнению.

Многие руководители профсоюзов имели и до сих пор имеют сомнительного свойства связи не только с ЦРУ, но и со всякого рода другими организациями. Например, с мафией или такими кругами, которых в Соединенных Штатах объединяет название «организованная преступность» и которые чаще всего связаны с миром крупного бизнеса и политическим аппаратом. «Профбизнес», совершенно очевидно, не свободен от этой заразы и ее порождения — коррупции. Среди наиболее нашумевших скандалов такого рода (о нем много писалось на первых полосах газет) — скандал в «Тимстэрз бразэрхуд» — профсоюзе шоферов грузовых машин, независимом от АФТ — КПП объединении, куда входят трудящиеся самых разнообразных профессий: портные, пилоты авиалиний, пивовары, служащие почтово-транспортных фирм, примкнувшие к нему из соображений завоевания большего авторитета (вещь весь-

ма характерная для профсоюзов США). В начале 70-х годов «Тимстэрз» насчитывал около 2 миллионов членов и располагал резервом по меньшей мере в миллиард долларов. Это были накопления от пенсионных взносов, фондом которых он должен управлять. Другие профсоюзы тоже имеют такие фонды, которые они обычно используют для доходных операций, покупая акции крупных компаний, вкладывая деньги в недвижимость и т. п. Руководство «Тимстэрз», в котором было немало темных личностей, связанных с гангстерами и мафиози, решило ссудить деньги под проценты менеджерам игровых заведений в Лас-Вегасе. Большая часть средств в профсоюзные кассы так и не вернулась. Деньги были переданы компаниям, существовавшим только на бумаге, и, понятное дело, их не отдали. Дело бы заглохло, если бы не соперничество в борьбе за руководство профсоюзом, развернувшееся между Фрэнком Фитцсиммонсом и бывшим председателем Джимми Хоффой. Хоффа готовился представить суду доказательства жульнической операции, в которой и сам участвовал, однако его соперники сумели заткнуть ему рот, просто-напросто отправив его на тот свет в стиле «а-ля Голливуд». Он исчез при невыясненных обстоятельствах, и только спустя полгода стало известно, что был похищен и затем убит тремя нанятыми головорезами. Тело Хоффы, спрятанное в 200-кубовом контейнере, было вывезено из Детройта и выброшено на свалку в штате Нью-Джерси.

Делами такого рода отмечен не только профсоюз шоферов грузовых машин. Председатель профсоюза горняков Тони Бойл организовал убийство Джозефа Яблонски, своего конкурента на этот пост. Яблонски, широко известный своими прогрессивными взглядами и стремлением бороться с коррупцией, подал в суд на Бойла и его подручных, обвинив их в мошенничестве. Он, подобно Хоффе, тоже готовился дать показания в федеральном суде как свидетель обвинения в финансовых махинациях. Яблонски жил в Кларксвиле (штат Пенсильвания), в самом сердце шахтерского края. В декабре 1969 года сын Джозефа, вернувшись вечером домой, обнаружил труп отца, убитого пулей в затылок. Мать и сестра были также застрелены. Эта кровавая бойня вызвала гнев шахтеров, потребовавших провести самое тщательное расследование. Лишь четыре года спустя, в сентябре 1973 года, Тони Бойл был уличен в убийстве, обвинен и приговорен к пожизненному заключению. Правда, к тому времени он уже

сидел в тюрьме за махинации с профсоюзными фондами. Однако еще до этого возмущенные убийством простые шахтеры выступили против гангстеризма Бойла и отстранили всю его команду от руководства. Ясно, конечно, что линия поведения, которой придерживаются Мини и Бойлы, определяется отнюдь не стремлением служить рабочему делу, а иными, откровенно корыстными побуждениями. Подняться на высший уровень профсоюзного руководства — значит обеспечить себе высокую зарплату и соответствующий стиль жизни. Для тех же, кто проявляет соответствующие склонности, — это еще и возможность выкроить себе кое-что из прибыльных незаконных операций. В конце 70-х годов ежегодная зарплата Фрэнка Фитцсиммонса, возглавлявшего профсоюз шоферов грузовых машин, доходила до 170 тысяч долларов, не считая «представительских». Джордж Мини, председатель АФТ—КПП, которого на этом посту сменил бывший казначей Лейн Керклэнд, в свое время установил себе годовое жалованье размером в 110 тысяч долларов. Эдвард Хенли, председатель профсоюза служащих гостиниц и ресторанов (отрасль, в которой низкая зарплата является правилом), получал ежегодно 140 тысяч долларов. Джозеф Каррем, бывший председатель небольшого профсоюза моряков торгового флота (около 30 тысяч членов), — всего (!) 90 тысяч долларов и поэтому постарался гарантировать себе «премию» в миллион долларов при уходе с поста. Он малость зарвался — последовали протесты рядовых членов профсоюза, что заставило его, когда он уходил на пенсию, умерить аппетит.

Эти непомерные вознаграждения «верховным жрецам» профсоюзов (при этом освобожденные руководители местных отделений получают свою обычную зарплату) обосновывались с помощью чисто американской аргументации — мол, для того, чтобы эффективно вести переговоры с предпринимателями, руководители профсоюзов должны быть «на уровне», они-де должны иметь возможность разговаривать «на равных», а для этого им следует платить столько, сколько необходимо, чтобы перед своими партнерами они выглядели достойно!

Было бы, однако, несправедливо сделать вывод, что все профсоюзное руководство в той или иной степени развращено. На разных уровнях, но главным образом в низовых профсоюзных организациях есть честные, мужественные люди, заслуживающие дове-

рия, которое им оказывают трудящиеся. Пресса и телевидение мало говорят о них, и можно понять почему. Освещая лишь случаи коррупции и скандальные истории, средства массовой информации (в основном находящиеся в руках крупного капитала) одно перед другим изоцряются в дискредитации всего профсоюзного движения. Дух классового сотрудничества и оппортунизм, которыми пропитана деятельность руководства АФТ—КПП, слабая социальная активность трудящихся, отсутствие подлинно коллективного осознания общности своих интересов, сохранение в их рядах расистских предрассудков в отношении негров и других этнических меньшинств до сих пор препятствуют преобразованиям в профсоюзном движении страны, хотя к этому стремится значительная часть членов профсоюзов. Однако постепенно пробивают себе дорогу новые веяния, они стимулируют перемены. И как ни парадоксально, этому способствует наступление, проводимое вот уже более 50 лет американским капиталом, пользующимся поддержкой правительственных кругов, против трудового люда Соединенных Штатов.

В условиях дальнейшего падения жизненного уровня трудящихся, роста безработицы, углубления процесса деиндустриализации страны, невиданного повышения военных расходов, усиления риска военных конфликтов в Центральной Америке, обострения угрозы ядерной войны и проблем войны и мира в целом руководству АФТ—КПП все труднее отстаивать свою «аполитичность» и более того—выступать в поддержку курса официальных властей.

Во время последней избирательной кампании объединение АФТ—КПП, заявив о своей поддержке Мондейла еще до его утверждения в качестве официального кандидата от демократической партии, открыло боевые действия против Рейгана. Ряд профсоюзов—помимо тех, где большинство составляют негры,—занял более прогрессивные позиции, поддержав Джесси Джексона и тем самым четко определив дистанцию, отделяющую их от официального руководства демократической партии, не пользующегося у них доверием. Или еще пример. Даже в самом руководстве АФТ—КПП наметилось некое размежевание. Председатель Лейн Керклэнд по-прежнему считает возможным оказывать поддержку главным направлениям внешней политики Рональда Рейгана (а значит, американского империализма). Однако теперь ему может возразить не только Уильям Уинписингер; сторону последнего при-

нимает около трети членов исполкома этого профобъединения.

Одна ласточка весны не делает, даже несколько. И те, кто борется за независимость профсоюзного движения, за его способность, защищая насущные интересы трудящихся, действовать эффективно и в полную силу, знают, что по дороге, ведущей к этой цели, предстоит пройти долгий, тяжелый и опасный путь. Чтобы преодолеть его в столь сложной и враждебной обстановке, им понадобится много энергии, терпения, стойкости и веры, которые ни поражения, ни отступления не смогут поколебать. Как ни трудно в это поверить, но таковы взгляды, которыми живет страна, где прагматизм, убежденность в том, что «каждый за себя», возведены в принцип.

МЕЖДУ ГЕТТО И «РАДУГОЙ»

Революция черных—это гораздо больше, чем борьба за гражданские права. Она так или иначе втягивает Америку на путь преодоления всех ее взаимообусловленных недугов—расизма, бедности, милитаризма, «вещизма». В процессе этой революции вскрываются лежащие подспудно глубокие пороки, присущие американскому обществу, становится очевидной неотложность радикального преобразования самого этого общества.

Мартин Лютер Кинг

На вывеске ресторана на Колумбия-роуд, что в районе Монплезан на окраине Вашингтона, выведено: «Авиньон фрэр»*. Здесь, чтобы выглядеть пошарнее, говорят «фрейрз» (произнося непроизносимое окончание), а не «бразерз». Но все это не мешает хозяину ресторана и его кухне быть сицилийскими.

«Я еще не забыл времена,—говорит Джек О'Делл, главный редактор негритянского журнала «Фридом-уэйз» и соратник Джесси Джексона**,—когда сидеть с вами рядом не смог бы ни в этом ресторане, ни в любом другом общественном месте Вашингтона—главного города той самой страны, которая тогда уже провозглашала себя защитницей прав человека. Этот город, население которого больше чем на треть состоит из черных, проводил не менее жестокую сегрегацию, чем какой-нибудь захудалый городишко в Алабаме. Рабство было отменено в 1865 году, но понадобилось еще почти 100 лет, чтобы негры получили право выпить чашку кофе там, где захочется. Долговато, не правда ли?»

В Европе плохо знают о тех муках, которые выпали на долю чернокожего населения Америки, и, правду говоря, сами американцы знают о них не больше. И

* «Avignon frères» (франц.)—«Авиньонские братья».

** Джексон Джесси (род. в 1941 г.)—крупный общественный деятель, видный активист движения за гражданские права, руководитель национальной коалиции «Радуга», объединяющей представителей национальных меньшинств США, один из кандидатов от демократической партии на президентских выборах 1984 г.

удивляться этому не приходится, так как и мы в Европе, и американцы в Америке пользуются информацией из одних источников. Кино и телевидение, воскрешая на экранах Америку времен, предшествовавших Гражданской войне между Севером и Югом*, до сих пор разрабатывают идиллический образ Юга, согласно которому живущие в просторных роскошных имениях аристократичные и утонченные белые господа с отеческой нежностью обращаются со своими добрыми слугами, кормилицами, а в это время другой, черный люд с песнями убирает на плантациях созревший хлопчатник. Разумеется, это были рабы, покорно принимавшие свою участь, которая, внушают вам, была не столь уж и безотрадней.

Действительная жизнь была вовсе не такой. Единственное «разнообразие» в нещадную эксплуатацию вносили телесные наказания—бичевание кнутом, клеймение железом, изуверство, повешение или сожжение заживо на углях. Все это очень далеко от тех пасторальных идиллий, которые описаны в известном романе Маргарет Митчелл «Унесенные ветром».

Без разрешения хозяина раб не мог ни купить, ни продать, ни даже обменять что-нибудь. Рабам запрещалось собираться группами, если при этом не присутствовал белый, их обучение грамоте было нарушением закона. Слова или поступки, «способствовавшие» их «пробуждению», рассматривались как тяжкое преступление. Законодательство сурово ограничивало и права черных вольноотпущенников: всякое перемещение из одного графства в другое, из одного штата в другой строго регламентировалось и пресекалось. Они, как правило, не имели права голосовать и не могли свидетельствовать против белого.

Если обратиться к истории, то становится очевидной вся фальшь усиленно насаждаемого представления о черных жителях Америки как о людях, безропотно сносивших рабство и притеснения хозяев. «История рабства в Америке,—пишет американский историк и публицист Герберт Аптекер,—насчитывает не меньше 250 негритянских заговоров и бунтов (а следовательно, в среднем по одному в год), которые были официально признаны таковыми. Это, бесспорно, свидетельствует о

* Гражданская война (1861—1865) между буржуазным Севером и рабовладельческим Югом уничтожила в США рабство (официально отменено 1 января 1863 г.), закрепила господство буржуазии, заложила основы фермерского пути развития капитализма в сельском хозяйстве — *Прим. ред.*

том, что жизнь «старого Юга» была отнюдь не безоблачной, что ее постоянным компонентом были сражения за свободу, которые носили организованный характер». Как отмечают авторы вышедшего в Брюсселе исследования по проблемам американского народонаселения, эпоха рабства в Америке «напоминает постоянно действующий вулкан — от начала и до конца, как на Севере, так и на Юге»*. Это была длительная борьба, которая чаще всего проходила подпольно. Она проходила и в форме забастовок, актов саботажа, поджогов имений и стихийных, вспыхивавших подобно молнии восстаний.

Официальная американская история обходит эти бунты и их героев молчанием. Те, кто ее описывает, предпочитают говорить об отмене рабства как о конечном результате решительных действий либеральных кругов Севера, настроенных против рабства — чуть ли не «филантропов», — потрясенных «разоблачениями» Гарриет Бичер-Стоу в романе «Хижина дяди Тома». Те же любители приукрасить прошлое превратили Авраама Линкольна в стерильно идеального героя никогда в действительности не происходивших событий, а надо сказать, что подлинная история вовсе не так красочна, как ее представляет созданная о нем легенда. Если Авраам Линкольн, являющийся крупнейшим историческим деятелем, и боролся против рабовладельцев Юга, то скорее потому, что по экономическим и политическим соображениям не желал раскола страны, чем потому, что был убежденным сторонником предоставления неграм свободы (дело в том, что существование рабского труда стало препятствием для развития промышленного Севера и завоевания капитализмом новых пространств на Западе и Юго-Западе Америки). «В этой войне моей главной целью, — говорил он, — является спасение Соединенных Штатов, а не спасение или уничтожение рабства. Если бы я мог спасти единство, не освободив ни одного раба, я бы так и сделал...» Честный Эйб, как зовут его в Америке, не считал нужным скрывать свои последовательно расистские убеждения. Он, например, говорил следующее: «Я бы даже сказал, что не выступаю и никогда не выступал за политическое и социальное равенство черной и белой рас, что не желаю и никогда не желал, чтобы негры становились юристами и избирателями,

* См.: Armand L., Martin D., Joinet M. et M-F. Les Etats-Unis et leurs populations. Ed. Complexe, Bruxelles, 1980.

чтобы им было разрешено участвовать в политической жизни или чтобы им было позволено вступать в брак с белыми... Тут должно быть, раз уж обе расы будут сосуществовать, два положения: высшее и низшее. И я, подобно многим, желаю, чтобы высшее положение занимала белая раса...» * Такое заявление могло бы послужить прекрасным основанием для установления сегрегации, которая и была введена через несколько лет, когда Гражданская война закончилась и победили противники рабства.

Принятые впоследствии расистские законы—или «законы о Джиме Кроу»**, получившие название от презрительной клички, с которой южане обращаются к неграм,—введут запреты, последовательно проводившие разделение черных и белых в общественных местах—гостиницах, поездах, автобусах, туалетах, банях, кафе, театрах, церквях и даже на кладбищах. Постановление Верховного суда США 1896 года распространит эту практику на всю территорию страны и одновременно будет введена сегрегация во всех общественных зданиях. «Сэпэрэт энд икуэл» («разделенные и равные») говорилось в этом постановлении, что фактически было пустой декларацией. В расчет принималось лишь первое слово, а второе служило для отвода глаз, как и обычно в сентенциях, когда подлость пытаются уравновесить при помощи заверений в добрых намерениях. Закон утверждал: «разделение и равенство», а практика насаждала «разделение и неравенство». Для черных это означало скученность в смрадных гетто, более низкое, чем для белых, образование, худшие, чем весьма посредственные социальные услуги для бедных с белым цветом кожи, самые низкие заработки, практически полное бесправие перед лицом злоупотреблений хозяев. Правило, согласно которому негр «нанимается последним, а увольняется первым», составляет основу той страшной несправедливости, в которой живут трудящиеся с черным цветом кожи. Оно глубоко укоренилось, и крупнейшие профобъединения не только его принимали, но и долгое время находили ему оправдание.

Те же, кто «не уважает» правил, рискуют головой.

* Цит. по: Kaspí André. Histoire des Etats-Unies. Ed. Larousse, Paris, 1976.

** От английского «jim crow» — оскорбительного нарицательного названия негров в США. Джимкроуизм — система дискриминационных мер и традиций в отношении негритянского населения США.— *Прим. ред.*

Ку-клукс-клан был создан крайне фанатичными расистами вскоре после отмены рабства с одной целью — «держат черных в узде». В 1880—1894 годы еженедельно совершалось по крайней мере два линчевания. За сорок лет с 1892 года — когда начали учитывать эти случаи — было официально зарегистрировано 3397 случаев самосуда. У одного историка я прочитал, что начиная с 1890 года беснующиеся кукулуксклановцы начали применять и другие, кроме виселиц и расстрелов, методы расправы. Схватив негра, они раскладывали костер и на углях сжигали жертву. пытки и всякого рода изуверства, сопровождавшие эти жуткие оргии, стали «обычными», а линчевание превратилось в некое торжество. Иногда оно длилось несколько дней. Газеты объявляли о предстоящей «церемонии», и со всей округи, чтобы присутствовать на «зрелище», съезжались белые, целыми семьями. Хранящиеся в Библиотеке конгресса (в Вашингтоне) фотографии иллюстрируют ту атмосферу пикника, в которой обычно проходило линчевание. На них веселые и довольные мужчины, женщины, дети: у одного персонажа бутылка лимонада в одной руке, другой он указывает на обугленный труп жертвы.

Линчевание — лишь крайнее, зверское проявление той системы угнетения и насилия, которая пронизала все поры американского общества и без особых отступлений просуществовала очень долго. Лишь в 1954 году, когда Верховный суд США объявил «неконституционной» расовую сегрегацию в школах, была одержана первая большая победа в борьбе против системы узаконенного расизма. В 50-х и 60-х годах были приняты и другие законы, потеснившие расизм. Была официально отменена сегрегация на транспорте, в общественных местах, при найме на работу, в жилых домах, в сфере досуга и т. д. Были предприняты практические шаги во исполнение законодательных установлений (так называемые «закрепительные меры»), например перевод белых детей в школы с преобладанием черных, и наоборот, чтобы обеспечить в учебных заведениях «наибольшее расовое равновесие», введение «специальных правил приема» (предусматривавших соответствующие квоты, предоставляемые наиболее обездоленным национальным меньшинствам), определенный — пропорционально их численности — доступ в университеты и др. Предпринимателям было предложено самим реализовать планы «закрепительных мер» — о найме на работу рабочих и служащих

из черных. Со своей стороны администрация решила подать пример, и на государственную службу было принято определенное число чиновников, вышедших из черного и других «небелых» этнических меньшинств. Одновременно вне закона были объявлены насильственные или обходные действия, которые препятствовали черным, в особенности на Юге, свободно пользоваться своим правом голоса. Среди подобных приемов следует указать, например, на введение некоторыми штатами повышенных избирательных налогов, уплатить которые было не под силу большинству черных, но от которых нетрудно было освободиться белым. В других штатах от избирателя требовалось не только умение читать, но и способность объяснить ту или иную статью Конституции США. Поскольку «экзаменатором» всегда был белый, принадлежавший к местной элите, о результате экзаменов легко догадаться. Или и того лучше, от черных избирателей требовали представления справок, которые им (что было известно заранее) ни за что не удалось бы раздобыть. Одним из повсеместно распространенных ухищрений были так называемые «дедовские законы», которые не позволяли участвовать в выборах тем, кто не смог доказать, что его дед был зарегистрирован избирателем до 1867 года, то есть до даты, когда федеральным законом неграм впервые было предоставлено право голоса. Понятно, что до этой даты ни один негр никак не мог фигурировать в избирательных списках. Было и еще одно и вовсе немудреное средство: насаждение расистскими активистами атмосферы террора, что чаще всего было достаточно для того, чтобы черные избиратели и не приблизились к избирательным урнам. В противном случае—убийство нескольких особо «настойчивых», не без попустительства властей. Они напоминали потомкам рабов, что законы, провозглашающие равенство, и их практическое применение—вещи разные, что между ними пропасть, которую они должны остерегаться преодолевать.

Тяжелая борьба, которая велась за гражданские права, не искоренила существующих в американском обществе отношений неравенства. Однако она открыла черному меньшинству возможность участия в политической жизни. В 1970 году на выборных должностях в США насчитывалось 1469 негров, а в 1982 году—уже 5160. Конечно, негры представлены все еще очень

слабо, но политический и психологический выигрыш, полученный в результате этих первоначальных достижений, безусловно, ощутим. Войдя в состав палаты представителей (их в настоящее время около 20), а также выборных органов различных штатов, став мэрами и членами муниципальных советов, работая в полиции и других государственных учреждениях, негры получили возможность заставить себя выслушать, которой раньше никогда не имели. Ныне в Соединенных Штатах во главе 220 городов стоят мэры с темным цветом кожи. Население 16 из них насчитывает более 100 тысяч человек. Большинство американских крупных городов управляются мэрами-неграми: Гарольд Вашингтон — мэр Чикаго (3 миллиона жителей), Томас Брэдли — Лос-Анджелеса (также 3 миллиона), Уилсон Гуд — Филадельфии (1,6 миллиона), Колмэн Янг — Детройта (1,2 миллиона), Мэрион Бэрри — Вашингтона (650 тысяч), Эрнст Моризел — Нового Орлеана (560 тысяч), Эндрю Янг — Атланты (450 тысяч), Ричард Эрингтон — Бирмингема (300 тысяч)... Конечно, своим успехом они обязаны тому, что в этих городах возникло большинство или очень крупная прослойка черного населения в связи с переселением белых в пригороды: в Вашингтоне черные составляют 70% населения, в Детройте — 63, Новом Орлеане — 55, Атланте — 66, Бирмингеме — 55%. Кроме того — что представляет собой совершенно новое явление, — черных на местах поддерживает коалиция избирателей на межрасовой основе. В Чикаго, где черные составляют 40% населения, Гарольд Вашингтон получил поддержку испаноязычного и еврейского меньшинств, за него, кроме того, голосовала и часть белых. Еще более знаменательной была победа Томаса Брэдли на выборах в Лос-Анджелесе, где насчитывается всего 17% афроамериканцев.

Разумеется, не следует преувеличивать значение этих фактов. Тем не менее они свидетельствуют об успехах, достигнутых темнокожими жителями Америки на пути их признания в качестве полноправных граждан Соединенных Штатов. В 1970 году в послании конгрессу «О положении страны» тогдашний американский президент Р. Никсон подчеркивал, что за предшествующие годы движение негров в защиту своих прав приобрело такой размах, что пробудило у «белой части» Америки наивысшую способность к восприятию расовых реформ. Тем самым Никсон признавал, что одержанные черными успехи прежде всего достигнуты

в результате их собственной борьбы. Впрочем, нельзя забывать, что их окончательному утверждению все еще оказывается сильное сопротивление, ибо, несмотря на мужественную позицию известной прослойки белых, которые выступают за расовое равенство на стороне черных, несмотря на безусловный прогресс в умонастроениях американцев, расизм в Америке сохраняет свою живучесть. Пусть в новых формах—более гибких и скрытых, но и более лицемерных,—он, как и прежде, выступает одним из основных факторов американской действительности, хотя теперь здесь и ликвидированы надписи: «Только для белых».

Принято считать, что начало движению за гражданские права было положено 1 декабря 1955 года. Эта дата—символ, ибо ничего в организационном плане тогда предпринято не было, но тем не менее широкое движение негров получило толчок. А случилось в тот день вот что: молодая негритянка по имени Роза Паркс в Монтгомери (штат Алабама) отказалась уступить белому мужчине место в автобусе. Для Юга это был неслыханный, возмутительный поступок. Особенно для такого города, как Монтгомери—во время Гражданской войны (1861—1865) он был столицей мятежных штатов Юга, и традиции тех лет въелись в плоть и кровь его жителей*.

Водители автобусов—все белые—строго придерживались закона, закрепившего за черными пассажирами задние места в автобусе, и разрешали им сидеть в средней части салона, только если не было ни одного белого пассажира. Иные особо усердные водители требовали от негров сначала заплатить за проезд, войдя в переднюю дверь, а затем выйти из автобуса и снова войти в него, на этот раз через заднюю дверь, ведущую в отделение для «цветных». Больше всего водитель веселился, когда, заставив заплатившего за проезд негра выйти и подождав, когда он дойдет до задней двери, захлопывал ее у него перед носом и резко трогал с места.

В тот день Роза Паркс решила, что больше никогда не поднимется со своего места перед белым. Ее жест послужил сигналом к бойкоту автобусов города со стороны 60 тысяч населявших город негров. Их возглавлял молодой негритянский пастор Мартин Лютер Кинг.

* В феврале 1985 года в возрасте 71 года Роза Паркс получила Премию Элеоноры Рузвельт за женское мужество.

И это не должно нас удивлять — негритянские церкви имеют многолетние традиции ведения борьбы. Исключительно мощное, всеохватывающее движение, носившие почти евангелический характер под влиянием принципов непротивления злу насилием Льва Толстого и Мохандаса Ганди, продолжалось около года, пока в ноябре 1956 года Верховный суд США не постановил, что расовое разделение, введенное в общественном транспорте властями города Монтгомери и штата Алабама, противоречит конституции страны. Эта победа вызвала значительный резонанс во всей Америке. Однако для черных это было лишь начало борьбы, и на всем Юге, и особенно в Алабаме, реакция белых носила крайне яростный характер. Стрельба по «десегрегированным» автобусам, избиение белых и черных, осмелившихся сидеть рядом, взрывы в домах негров, осуществлявшиеся расистами, сочетались с доходившей до смертельных исходов свирепостью в действиях полиции.

23 августа 1963 года в Вашингтоне состоялся поразительный по своей организованности, дисциплинированности и мощи Марш за гражданские права, в котором участвовало 250 тысяч человек. В заключение этой грандиозной манифестации Мартин Лютер Кинг произнес замечательную речь. Он говорил о том, какой станет Америка, когда избавится от расизма. Построенная в библейском духе, его речь проникала в души слушавших ее людей. «Я мечтаю о том, — говорил Кинг, — как однажды здесь на красных холмах Джорджии братское застолье соберет вместе сыновей бывших рабов и сыновей бывших рабовладельцев. Мне грезится, что придет день, и даже штат Миссисипи, задыхающийся, словно в пустыне, от несправедливости и угнетения, да, именно штат Миссисипи станет оазисом свободы и справедливости. Я хочу верить, что однажды четверо моих детей станут частью нации, где о них будут судить не по цвету их кожи, а по их человеческой сущности...»

Однако Америке грез противостоит реальная Америка, в которой иллюзии о некоем всеобщем обращении в братство, якобы пролагающем путь в новую эру, не выдерживают столкновения с суровостью подлинной жизни. Без борьбы черные не могут сделать и шага вперед, а добившись чего-то, они должны бороться и дальше, чтобы сохранить завоеванное. Они приходят к осознанию того факта, что обещания равенства так и останутся предметом щедрых разглагольствований, по-

ка власти не примут мер по обеспечению неграм доступа к различным сферам жизни, в частности к образованию и труду, и при этом будет учитываться тот груз несправедливости и нищеты, который на протяжении веков тяжким бременем давил их сообщество. «Катастрофические результаты расовой дискриминации и сегрегации еще и сегодня сказываются на всех сторонах жизни нации,—признавал в послании конгрессу Джон Кеннеди в феврале 1963 года.—В сравнении с белым жителем Соединенных Штатов черный имеет лишь половину шансов получить среднее образование и треть—чтобы получить свободную профессию. Зато у него в два раза больше шансов стать безработным и почти наверняка его заработок будет вдвое меньше, а жизнь на семь лет короче». Ставший после него президентом Линдон Джонсон в 1965 году выдвинул национальную программу «закрепительных мер», которая была призвана способствовать интеграции черных в социальную сферу с помощью чрезвычайных мер (резервирование постов в государственных учреждениях, выделение специальных стипендий для обучения в высших учебных заведениях и т. п.). Он говорил: «Нельзя человека, закованного в кандалы, освободить, поставить на линию старта рядом с другими, сказать: «Теперь ты свободен, можешь состязаться!»—и при этом верить, что была соблюдена полная справедливость».

Соответственно администрация учредила Комиссию за равенство шансов при найме на работу, задачей которой было следить за применением новых антидискриминационных законов. Однако на деле этот орган, не имевший реальных возможностей по борьбе с дискриминацией, прежде всего создает правительству алиби. Уже в 1976 году, или через двенадцать лет после того, как Джон Кеннеди и Линдон Джонсон проявили столь здравое мышление, в этой комиссии накопилось около 122 тысяч нерассмотренных жалоб на проявление дискриминации при найме на работу, а также на рабочих местах. Уже в то время для рассмотрения только одной такой жалобы комиссии требовалось два года и три месяца. По данным журнала «Ньюсуик», за 1965—1978 годы лишь в отношении 15 из 40 тысяч фирм, обвиненных в нарушении «противодискриминационных» установлений, были применены санкции и им было отказано в государственных заказах*.

* «Le Monde», 29—30 III.1978.

В августе 1965 года в Уотсе, черном гетто Лос-Анджелеса, возник мятеж. В 1966 году за ним последовал мятеж в Чикаго. В июле 1967 года наступил черед Детройта и Ньюарка. Доведенные до крайности, возмущенные бесконечными проволочками властей, и не думавших выполнять свои обещания, черные жители городов выходили на демонстрации, которые перерастали в насилие, сопровождались поджогами, разгромом магазинов и учреждений—всего, что, на их взгляд, олицетворяет богатство и угнетение. Какие бы формы ни принимали эти выступления, подавляемые с кровавой жестокостью, они знаменовали собой новый этап в движении за освобождение негров, его радикализацию. Был положен конец иллюзиям—они не дождались, чтобы истеблишмент «на тарелочке» преподнес им возможность свободного развития. Отныне черные ведут борьбу не только против дискриминации, за «равенство шансов», но и за право быть самими собой и гордиться этим. Они больше не станут стремиться к тому, чтобы различие с белыми было «забыто», но, напротив, осознав отчуждение, которое было им навязано в силу господства белого большинства (а молодежь начнет подчеркивать свою «африканскую» принадлежность даже в одежде и прическе), они провозгласят полный отказ от «белой Америки» и даже от христианства—так зазвучит голос «Черных мусульман»*.

Ныне для большинства негритянских активистов и их сторонников это уже вчерашний день. По-прежнему сохраняя приверженность африканскому наследию и солидаризуясь с борьбой за права черных африканцев прежде всего в Южной Африке, но в то же время сознавая свою роль в построении американской нации и культуры, они хотят быть и называют себя американцами, безусловно и впредь находящимися у себя на родине и, следовательно, имеющими право требовать своей, «причитающейся им по праву доли».

Опыт борьбы за гражданские права, ее успехи и одновременно понимание их ограниченного характера способствовали активизации политического мышления и росту активности вступивших в борьбу людей. Вот почему деятельность таких традиционных организаций, как Национальная ассоциация содействия прогрессу

* Еще накануне первой мировой войны один из негритянских руководителей, Маркус Гарви, возглавлял организацию, преследовавшую цель возвращения черных в Африку.

цветного населения, основанная в начале века Уильямом Дюбуа (в возрасте восьмидесяти четырех лет вступившим в Коммунистическую партию США), Национальная городская лига и даже движение ненасильственного протеста 60-х годов, которые отдавали предпочтение апелляциям к справедливости и братству, ныне представляется большинству поднявшейся на борьбу негритянской молодежи невероятно робкой. В недрах движения, знаменуя его зрелость, крепнет идея, что ликвидация расизма, нищеты и сегрегации будет осуществлена не благодаря проявлению белым большинством «доброй воли», а только в результате глубокой трансформации всей системы, которая, будучи основанной на неравенстве и угнетении, непрестанно порождает обособление и расовую ненависть. Именно с этого момента проблема получает (хотя чаще всего стихийно) классовую оценку. Принадлежащие к любой расе жертвы эксплуатации и дискриминации, безработные и «неудобные» жители трущоб и бедняцких кварталов — черные, латинос и белые (а этих последних вдвое больше, чем черных) — должны объединиться, чтобы сообща преобразовать нынешнее несправедливое общество.

Именно к этому пришел за несколько лет до смерти Мартин Лютер Кинг. Он выступил не только против антинегритянского расизма, но и сознательно стал во главе всех бедных, без каких-либо различий. Он не побоялся даже заявить, что есть нечто «дурное в капитализме», что «необходимо радикальное перераспределение экономической и политической власти» и что «Америке, возможно, следовало бы ориентироваться на демократический социализм»*, а также, что Соединенные Штаты, вступившие в войну во Вьетнаме (которую он осуждал), «творят насилие, как никто на Земле». Эти слова что серная кислота для жирной и самодовольной Америки, считающей свою систему «лучшей в мире».

Когда Мартин Лютер Кинг, не удовлетворяющийся более проповедью любви к ближнему, заговорил о самой системе, как источнике зла, и призвал жертв системы независимо от расовой принадлежности действовать сообща, он стал носителем опасности. Отныне ФБР с ведома президента Джона Кеннеди и его брата Роберта, министра юстиции, устанавливает за

* «Focus». Joint Center for Political Studies, Washington, № 1, January, 1984.

ним наблюдение. Его телефонные переговоры прослушиваются, «водопроводчики» монтируют микрофоны всюду, где он бывает, включая спальню. Шпионят и за его сотрудниками, в том числе за Джеком О'Деллом, с которым я встречался в Вашингтоне и который работал с Кингом в созданной на Юге организации «Южная конференция Христианского руководства». ФБР устанавливает также наблюдение за Стенли Левисоном, нью-йоркским адвокатом, который до 1955 года был членом Коммунистической партии США и который позднее, в 1962 году, очень сблизился с Мартином Лютером Кингом. В стиле, достойном Маккарти, бывший заместитель директора ФБР Чарльз Бреннан поспешил сделать из этого вывод, что Стенли Левисон действовал не иначе, как «по указанию советского руководства»*, и вышел (конечно же, фиктивно) из американской компартии лишь для того, чтобы было легче сблизиться с Кингом и оказывать на него влияние. Чтобы нейтрализовать Мартина Лютера Кинга, заткнуть ему рот, были пущены в ход электронный шпионаж и сплетни о его личной жизни, фабрикация «компрометирующих» данных и вся гамма политико-полицейских методов ФБР. Точка была поставлена апрельским днем 1968 года—он пал в Мемфисе от пули убийцы-расиста. Разумеется, никто никогда не узнает, кто стоял у преступника за спиной.

Кинга убили, и американские правящие круги, вооружившись всем своим лицемерием, пытаются воссоздать Кинга в удобном и выгодном для себя образе—наперебой прославляя его добродетели, до небес превознося его «отказ от насильственных действий» и последовательно противопоставляя его идиллическую и отдаленную мечту «не свойственному Америке» политическому радикализму других участников движения, которые все решительнее ставят под вопрос всю существующую в стране систему.

И против тех, кто вступает на этот «неамериканский» путь, градом обрушиваются репрессии. Малькольм Икс, заявивший, что врагом негров является не белый человек, а капитализм, погиб от пули убийцы, которым, скорее всего, манипулировали службы ФБР. Организация «Черные пантеры», высказывавшая аналогичные идеи, благодаря скоординированной кампании средств массовой информации была представлена в глазах общественности как сборище опасных терро-

* См.: «Focus», № 1, 1984.

ристов и стала мишенью для нападков со стороны властей. В период с 1968 по 1971 год полиция разгромила ее представительства по меньшей мере в двенадцати городах, тех, кто там находился, избивали, некоторых — убили. За эти три года полицией без суда и следствия было убито сорок активистов движения черных.

«Никаких перемен?!» — возмущается белая дама, принадлежащая к добропорядочному среднему классу Чикаго. Она, конечно же, не расистка, но что до «них», то «им» не на что жаловаться. «Как можно говорить, что ничего не изменилось? Ведь мэр Чикаго — негр. Черный астронавт полетел в космос на борту челночного корабля. Титул «Мисс Америка-83» получила чернокожая девушка. Конгресс принял решение объявить день рождения Мартина Лютера Кинга национальным праздником. И после всего этого говорить, что у нас сохранился расизм?»

Эти факты и вправду были немыслимы еще лет двадцать назад. Но означают ли эти отдельные, хотя и эффектные, примеры достижения личного успеха изменение сути вещей?

«Когда расизм был ликвидирован официально, это не означало конца расистской практики, — говорит Джек О'Делл, который вместе с Джесси Джексонсом входит в руководство организацией «Объединенный народ на службе человечности», основанной Мартином Лютером Кингом в Чикаго в разгар движения за гражданские права. — От того, что его официально объявили несуществующим, борьба против сегрегации не потеряла своего исключительно важного значения и продолжает влиять на мировоззрение и образ действий как черных, так и белых жителей Америки. В условиях, когда экономическое положение Америки ухудшилось, и те, и другие, являясь трудящимися, безработными или бедняками, сталкиваются с одними и теми же проблемами. Долгое время в сознании большинства белых такие вещи, как низкая зарплата, длительная безработица, бедность, выселение из квартиры, потеря места, считались нормальными, если речь шла о судьбе черного. Однако мы живем в такое время, когда в значительно более общем плане эти проблемы стали проблемами десятков миллионов американцев, какого бы цвета кожи они ни были. Расизм продолжают использовать для внесения раскола среди трудящихся, но осознание общности интересов проби-

вает себе дорогу, и не только потому, что движение за гражданские права сделало общественное мнение более восприимчивым к этой идее, но также потому, что экономическая ситуация вскрывает ее очевидность. Следует признать, что определенная часть белых американцев вполне искренне хотела бы избавиться от укоренявшихся в течение многих поколений расистских предрассудков...»

Ярким подтверждением этих слов Джека О'Делла послужила манифестация, прошедшая в августе 1983 года в ознаменование 20-й годовщины возглавлявшегося Мартином Лютером Кингом «Марша на Вашингтон». Это была самая поразительная демонстрация из всех, которые когда-либо видела американская столица — в ней участвовало около полумиллиона человек. В отличие от той, которая состоялась двадцать лет назад, в ней приняли участие некоторые вполне представительные организации белых. АФТ — КПП, которая воздержалась от участия в 1963 году, на этот раз была представлена; федерация призвала девяносто пять своих профсоюзов поддержать демонстрацию в финансовом отношении. Среди участников манифестации был также Американский еврейский конгресс. Кроме того, отмечено присутствие членов Американо-арабского комитета против расизма, в том числе бывшего сенатора ливанского происхождения Джеймса Абузрека.

«Что касается нас,— продолжал свой рассказ Джек О'Делл,— то мы, черные, выиграли в этих еще далеко не завершившихся битвах, нечто, не имеющее цены,— веру в самих себя, в нашу способность изменить существующий порядок вещей. Подсчитать, сколько зла принесли народу века рабства и унижений, какой осадок они оставили в душах, невозможно! Прошное породило у людей комплекс «вечно униженных», выработало стереотип мышления «навсегда колонизованных». На протяжении целых поколений, несмотря на вспышки гнева и бунты, мы воспитывались на идее, согласно которой считалось вполне «нормальным», что белый мог идти куда угодно и когда угодно, мог участвовать в голосовании, занимать лучшие места в транспорте, и точно так же признавалось вполне «нормальным», что черным все это было запрещено. Я и сам прошел через это. К примеру, при заказе билета на поезд по телефону, вас непременно спрашивали: «Белому или черному?» Это повторялось годами, в течение всей жизни, и люди вопреки собственной воле

привыкали к мысли, что они родились—к большому сожалению для них самих—без тех «качеств», которые даруют белым права, которых черные не имеют. Расизм пагубно сказывается не только на тех, кто его практикует, но и на тех, кто является его жертвами.

Борьба черных за гражданские права и одержанные ими с начала 60-х годов успехи вдохнули в них оптимизм, подняли их дух. Никогда за всю историю со времени отмены рабства ничего подобного не происходило. Тридцать лет назад негры боролись за право сидеть в одном купе с белыми, за то, чтобы их дети посещали те же школы, что и белые. Чернокожие жители Америки боролись за фактическое право голосовать. Теперь черные добиваются права иметь выборных представителей—мэров, членов конгресса и т. д. Наконец, они борются за то, чтобы иметь своего кандидата в президенты—Джесси Джексона. Впервые в истории Америки миллионы и белых, и черных осознали, что такое возможно...

Во время предвыборной кампании 1984 года Джесси Джексон, обращаясь к собравшимся на митинг людям, говорил: «Я—человек, значит, существую!» Получили отповедь вчерашние рабовладельцы и нынешние расисты, отрицающие саму человеческую суть любого чернокожего, поскольку она-де «не проявляется», а значит, и «не существует». Слова Джесси Джексона были сказаны в развитие тезиса «быть—значит участвовать в борьбе». Обращенные к людям, эти слова были подхвачены тысячами голосов. Они звучали как свидетельство вновь обретенной гордости и уверенности в будущем.

Кандидатура Джесси Джексона не была неким символом. Его выдвижение нашло глубокий отклик как в демократической партии, так и по всей стране, ибо Джесси Джексон выступил не только как лидер афроамериканской общины, но и как выразитель чаяний всех, кто независимо от того, черный он или белый, латинос или кто-либо еще, хотел бы, чтобы Америка перестала быть страной только для богатых. Он призвал объединиться против Рональда Рейгана и олицетворяемых им реакционных сил в коалицию «Радуга».

Его речи звучали резким контрастом с выступлениями других кандидатов от демократической партии, заботившихся лишь о том, чтобы не отпугнуть консервативно настроенных избирателей. Во время предвари-

тельных выборов, когда происходит выдвижение официального кандидата партии, в отличие от Мондейла и Харта, чьи программы представляли собой лишь поправки к рейганизму (что в известной мере предопределило их весьма вялую поддержку со стороны избирателей), Джесси Джексон сформулировал действительно преобразовательную политику как внутри страны, так и на международной арене: сокращение на 25% непосильного военного бюджета, введение нового прогрессивного налога на доходы, превышающие 25 тысяч долларов, а также дополнительного налога на крупные состояния, осуществление обширной социальной программы по борьбе с нищетой и безработицей на законоданные таким путем средства. Во внешней политике он выдвигал предложения, означавшие полный отказ от политики Рейгана и его предшественников. По мнению Джексона, предпочтительным в политике Белого дома должны стать недекларативные поиски согласия с СССР, что гарантировало бы всеобщий мир и заставило бы отступить призрак ядерного уничтожения. Джексон отстаивал ратификацию Соединенными Штатами Договора ОСВ-II, принятие обязательства по примеру Советского Союза не применять первым ядерное оружие. Он высказывался за отказ от развертывания в Западной Европе американских ракет, за урегулирование отношений с Никарагуа и Кубой и разрыв отношений с расистами Южной Африки. Этого было достаточно, чтобы черный лидер был «изобличен» как опасный экстремист не только в глазах своих противников-республиканцев, но и тех демократов, которые поддерживали Мондейла и Харта.

То время, когда белая Америка смогла бы смириться с тем, что у нее может быть черный президент, еще не пришло. Джесси Джексон и его сторонники прекрасно понимали это, и не за это они боролись. Но его кандидатура от всей «Радуги», от многоцветья людей по цвету кожи, населяющих Америку, позволила добиться беспрецедентной мобилизации прогрессивно настроенных людей, в частности членов профсоюзов — белых и черных, — и заставила сдвинуть с мертвой точки стереотипы мышления в самой демократической партии. Там идет размежевание, сплываются новые силы, которые, как знать, могут поставить ее единство под вопрос и, следовательно, угрожать святой святынь — двухпартийной системе, которая заблокировала американскую политическую жизнь и препятствует прогрессивным изменениям.

Каково же сегодня—спустя более 20 лет после «Марша на Вашингтон» —экономическое и социальное положение 28 миллионов американских негров?

Национальная городская лига (официозная организация с репутацией «умеренной») в своем докладе о «положении черной Америки» (за 1983 год) рисует катастрофическую картину. «Многие белые американцы,—пишет председатель лиги профессор Джон Джекоб,—считают, что борьба черных закончена. Им-де больше нечего добиваться. Черные могут теперь голосовать без особых затруднений. Они ведь работают там, где раньше ни за что не смогли бы. Их избирают на различные политические посты. Дети ходят в хорошие школы. Они также могут селиться в любой гостинице и посещать рестораны по своему выбору. Но все это лишь видимость, которая скрывает реальное положение вещей: треть черных американцев живут ниже официального порога бедности. Половина черных детей растет в лишениях. Каждый второй из них, став взрослым, познает нищету, ущербность образования, безработицу или неполную занятость. Треть взрослых из числа ищущих работу не могут ее найти, а среди молодежи до 20 лет таких—двое из трех. Средний доход черного американца составляет только 58% дохода белого»*. (Заметим, что за двадцать лет до этого Кеннеди говорил почти то же самое.)

По живущим в гетто чернокожим американцам показатели по обеспеченности работой и жильем, условиям гигиены, образовательному уровню продолжают снижаться. «Большинство проблем, которые привели к мятежам в черном гетто Лос-Анджелеса Уотсе, когда было убито 34 человека, остаются нерешенными и теперь, 20 лет спустя,—констатировала «Интернэшнл геральд трибюн» в январе 1985 года.—Условия жизни не изменились к лучшему, если не стали еще хуже, чем в 1965 году... 20% взрослых негров в Уотсе и половина молодежи до 20 лет не имеют работы. Результаты школьных экзаменов самые низкие по городу, а преступность и бандитизм ползут вверх...»** То, что происходит в гетто Лос-Анджелеса, характерно и для большинства других американских городов. Таким образом, несмотря на некоторые успехи, афро-американцы в массе не ощутили заметного улучшения

* An Overview of Black America in 1983. The National Urban League. Washington, 1984.

** «International Herald Tribune», 26—27 January 1985.

жизни, которое должно было бы произойти в результате добытых ими в 60-е годы прав. Как говорил мне один из моих знакомых негров: «Мы были бедны тогда и остались бедными теперь. Мы были обездолены и теперь тоже обездолены».

«Обездоленные»? Не то слово, если вспомнить о полиции и судах. Разумеется, линчевание теперь не в моде, и тем не менее хладнокровные убийства негров отнюдь не прекратились. Но теперь они совершаются под прикрытием «законности». Так, от 45 до 55% убитых полицией людей—это черные (в период с 1967 по 1977 год более 6 тысяч человек пали от пуль или дубинок «блюстителей порядка»)*. Именно в черных из пистолетов стреляют более всего. Например, в Ричмонде (75 тысяч жителей, из которых половина— черные и 10—15%—латинос), расположенном в пригороде Сан-Франциско, с октября 1980 по январь 1983 года полицейские убили шестерых негров. Один из них, Джонни Ромен, двадцати одного года, был убит в своем доме в постели. Полицейские впоследствии заявили, что были вынуждены стрелять, так как «почувствовали с его стороны угрозу». Другой, тоже из этого квартала и тоже чернокожий, был задушен в полицейском участке. Это уже случалось не раз и не только здесь. Полицейские обхватывают дубинкой жертву за горло и придавливают его, расплющивая кадык. Чаще всего наступает смерть. Так и произошло. Полицейское начальство заявило, что этот прием использовать запрещено. И что же? Пресса писала о многих «несчастных случаях» такого рода. Вряд ли можно гарантировать, что запрет будет впредь соблюдаться... Об этом рассказала мне Барбара Кросс. Она тоже черная, лет сорока пяти, невысокая ростом, крепкого телосложения, удивительные голубые глаза. Она служит в отделе государственного социального вспомоществования Ричмонда; у нее диплом психотерапевта. Активно участвуя в движении за гражданские права, Барбара Кросс, не состоя в какой-либо партии, выдвинула свою кандидатуру в городские советники. Ее главной целью является создание «контрольной комиссии», которая бы осуществляла контроль за соблюдением со стороны полиции прав граждан, и тем

* Jobs, Peace and Freedom. 20th Anniversary Mobilisation. Washington, 1983.

самым было бы покончено с притеснениями — а иногда и преступлениями, — от которых страдает черное население квартала в течение многих лет. Продолжая свой рассказ, Барбара говорила:

«В 1960 году в разгар сражения за гражданские права в штате Миссисипи куклуксклановцами был убит один из моих самых близких друзей. Это и побудило меня начать активную борьбу. Группа ку-клукс-клана была создана в Ричмонде года три-четыре назад. В ней оказалась белая молодежь, которую подбили на это прибывшие с Юга типы. Они подстрекали их нападать на негритянские семьи, ударом кирпича взламывать оконные рамы, стрелять в окна, избивать поодиночке черных детишек, поджигать наши жилища... В сущности, это были бедняки, которых клан убедил в том, что они стали безработными потому, что черные, чиканос и азиаты отнимают у них работу. Нам пришлось организовать группы защиты, которые вели ночное дежурство. Это оказалось эффективным средством, но по-настоящему оно не успокоило тех, кто чувствовал себя под угрозой. Черные семьи, которым не давали покоя расисты, в конце концов были вынуждены уехать. Люди не выдерживали напряжения, не прекращающегося ни днем, ни ночью. На полицию рассчитывать не приходится: она полностью поражена гангреной расизма. Подтверждением служат совершенные полицейскими убийства. Не проходит дня, чтобы кого-то из черных без всякого повода не задержали прямо на улице, чтобы его не обыскали и не наградили тумаком*. Так обращаются не только с бедняками или безработными, но и людьми состоятельными, когда они несколько поздно возвращаются домой в своей машине. Остановив машину, полицейские третируют их как оборванцев — расизм до такой степени въелся в их души, что они не могут и представить, чтобы негр владел комфортабельным автомобилем, а не украл его.

Определенное число негров (весьма и весьма незначительное в сравнении с их долей в общей численности населения) было принято на работу в полицию. Черные полицейские в свою очередь становятся жертвами своих белых коллег. В то же время случается и

* За 1978—1982 гг. на жестокость полицейских Ричмонда было подано 200 жалоб. Рассмотрены были только 10 (или 5%). Ни одна из них не повлекла для ответчика более серьезную меру наказания, чем устное или письменное «внушение». См.: «San Francisco Examiner», 23.VI.1983.

так, что, возмущенные жестокостью последних по отношению к арестованным афро-американцам, они дают показания против белых, с которыми работают бок о бок.

В докладе, подготовленном в ноябре 1984 года подкомиссией палаты представителей под председательством депутата-негра Джона Конайра, приводились данные по основным крупным городам страны о применении насилия белыми полицейскими «главным образом на расистской основе». Мэр Нью-Йорка Эдвард Коч обвинялся в этом докладе в сокрытии расистских действий городской полиции, причастной к весьма многочисленным «накладкам» такого рода. Под этим словом фактически скрывались факты физической расправы в отношении многих негров, в том числе нескольких подростков в возрасте 11—16 лет и 65-летней Элеоноры Бамперс, «провинившейся» тем, что она «недостаточно быстро» очистила квартиру, из которой ее выселяли. Комиссия, в которую входили представители различных, в том числе религиозных, организаций Нью-Йорка, подсчитала, что только за 1984 год было подано 16 тысяч жалоб, в которых полиция города обвинялась в «расистских действиях и жестоком обращении с гражданами города».

В действительности все происходит далеко не так, как изображается в телефильме «Старски и Хатч» о двух белых полицейских, на протяжении многих серий проявляющих почти любовное отношение к своим «клиентам» или чернокожим коллегам по работе. Атмосфера «добродушия» царит в американских полицейских участках разве что в кино. В жизни — особенно если у тебя кожа черного цвета — от полицейских лучше держаться подальше.

Черный — если он «возмутитель спокойствия» или считается таковым, потому что участвует в движении за гражданские права, — всегда потенциальная жертва полицейских провокаций. То, что произошло с Шарлен Митчелл, которая до 1984 года руководила Национальным альянсом против расистских и политических преследований и организовала успешную кампанию за освобождение Анджелы Дэвис (и других заключенных), является убедительным примером разоблачения расовой ненависти, по-прежнему свирепствующей в «американской глубинке».

В феврале 1982 года Шарлен Митчелл с мужем

Майком Уэлшем, профсоюзным деятелем, белым, и тремя активистами движения за гражданские права ехали в купе поезда Новый Орлеан—Нью-Йорк. Все пятеро возвращались со съезда их организации, и поездка проходила вполне спокойно, пока им не захотелось перекусить в вагоне-баре. Белый официант встретил их с явным неудовольствием и вскоре перешел к расистским выпадам, на что Шарлен Митчелл и ее друзья отвечали твердо, но спокойно. Они быстро «снялись», так как в воздухе запахло провокацией.

Через двенадцать часов, среди ночи, в Гейнсвилле (штат Джорджия) в вагон поднялись трое полицейских. Они прямехонько направились в купе, которое занимали Шарлен Митчелл с мужем, и приказали им немедленно выйти из поезда. Для убедительности в ход пошли кулаки. Их вытолкали на перрон и тут же рядом с отходящим поездом, повалив на землю, начали избивать дубинками. Майка Уэлша с изуродованной рукой (впоследствии ее пришлось оперировать) и покрытую синяками и кровоподтеками Шарлен Митчелл затем отволокли к шерифу, где им предъявили обвинение в «сопротивлении представителям общественного порядка». Их освободили под залог только на следующий день. В течение многих часов у шерифа звонил телефон, и самые разные люди выражали протест против ареста Митчелл и Уэлша и требовали их освобождения. Однако это не помогло, и их отдали под суд. Во время слушания дела зал был набит полицейскими, будто речь шла об опасных преступниках. Один из присяжных (разумеется, белый) заявил, что он впервые за всю свою жизнь видит смешанную супружескую пару (имея в виду обвиняемых) и что все, кто живет в Гейнсвилле, а он-то во всяком случае, считают, что вступить в брак «вне своей расы» — значит совершить великий грех. Шарлен Митчелл и Майк Уэлш были приговорены к 22 месяцам тюрьмы условно по уплате штрафа в 610 долларов*.

Шарлен Митчелл и Майк Уэлш имели поддержку организации, которая смогла открыто выступить в их защиту и заплатить залог и штраф. Большинство негров, 80% которых составляют бедняки, такой возможности лишены, и для них нереально освобождение «под залог». До самого суда им приходится оставаться

* Через три года, в июне 1984 г., Шарлен Митчелл и Майк Уэлш добились от железнодорожной компании компенсации понесенного ущерба, однако приговор остался в силе.

в тюрьме. Журнал «Ньюсуик» писал, что 85% заключенных одного из районов Чикаго — негры, и «они остаются сидеть в тюрьмах потому, что слишком бедны, чтобы уплатить залог, а не потому, что осознают свою виновность в совершенном преступлении» *. Определение размера залога зависит только от судьи. И он, если захочет, способен сделать так, что обвиняемый не сумеет воспользоваться своим правом на временную свободу. Обычно происходит именно так, ибо к расистским предрассудкам у судьи добавляется панический страх мести. Иллюстрацией может послужить то, что пришлось пережить Рональду Хиллу. Как члена организации «Черные пантеры», его обвинили в том, будто он помог активному деятелю организации Ассате Шакур бежать из тюрьмы Клинтон (штат Нью-Джерси). Несмотря на протесты, Хилл в ноябре 1979 года был арестован полицией Нью-Йорка. Он был, вне всякого сомнения, невиновен, и несколько свидетелей подтвердили, что в этот момент он находился в Бруклине, определяя одного из своих четверых детей в школу. В конечном счете с него сняли обвинение. Во время бегства Ассаты Шакур из тюрьмы никого не ранили, единственным выдвинутым против Хилла обвинением было обвинение в «сообщничестве», тем не менее залог определили в невероятную сумму — один миллион долларов... В то же время члены ку-клукс-клана, учинившие расправу над участниками антирасистской демонстрации в Гринсборо (штат Северная Каролина) и совершившие «стопроцентные убийства», были выпущены на свободу под залог в 5 тысяч долларов!

Обычно суды применяют более тяжелые наказания для черных, чем для белых, а некоторые штаты особо отличаются в этом, очень избирательном способе отправления правосудия. Так, подсчитано, что в «Техасе в 18 раз больше шансов быть приговоренным к смерти за убийство белого, чем за убийство черного» **. И в самом деле, именно черные составляют наибольший процент приговоренных к смерти. С декабря 1982 по декабрь 1984 года из 30 казненных 11 были неграми. При Рейгане и его новом министре юстиции, твердо верящих, что единственным способом борьбы с ростом преступности может быть только усиление

* «Newsweek», 3.VIII.1971. Надо сказать, что за истекшие с того времени годы ситуация не изменилась.

** «Worker's World», 23.XI.1979.

наказаний, эта статистика вряд ли изменится к лучшему. В 38 из 50 штатов восстановлена смертная казнь: электрический стул, повешение, расстрел. В Америке прекрасно знают о расистских и политических предрассудках, довлеющих над американскими судами, и многие американцы высказывают тревогу, не приведут ли эти меры к увеличению числа «судебных ошибок» с фатальным исходом, что в анналах американского правосудия бывало нередко. В январе 1985 года газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала репортаж, свидетельствующий о том, что такие опасения не лишены основания. «В штате Джорджия,— писала газета,— казнен 28-летний негр Рузвельт Грин. До самого конца он отказывался признать себя виновным в совершении преступлений. Убийцей признал себя другой человек. Даже в заключении следователя Грин квалифицировался «только как соучастник преступления, совершенного другим... и его участие в нем было относительно незначительным». Гарзел Мур, другой обвиняемый по делу (убийство 18-летней белой), заявил со своей стороны, что Грина не было, когда началась стрельба... После вынесения смертного приговора (5 лет назад) Верховный суд США постановил начать новое расследование. На этом новом суде, состоявшемся в штате Джорджия, его во второй раз приговорили к смерти, и на этот раз Верховный суд не стал вмешиваться, чтобы предотвратить казнь...» *

В 1984 году Шарлен Митчелл уступила пост руководителя Альянса против расистских и политических преследований Фрэнку Чэпмену. Ему около сорока пяти, внешне он просто атлет. Бородка и очки придают ему профессорский облик, хотя большую часть жизни ему пришлось заниматься физическим трудом. Чэпмен провел 14 лет за решеткой по обвинению, которое не имело к нему никакого отношения. «Я родился в бедной черной семье в Миссури,— рассказывал он мне.— Отец был рабочим на сталелитейном заводе в Сент-Луисе, мать—горничной в доме у белых. Девятнадцати лет я уехал на Север в поисках работы. Нашел ее в Чикаго, там и осел, женился. Все вроде бы шло хорошо, но недолго... В 1961 году в Сент-Луисе было совершено подряд несколько преступлений. Жертвами оказались белые, и полицейские тут же заявили,

* Цит. по: «International Herald Tribune», 15.I.1985.

что это дело рук банды негритянской молодежи. Они собрали фотографии всех тех, кого задерживали в предыдущие годы по малейшему поводу и без повода.. Среди них оказалась и моя фотография. Полиция арестовала меня в Чикаго. Тот факт, что меня даже не было в Сент-Луисе в тот период, ничего не значил. Меня забрали, что я ни говорил.

Я был молод и не знал, как защищаться. Я был беден и не мог рассчитывать на помощь адвоката. Вместе с другими отобранными наугад черными парнями, большинство которых даже не знали друг друга, меня поставили в ряд у стены, и «свидетели», вызванные на опознание «членов банды», указали на десятир-ых. В том числе на меня. Некоторые из «опознанных», боясь побоев, подписали все, что требовали от них полицейские. Из этой десятки выбрали шестерых «ви-новных», и я (снова!) оказался среди них. В этом составе мы и предстали перед судом. Двое были приговорены к 150 годам тюрьмы, еще двое к пожиз-ненному заключению: пятый—к смертной казни. (Его казнили в 1964 году в тюремной газовой камере.) Мне же дали 50 лет заключения».

Приговор к 150 годам тюрьмы и больше (иные заключенные «набирают» до 250 лет) в системе аме-риканского правосудия не является чем-то исключи-тельным. Для судей это один из способов получить гарантию, что приговоренный больше никогда не поки-нет своей камеры. Пожизненное заключение не дает такой гарантии, поскольку те, кому вынесен такой приговор, по истечении определенного срока имеют возможность подать просьбу об освобождении «под честное слово». Эта «норма» варьируется: в Калифор-нии—7 лет, в Нью-Джерси—10, в штате Нью-Йорк—8 лет. Остальные могут просить об освобождении «под честное слово» лишь по истечении трети срока заклю-чения. Таким образом, обвиняемому выгоднее получить пожизненный срок (и в этом случае наказание придет-ся отбывать не более 10 лет), чем скажем, 50 лет, когда «в лучшем случае» заключение продлится не менее 17 лет. 150-летнее заключение будет означать по меньшей мере 50 лет тюрьмы, если, конечно, заключенный не умрет раньше. Фактически это означа-ет пожизненное заключение без надежды на выход.

Другой тип наказания, предусмотренный американ-скими законами, еще более жесток—это приговор на неопределенный срок (от одного года до пожизненного заключения), когда решение об освобождении из-под

стражи зависит главным образом от тюремного начальства, которое и определяет, «заслуживает» ли заключенный освобождения... Нетрудно представить себе, какими критериями могут при этом руководствоваться ультраконсервативные, расистски настроенные и приверженные идее репрессивного характера своих функций тюремные власти.

Фрэнку Чэпмену все-таки удалось в 1975 году вырваться из этого ада. Это произошло, говорил он мне, только благодаря широко развернувшемуся в начале 60-х годов движению за гражданские права и за освобождение политических заключенных (рассматриваемых как совершивших уголовные преступления). В частности, тогда была оправдана и Анджела Дэвис. «В тюрьме,— рассказывал Чэпмен,— царил самый разнузданный расизм: белые — по одну сторону, черные — по другую. Самые тяжелые и опасные работы, разумеется, доставались на долю последних. Как эхо битв, проходивших по всей стране, в тюрьмах начались широкие действия протеста против утвердившегося в них ужасающего режима. Дело доходило до кровавых бунтов. Все это несколько улучшило наше существование. Некоторые крайности стали известны общественности благодаря материалам в прогрессивных газетах и деятельности ряда организаций. В поддержку требования о моем освобождении было организовано движение солидарности. Я же решил заняться самообразованием, начал писать статьи и тайком переправлять их в журналы. В конце концов судьи согласились пересмотреть мое дело. В 1974 году они решили предоставить мне временную свободу, которой я мог воспользоваться лишь при условии, что получу диплом. Я работал, не поднимая головы, целый год, и в конечном счете я сдал экзамены на историка. Это был, конечно, великий момент в моей жизни, но не успели огласить результаты экзаменов, как поджидавшие меня полицейские на глазах у всех надели мне наручники и «препроводили» в тюремную камеру. Только позднее меня освободили под честное слово».

Для таких же, как Джордж Джексон, все оканчивается трагично. Он был приговорен за «преступление», которого не совершал (кражу 70 долларов), к «неопределенному сроку» наказания, то есть от года до пожизненного заключения. Его поведение тюремщики квалифицировали как исключительно плохое — в тюрьме он много размышлял, занимался самообразованием, стал сознательным революционером, научился крити-

ковать американское общество и систему, обрекающую миллионы негров на бедность и безработицу и отшвыривающую их на обочину жизни. Его изолировали — сначала в одиночку, затем в карцер, подвергали избиениям. Тем не менее он не был сломлен и начал писать. Его мысли были определены как «неамериканские» и, значит, наказуемые. «Специалисты по криминологии, — писал он, — любят говорить, что заключенные — умственно неполноценные люди, и, более того, они рассматривают тюрьмы как лечебницы для душевнобольных. Что же сказать об этих «лечебницах», из которых еще ни один пациент не вышел выздоровевшим? Заключенные, как правило, покидают тюрьму в худшем физическом и психическом состоянии, значительно худшем, чем до нее» *. Сам он «вышел» оттуда мертвым. В августе 1971 года его убили охранники в ходе спровоцированной ими драки между заключенными.

Для пастора Бенджамина Чейвиса все началось в феврале 1971 года в Уилмингтоне (штат Северная Каролина), где, как и прежде, царит самый откровенный расизм и активно действует ку-клукс-клан, а также другие крайне правые организации.

Бенджамин Чейвис, первый негр, получивший диплом в университете Северной Каролины, вместе с Мартином Лютером Кингом участвовал во всех мероприятиях великой битвы за гражданские права. Он выступал против войны во Вьетнаме и, следовательно, к моменту прибытия в Уилмингтон уже был «подрывным элементом». Как представитель Объединенной церкви Христа он должен был проверить на месте, как осуществляется школьная интеграция. Как раз в канун его приезда 18 чернокожих учащихся были изгнаны из городской средней школы, и их заменили белыми.

Чейвис предложил остальным учащимся-неграм в знак солидарности с исключенными бойкотировать школу и расистов-учителей. Он хотел сам вести занятия в соседней церкви, предоставленной антирасистски настроенным белым священником. Реакция местного ку-клукс-клана не заставила себя ждать. Вооруженные расисты напали на помещение, в котором находились Бен Чейвис и учащиеся. Многочисленные звонки в полицейский участок не помогли, там и не думали спешить на помощь и нарочно затягивали время. Когда,

* Jackson George. The Soledad Brothers. Bentham Books, New York, 1970.

наконец, полицейские появились у церкви, было двое убитых — 16-летний негритянский юноша и один из куклуксклановцев. В происшедшем был обвинен Бен Чейвис, несколько учащихся и белая деятельница движения за гражданские права. Их всех арестовали на месте, всех десятерых. Вскоре в газетах они станут «уилмингтонской десяткой» и будут обвинены не в том, что стреляли (а это было невозможно сделать, так как оружия у них не было), а в поджоге ближайшей «бакалейной лавки Майка». Поскольку свидетелей не было, их пришлось «найти». За это прокурор пообещает 13-летнему Эрику Джуниусу мопед к Новому году. За это же Джерому Митчеллу (одному из заключенных), которому грозит высшая мера наказания, а его брату — пожизненное заключение, предлагается жизнь. Еще одному — Алену Холлу — досрочное освобождение, работа и оплаченная поездка за границу. Дело в том, что, согласно американским законам, вынести обвинительный приговор можно лишь в случае, если имеются показания очевидцев... В октябре 1972 года Бен Чейвис был приговорен к 34 годам тюрьмы, а девять его соратников, большинству из которых было меньше 18 лет, в общей сложности получили 248 лет заключения (в среднем по 27 лет). В результате мощной кампании в его защиту, развернувшейся как в Соединенных Штатах, так и за рубежом, Бен Чейвис пробыл в тюрьме 5 лет (дольше, чем все остальные) и был освобожден «под честное слово» в конце 1979 года.

Рассказывая обо всем этом, а также о собственном столкновении с американским правосудием, Фрэнк Чэпмен сказал мне: «Разумеется, в наши дни общественное мнение реагирует быстрее и активнее, чем раньше, и жертвы репрессий получили больше шансов добиться защиты, чем 15—20 лет назад. Тем не менее это отнюдь не значит, что из судебной практики исчезли приговоры, выносимые по расистским или политическим соображениям. Как и прежде, современная американская действительность не представляет черным никаких гарантий безопасности, и такие приговоры лишь часть этой системы».

Прочно укоренившаяся дискриминация, акты несправедливости свидетельствуют о том, что борьба негритянской части населения Америки за истинное равенство во всех сферах жизни проходит в сложных

условиях. Расизм, узаконенная или закамуфлированная сегрегация, разного рода произвол по признаку цвета кожи являются не только «культурным» наследием прошлого, но и плодом общественного устройства, которое, основываясь на эксплуатации, ради извлечения прибылей не может не поддерживать социальное неравенство. Можно ли ликвидировать это неравенство с помощью новых законов, без глубокого преобразования самой системы? Опыт последних лет показывает, что «десегрегация» вовсе не означает полной интеграции. Школы, где должны были как бы «сойтись» белые и черные, разительный тому пример. Если белые хоть немного обеспечены, они забирают детей из государственных школ и переводят их в частные. В обычных школах остаются дети бедных, то есть главным образом дети негров и испаноязычных американцев. Так полностью соблюдается закон, но устанавливается новый вид сегрегации.

Действительность свидетельствует также о том, что никакого повышения уровня жизни у большинства чернокожего населения не происходит. Напротив, он снижается. Черным же придется (и они это знают) вести еще не одно сражение, чтобы однажды назвать себя «стопроцентными американцами».

ЧИКАНОС, ДЖЕЙ АР И «АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА»

Это не мы перешли границу, а она нас.

Сельский батрак, чикано

Как случилось, что Даллас («Биг Ди», как его называют в Техасе) заставил бредить о себе чуть ли не весь свет? И вообще что это за город? И можно ли считать городом конгломерат из ядра в 30—40 сверхмодерновых небоскребов с торговыми центрами, банками, конторами и т. п. и расположенных вокруг него безликих и однообразных жилых кварталов, связанных с ним скоростными автострадами с многоэтажными дорожными развязками?

В 6 вечера далласский даунтаун (центр) вымирает. Расположенные в его южном и западном секторах черные и латиноамериканские кварталы оживленнее не на много, но здесь их бедность не так бросается в глаза, как в Нью-Йорке,—улицы чище, хотя преступность и наркомания в них процветают ничуть не меньше. «В этих местах,—скажут вам непременно, и непременно с оттенком гордости,—жили Бонни и Клайд» *.

* Бонни (Паркер) и Клайд (Бэрроу)—гангстеры-влюбленные, пользующиеся большой популярностью. Материалы о них не сходили со страниц газет в 1932—1934 гг. В течение долгого времени им удавалось скрываться от полиции, но в Луизиане, попав в засаду, оба были убиты. В Далласе, когда их хоронили, не обошлось без эксцессов и беспорядков, вмешались власти. Нанятые гангстерами самолеты кружили над кладбищем и сбрасывали на их могилы цветы. Похождения Бонни и Клайда составили своеобразную «мифологию», а сами они превратились в героев-идолов. Снятый о них фильм способствовал упрочению и распространению легенды «о симпатичных преступниках».

Местные богатеи населяют пригород к северу от Далласа, недурно застроенный виллами. Вытянувшиеся вдоль дороги фасады—пусть все видят—свидетельствуют о преуспевании их обитателей. Безопасность последних обеспечивает частная полиция, бесцеремонно задерживающая здесь чужаков, особенно тех, цвет кожи и внешний вид которых без слов говорит о том, что они никак не могут принадлежать к здешнему «порядочному» обществу и, следовательно, права тут разгуливать не имеют. С больших, хорошо видимых щитов жителей приглашают сообщать полиции обо всем, что покажется им подозрительным.

В Далласе сухой закон. Алкоголь запрещен—ни пива, ни тем более крепких напитков. Компенсировать запрет можно дома или же в барах Эддисона, независимого городка, находящегося, по сути дела, в черте города и привлекательного своим режимом: в его ресторанах и барах муниципальными властями разрешено потребление алкоголя, и благодаря этой «либерализации» таких питейных заведений здесь, естественно, расплодилось великое множество.

«Биг Ди—город 2000 года!»—патетически восклицает далласит (как называют себя жители города), возможно чуть больший «патриот» Далласа, чем его сограждане.

Если, к несчастью, это сбудется, то американцам XXI века придется помирять от скуки. И не подумайте, что так думаю только я, европеец, воспринимающий город как культурный и исторический центр, запечатлевший на себе поступь веков. Американец—из тех, кто приезжает сюда не за бизнесом,—тоже ощущает тоскливую бездуховность Далласа. «Для меня,—пишет о посещении города журналист из газеты «Чикаго трибюн»,—город—это возможность пройтись по его улицам и понаблюдать их жизнь. В Нью-Йорке и Чикаго, в Сан-Франциско и Париже, в Лондоне и Новом Орлеане достаточно выйти из гостиницы, как за ее порогом вы откроете для себя миллион чудес. В Далласе ничего подобного не происходит и пойти некуда»*.

Корреспондент «Чикаго трибюн» суров и небеспристрастен, что не удивительно, поскольку Даллас—это город, который в Соединенных Штатах вызывает отрицательные эмоции у очень большого числа людей. Особенно у либеральной интеллигенции Нью-Йорка,

* «Chicago Tribune», 23.VIII.1984.

Чикаго и Сан-Франциско, презирающей его за все, что он символизирует,—спесивое высокомерие и отсутствие культуры, богатство выскочек, насилие и расизм, ханжеские нравы и крайнюю отсталость взглядов. Тут по-прежнему существует закон (как, похоже, и во всем Техасе), который хоть и не применяется больше, но является красноречивым символом: он предусматривает смертную казнь «за принадлежность к коммунизму». Сексом здесь торгуют не менее вольготно, чем в любом другом месте, и анонимные «специалисты» из регулярно регистрируемой фирмы—и дамы, и господа—в Далласе, как и везде, отвечают на звонки любителей порнографических телефонных диалогов за определенную плату (от 15 до 30 долларов в зависимости от продолжительности разговора). Но здесь строго следят за соблюдением «общественной морали», более всего за ее внешним проявлением. Например, местные тартюфы запретили выставлять на ежегодной художественной выставке в Далласе обнаженную натуру, и это не вызвало ни малейших возражений. Или другой пример. Как-то вечером двое полицейских прямо со сцены варьете на Гринвиль-авеню бесцеремонно «прихватили» артистов (предварительно надев им наручники), чьи чересчур вольные куплеты могли, по мнению облеченных миссией инспекторов, шокировать целомудренные души техасцев.

На самом деле художественная взыскательность не является отличительной чертой местной элиты. Директор Театрального центра Далласа, видимо, прекрасно отдавал себе отчет о состоянии духовности своих сограждан, когда в поисках материальных средств напечатал рекламный буклет о своем заведении под заголовком: «Далласский театральный центр—чем не бизнес!» На страницах этой брошюры вы обязательно обратите внимание на такие ключевые умозаключения (предназначенные, конечно, для того, чтобы зацепить среднего далласца за живое): «Помогая развитию искусств в городе, вы доказываете свою деловую хватку. Вкладываете деньги в искусство—это гарантирует вам дивиденды!»* Этот эстетико-биржевой призыв, безусловно, разочаровал бы тех первых идеалистов, которые в 1855 году всего в нескольких километрах к западу от Далласа создали фаланстер. Это небольшое поселение, объединившее людей, которых потом станут называть «социалистами-утопистами»,

* «Texas Monthly Press», August 1984.

возглавил ученик Шарля Фурье Виктор Консидеран*, эмигрировавший из Франции после провала попытки восстания в 1849 году и мечтавший заложить в Техасе зародыш бесклассового, покончившего с эксплуатацией общества. Спустя несколько лет состоящая из французов, бельгийцев, немцев, швейцарцев и поляков — почему и была названа «Содружеством» — община распалась, а ее члены растворились в Далласе, маленьком в ту пору городке, не насчитывавшем и тысячи жителей. «Биг Ди» отбросил в небытие столь плохо зарекомендовавших себя предков. «Это же «красные», сторонники равенства! — словно слышу я какого-нибудь ультрапатриота. — Лучше поговорим о настоящих, истинных героях, о таких, кто приехал сюда без гроша в кармане, а через пяток лет стал загребать миллиарды. Вот это были люди, настоящие победители!»

И нет ли связи между сугубой бездуховностью Далласа и тем, что среди молодежи города процент самоубийств побил все американские «рекорды» (в 2,5 раза выше, чем по Америке в среднем)? По этой проблеме еще никому не пришло в голову предпринять социологическое исследование!

Дурная репутация «Биг Ди» лишь укрепилась, когда в ноябре 1963 года в Далласе был убит Джон Кеннеди. Клан Хантов, нефтепромышленников и миллиардеров, который во время «охоты на ведьм» широко финансировал «деятельность» сенатора Маккарти, а потом наиболее оголтелых правых организаций, имел прямое отношение к нагнетанию атмосферы ненависти к президенту, предшествовавшей тем трагическим дням. Для Хантов, истинных властителей Далласа, Кеннеди был чуть ли не подрывным элементом. Ему инкриминировали «мягкотелость по отношению к коммунистам» и чуть ли не сознательное «сообщничество с Советами».

Незадолго до приезда Кеннеди в Даллас в городе была расклеена афишка — фото Кеннеди в фас и профиль — и жирным шрифтом: «Разыскивается по обвинению в измене!» В свою очередь газета «Даллас ньюс» помещает на первой полосе аншлаг «Добро пожаловать, мистер Кеннеди!» и при этом (откуда бы взяться такому «пророчеству»?!) его фамилия забира-

* Консидеран Виктор (1808—1893) — французский социалист-утопист, последователь Ш. Фурье. Выступал с идеей «примирения классов» путем создания ассоциации производителей. Фаланстер, согласно утопической системе Ш. Фурье, представляет собой поселение, в котором люди живут коммунами. — *Прим. ред.*

ется в черную рамку! В данном случае это было сделано по «рекламному принципу» — то есть полоса была откуплена. Ее оплатила организация «Комитет за объективное освещение фактов», о которой до того никто и ничего не слышал. В действительности под этой вывеской действовало известное своей крайней реакционностью Общество Джона Бэрча, которое собрало деньги и оплатило акцию. Наиболее крупные суммы были внесены Хантами и другими нефтяными магнатами.

Какие тайные нити протянулись от этих деятелей к убийце президента Ли Харви Освальду, а также Джеку Руби, который в свой черед застрелил Освальда и который спустя четыре года умер сам в той же больнице Паркланда, куда после покушения был доставлен Кеннеди?! Многочисленные расследования и контррасследования в вопрос ясности не внесли. Менее вразумительным, чем у других, было заключение комиссии конгресса, на которую ухлопали 5 миллионов долларов и деятельность которой ничего серьезного не дала. Версия о неизвестном «втором стрелке» по-прежнему имеет сторонников, но «дело закрыто», а значит, не могут проводиться расследования об убийстве президента США Джона Кеннеди, об убийстве его убийцы Ли Освальда, о смерти убийцы его убийцы Джека Руби, равно как и о таинственных исчезновениях многих свидетелей этих драм, посеявших среди американцев великое сомнение.

Двадцать лет спустя в Далласе этой драме придаётся не больше внимания, чем другим достойным внимания туристов достопримечательностям города. Слава богу! У города появилось прошлое, нечто от Истории! «Посетите мемориал президента Кеннеди! Вскоре на Дили-плаза, в здании, откуда Освальд стрелял в президента, состоится открытие музея. Из воска изготовлена статуя убийцы. Он вот-вот нажмет курок!» Все будет сделано так, чтобы посетители почувствовали себя участниками события. А пока можно купить сувениры на тему. Самой большой популярностью пользуются солонка и перечница из искусственного фарфора, изображающие Джона и Жаклин Кеннеди.

Но Даллас славен не только этим убийством. Это еще и колыбель семейства Эвингов. За перипетиями их семейной жизни, ссорами, изменами в супружеских и внесупружеских отношениях, за их интимными батальями, чередующимися со зваными коктейлями и

жонглированием миллионами долларов, по телевизору следили миллионы зрителей во многих странах. Ослепительное и неотразимое чудовище Джей Ар (по английским инициалам «героя»)! Шулер в делах и любви! С телеэкрана он говорит на английском, французском, итальянском, португальском, испанском, немецком, японском и других языках! Он притча во языцах. Среди телесериалов (которые у американцев называют «мыльными операми»)* этот многосериал завоевал беспрецедентный коммерческий успех. По воле голливудских продюсеров Даллас изображен в нем в сердце ошетилившейся кактусами и буровыми вышками пустыни. В таком варианте Далласа не существует, как уже давно не существует рекламирующих сигареты «Марльборо» ковбоев, с высоты седла окидывающих меланхоличным взглядом расстилающиеся перед ними прерии.

Техас состоит из 254 графств, 35 из которых, и Даллас в том числе, ни одного барреля нефти из земли не извлекли. Что касается пустыни, то она находится в двух тысячах километров отсюда, предваряя штаты Аризона и Нью-Мексико.

Ну и что, скажут постановщики, ведь для сериала главное — успех, чтобы он «сделал много денег», а соответствие истине, право же, не имеет большого значения. Автор сценария «Даллас» написал текст, ни разу в городе не побывав, а постановщик Дэвид Джекоб впоследствии сказал журналистам, что если и решил сделать Даллас местом действия, то лишь потому, что телезрителям «надоели фильмы», где действие разворачивается в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе, что телезрителям импонирует созданный в фильме образ города, где герои борются с целым светом и выходят победителями. Во всяком случае, как примирительно отметил один журналист, только в Техасе и заметят, что Даллас в фильме (кстати, в основном отснятом в Лос-Анджелесе) ничего общего с реальным не имеет. И более того, его исключительный успех заставил всамделишный Даллас подстраиваться под своего телевизионного собрата. Уже в аэропорту Далласа путнику, едва спустившемуся с борта самолета, непременно повстречается сразу несколько вылитых Джей Ар — в мягких сапогах и большой тexasской шляпе с загнутыми полями, в белой сорочке и черным

* Поскольку первоначально их стали делать под «высоким патронажем» фирмы, производившей мыло и стиральные порошки.

шнурком вместо галстука (пользующимся у старшего Эвинга особым расположением).

Актера, сыгравшего Джей Ар, зовут Ларри Хэгменом. Никогда до этого не имевший никакого отношения к Далласу, теперь он в городе самый дорогой гость: он нарасхват у устроителей светских раутов и благотворительных балов. Участвовать в такой роскошной танцульке стоит от 200 до 5 тысяч долларов, но самым большим шиком считается организовать ее на ранчо Саутфорк под Мэрфи, что в 60 километрах от Далласа. Именно там проходили натурные съемки фильма. Арендовать ранчо на один вечер обходится в 6 тысяч долларов. Хозяин ранчо Джозеф Р. Дункан («Он ведь тоже Джей Ар!» — с восторгом отметит наблюдательный визитер) — парень не промах! Заплатив за вход 4 доллара, посетители (группой или индивидуально) получают доступ на лужайку перед домом. Они попадают в эту «святая святых» через портик (такой знаменитый!), появляющийся на экранах в качестве заставки в начале каждой серии, а в это время за кадром бегущих титров слышна мелодия («...твой безжа-а-ло-о-о-стный мир!»). Чтобы совсем все было взаправду, Джей Ар Дункан держит нескольких лошадей и стадо быков. Он даже продает — и вручает при этом соответствующее свидетельство — символические участки ранчо: 25 долларов за квадратный фут и 4 доллара за квадратный дюйм! Покупатели, желающие придать себе веса в обществе, получают право считаться совладельцами ранчо Эвингов.

Тем, кто поскромнее, достаточно покупки сувениров, с продажи которых Дункан тоже имеет процент, поскольку на них стоит марка Саутфорка с изображением небезызвестного портика. Пряжки для ремней, брелоки, майки, почтовые открытки — вещи на любой вкус! Есть даже поварская книга, от одного названия которой текут слюнки: «Лучшие рецепты Саутфорка: кулинария мадам Эвинг». За 1982 год в ранчо побывало больше туристов, чем во всех местах, связанных с убийством Кеннеди. Чудеса! Их творят телевидение и созданные им мифы!

В Саутфорке нет нефти, но она водится кое-где в Техасе. Не в Далласе живет столь полюбившийся телегерой Джей Ар, зато Даллас населяют вполне реальные, из плоти и крови миллиардеры, властвующие не только в нефтебизнесе, но еще и в банковском деле, и в различных отраслях промышленности. В особенности в электронике. Развившиеся в Далласе

гигантские фирмы (например, «Тексас инструментс») превратили город в один из наиболее значительных центров производства компьютеров. Подобно Хантам, их владельцы заседают в административных советах многочисленных транснациональных корпораций. И владеют они не одним ранчо. В их руках многочисленная недвижимость — в Соединенных Штатах и по всему белу свету. Что до четы Эвингов, обладателей семейной фирмы, символизирующей ушедшую эпоху, то рядом с этими гигантами они мелкая сошка!

Есть очень мало шансов на то, что Дж. Р. Эвинг (Джей Ар) или какой-нибудь его менее знаменитый, но тоже вымышленный собрат однажды повстречаются с Модесто Родригесом. И не потому, что один из них живет в Далласе, а другой — в Пирсолле, к югу от Сан-Антонио. Техас в 1,5 раза больше Франции, и между «Биг Ди» и Пирсоллом и вправду пролегает не менее 800 километров, но не это отдаляет Эвингов и им подобных от Родригесов. В конце концов их встреча могла бы случиться в Далласе, где испаноязычное население составляет 100 тысяч человек, а может быть, в каком-то другом месте штата Техас, где из 15 миллионов человек населения около 3 миллионов мужчин и женщин говорят по-испански. Их разделяют другие, куда более непреодолимые препятствия.

Эвинги и им подобные — это нефтепромышленники, банкиры, предприниматели, бизнесмены — все «уасп», то есть «белые, англосаксы, протестанты». Родригесы — бедняки или люди с очень скромным достатком: заводские рабочие, работники сферы услуг, попросту безработные. Это мексикано-американцы, но они предпочитают называть себя чиканос (искаженное от мексиканос). Смуглокожие, какими были их предки индейцы, впоследствии смешавшиеся с испанцами. Они не «черные», но, по американским нормам, и не «белые». К тому же они католики. По-другому их называют «латинос». Эти люди формируют общину более широкую, чем собственно мексикано-американцы, объединяющую всех тех, кто говорит на испанском языке и является выходцем из Латинской Америки, даже если он индейского происхождения, мулат или черный. Согласно статистическим данным, в 1970 году их было 9 миллионов, в 1980 — 14,6 и в 1983 — 16 миллионов человек, треть из которых живет ниже официального порога бедности. С такими темпами к 2020 году испа-

ноязычных в Соединенных Штатах будет 47 миллионов, или 15% американского населения, и они станут самым крупным национальным меньшинством в США, обогнав по численности даже общину негров. В четырех пограничных с Мексикой штатах численность латиносов очень высока: 37% населения Нью-Мексико, 21 — Техаса, 19 — Калифорнии и 16,2% — Аризоны.

До 1848 года все эти территории входили в состав Мексики, которая в результате поражения в войне была вынуждена уступить их Соединенным Штатам. Не оправдан ли горький юмор чиканос, населяющих эти районы (и в целом составляющих половину испаноязычного населения Америки), когда они напоминают об этом тем, кто хотел бы считать их иммигрантами на земле, от века принадлежавшей их предкам? За этим стоит не подспудное стремление воссоединиться с матерью-родиной, а конкретные требования — чиканос добиваются ликвидации дискриминации, которая продолжается, как в прежние времена, хотя и с иной долей лицемерия; они хотят подлинного равноправия с англос (каковым они считают не только англосаксов, но и американских поляков, русских, евреев и т. д.), уважения их человеческого достоинства и признания национальной культуры.

Пирсолл, расположенный в 150 километрах от мексиканской границы, — это пыльный городишко, где значительно больше шатких деревянных бараков, чем долговременных, крепких построек. Убогий бар-ресторан, в котором, похоже, все мухи Техаса скопом назначили свидание, является единственным в поселке местом, где можно принять постороннего. Модесто Родригес обычно заходит сюда, когда приезжает с фермы. Это 40-летний мужчина с глубокими морщинами и коричневым, цвета земли, которую он обрабатывает, лицом, с трехдневной, как у мексиканцев из вестернов щетиной на щеках, с массивными узловатыми руками. «Я чикано, — начинает он наш разговор. — Это значит (если вы этого еще не знаете), что я пока не стопроцентный американец. Мы боролись, боролись очень долго, как и черные, только за то, чтобы нас наконец выслушали. Дело вроде сдвинулось. Это уже хорошо. Но только совсем немного. В глубине души — и никто не питает на этот счет иллюзий — к нам по-прежнему относятся как ко второсортным американцам. Здесь, в Америке, вы услышите, что от рождения у всех американцев равные возможности, что каждый может устроиться, занять дом, правильно воспитать-

вать детей. Короче говоря, всем доступна так называемая «американская мечта». Не верьте! Все это вранье! Если сесть в самолет и полететь над Техасом и остальными землями, отобранными у Мексики, можно безошибочно определить (даже сверху), где живут чиканос, где — англос. Очень просто: красивые виллы — это для англос, бараки — для чиканос. Когда официально подписывался договор об аннексии, в его параграфах было записано, что жители здешних краев (мексиканцы) получат равные с другими права, а их язык и культура будут уважаться. Конечно, эти параграфы не соблюдаются. Еще совсем недавно за одинаковую работу чикано получал меньше, чем англо. Это называлось «мексиканской зарплатой», а в оправдание говорилось, что-де у чикано меньше потребностей, чем у янки. В течение долгого времени в школе детям запрещалось говорить по-испански. За нарушение запрета их наказывали. Даже теперь, когда двуязычное обучение вошло в практику, у него немало противников, а испанский язык по-прежнему отодвинут на второй план. Расистскими кругами активно насаждается идея о том, что уравнивание испанского языка с английским приведет в конечном счете к появлению в Соединенных Штатах своего Квебека*. Все это для того, чтобы оправдать сохранение засилья английского языка, для того, чтобы продолжать насильственную ассимиляцию мексиканцев, чтобы поглотить наш язык и культуру».

В этом прилегающем к границе с Мексикой районе (где и расположен Пирсолл) безработица достигает 15%. И поскольку его население на 60% состоит из чиканос, то считайте, что среди безработных их чуть ли не все 100.

«Уборка урожая картофеля, арбузов, пахота, — продолжает свой рассказ Родригес, — обеспечивают работой в общей сложности три месяца в году. В остальное время люди перебиваются случайными заработками, работают у себя на огородах, где-нибудь еще. Большинство же, особенно молодежь, отсюда уезжает — в Даллас, Сан-Антонию или еще дальше — в Лос-Анджелес, Чикаго, Нью-Йорк». Сам Родригес еще не так обездолен, как другие обитатели Пирсолла. Ему в наследство досталась ферма, и он еще как-то

* Канадская провинция Квебек в основном заселена франкоканадцами, выступающими за государственное отделение Квебека от Канады. — *Прим. ред.*

устроен и поэтому не покидает этих мест. Среди всеобщей нужды, в которой живут чиканос, он в некотором смысле в привилегированном положении. По инициативе Родригеса в Пирсолле был открыт диспансер неотложной помощи («Сакрифисио клиник»), функционирующий на правах кооператива. «Мы долго добивались,—говорит он,—права открыть этот пункт—и всего-то пять крошечных комнат в отремонтированном деревянном доме да четыре медсестры, занимающиеся всем подряд: от приема больных до уборки помещения и ведения бухгалтерии. В наших местах, если ты беден, о лечении и речи быть не может: нет ни врача, который без гонорара окажет помощь, ни аптеки, в которой отпустят лекарства, если не бесплатно, то хотя бы в кредит. Большинство здесь живущих не в состоянии оплатить визит к врачу, который потребует лабораторных анализов. На это нужно 1000 долларов, а в большинстве своем обитатели Пирсолла не зарабатывают и 400 долларов в месяц. За роды надо внести 1500 долларов! Об операции нечего и думать! Нужно еще, чтобы вас приняли! А на это, если не внести требуемую сумму заранее, рассчитывать не приходится. Поэтому-то девять лет назад мы решили объединиться и создать этот диспансер. Люди делают взносы в зависимости от их доходов. Когда они и в самом деле не могут заплатить, им бесплатно предоставляются простейшие медикаменты. Два раза в неделю в диспансере принимает нанятый нами врач. Нас всячески поносили, что все-то мы делаем «не по-американски», что это-де «социалистическая медицина», и чего только еще не говорили. Ну что же, если это «социализм», тем хуже для Америки! Во всяком случае, теперь люди получают хоть какую-то медпомощь. Как видите, каждый шаг, который мы предпринимаем, чтобы улучшить жизнь чиканос, в защиту нашего достоинства, стоит всегда очень дорого. Я говорю «чиканос», потому что не слишком люблю употреблять выражение «испаноязычные». Нашими предками были не испанцы, а индейцы, даже если признать, что испанцы, пришедшие к нам как колонизаторы, в известной мере с ними смешались. С термином «испаноязычный» связано все, что нам твердили в школе об «открытии» Америки Христофором Колумбом. Между тем еще задолго до него мы уже были здесь...»

Действительно, слова «чикано» и «испаноязычный», по меньшей мере в глазах чиканос, не вполне синони-

мы. В слове «чикано» для них сокрыто нечто воинственное. Поэтому человека типа Генри Сиснереса, мэра Сан-Антонио (который первым из мексиканцев стал мэром большого города), Модесто Родригес и такие, как он, не назовут «чикано» — он «американизирован» и ближе по образованию, материальному положению и образу жизни к англос, чем к чиканос, которые постоянно испытывают на себе дискриминацию, у которых ассимиляция не пользуется благорасположением и которые с гордостью говорят о своем отличии. И в самом деле, велика дистанция, отделяющая этого состоятельного человека, имеющего диплом одного из лучших университетов и полностью интегрировавшегося в американский истеблишмент, от батраков («брасерос»), гнувших спины на землях бизнесменов — аграриев и, разумеется, являющихся англос, от тех, кто в городах скучивается в «баррио», порой еще более нищенских, чем негритянские гетто.

Чиканос и прибывающие из Латинской Америки не стремятся, подобно первым пришельцам из Европы, побыстрее раствориться на новой родине — в языке, культуре и нравах. Они хотят сохранить их и убеждены, что это не помешает им одновременно быть «настоящими» американскими гражданами. Кроме того, в отличие от прежних иммигрантов из Европы, быстро смилившихся из-за огромных расстояний с утратой своих корней, они по-прежнему сохраняют близость к истокам, их будоражат события, разворачивающиеся время от времени в Латинской Америке и обращающие на дорогу изгнания новых (политических и экономических) эмигрантов: в них все еще живет чувство солидарности. Но самым противоречивым образом к этим благородным душевным проявлениям примешиваются и не столь благожелательные порывы, поскольку во вновь прибывших они видят докучливых людей, которые в скором времени станут опасными конкурентами на и без того скудном рынке труда.

Пополняя ряды чернорабочих на промышленных предприятиях, obsługi закусочных «фастфуд», привратников с почасовой оплатой, ниже установленного законом тарифа, а также безработных, чиканос и латинос (то есть все иммигранты из Латинской Америки) влачат существование, которое в целом мало отличается от положения афро-американцев. В 1974 году ниже порога бедности жили 23% этой группы населения Америки, тогда как среди негров — 30,3% а среди белых — 8,6%. Восемь лет спустя, в 1982 году,

положение и тех, и других ухудшилось: 29,9% латинос (+5,9%), 35 черных (+5,5) и 12% белых (+3,4%) попали, согласно официальным критериям, в категорию бедных. Осуществляемая ныне Соединенными Штатами политика в экономической сфере наносит ущерб всем бедным слоям населения—без различия национальности и не несет ничего иного, кроме дальнейшего ухудшения положения чернокожих и латинос, и особенно последних как наиболее подверженных ударам судьбы. Как писала газета «Вашингтон пост», проживающие в США выходцы из Латинской Америки «наименее образованны; раньше других бросают учиться, чтобы начать работать и помочь родным; чаще всего это многодетные семьи (в 32% их семей имеется больше четырех детей, тогда как среди англос только 15,5% таких семей). Четвертая часть латинос не заканчивает и пяти классов школы, и только 7% из них получают свидетельство о среднем образовании, в то время как среднюю школу заканчивают 50% чернокожих и 70% белых учащихся»*. Это было написано в 1978 году, когда хозяином Белого дома был Картер, и никаких изменений при Рейгане в лучшую сторону не произошло.

Испаноязычные в Америке в целом беднее, чем другие национальные меньшинства, среди них процент безработных выше, чем у белого большинства, поэтому латинос наряду с чернокожими американцами во время войны во Вьетнаме были первыми кандидатами в солдаты (и на тот свет). «Белая молодежь из «хороших семей» училась в университетах,—замечает Модесто Родригес.—Их родители ухитрялись раздобыть своим отпрыскам отсрочку от военной службы. Не имевшим работы черным и чиканос было место в армии, а значит, во Вьетнаме».

В 60-х годах параллельно с выступлениями негров латинос организовали борьбу, которая была по своему характеру одновременно политической, экономической и социальной. Требования сельских батраков наиболее ярко отразились в тех выступлениях, которые возглавил Сесар Чавез. Созданное им в 1962 году профсоюзное объединение Национальная ассоциация фермерских рабочих выступило против феодальной (в сущности) власти крупных калифорнийских компаний, которые на своих виноградниках нещадно эксплуатировали мексиканских «брасерос» и местных чиканос. Парал-

* «The Washington Post», 28.III.1978.

лельно с этим возникло более политически окрашенное движение, оформившееся в партию «Раса унида». Слово «раса», в понимании чиканос, ничего расистского не означает, как можно было бы предположить и как оно звучит для посторонних, в нем лишь подчеркивается идея общности исторических и культурных корней. «Речь шла о том, чтобы защищаться всем вместе и всем вместе бороться за наши права и нашу культуру,—говорила мне Анита Гарса, работающая в агентстве социального вспомоществования в Пирсолле и живущая по соседству с Модесто Родригесом,—наша семья уже давно «политизировалась». Младший брат не уставал повторять: «Если мы хотим что-то изменить, нужно не склонять головы и бороться». Вначале я вступила в демократическую партию. По правде говоря, там я чувствовала себя не в своей тарелке. О проблемах латинос, о проводимой против них дискриминации и безработице, о низкой образованности там никогда не проявляли беспокойства или проявляли его ровно столько, сколько было необходимо для предвыборной кампании. Однажды на партийном съезде я присутствовала при том, как престарелая белая леди грубо, с применением обычной расистской брани одернула молодого чикано. И я спросила себя: зачем я здесь? Это была потеря времени, и я решила выйти из демократической партии. Я поняла, что нужно иметь собственную организацию. Вот так я и оказалась в партии «Раса унида». В конце концов они раздавили нашу организацию—с помощью репрессий, провокаций, внедрения агентов ЦРУ и ФБР. Так всегда и бывает у нас в стране, когда предпринимаются попытки разорвать замкнутые рамки системы «демократы — республиканцы» и не на словах, а на деле начать борьбу против расового, социального и политического угнетения».

Долгое время политическим кругам Америки удавалось насаждать рознь между латинос и неграми, спекулировать на их предубеждениях. Так, чернокожие обвиняли выходцев из Южной Америки в том, что они, соглашаясь на наиболее низкую плату, «перехватывают» у них рабочие места. Молодежь, возглавляющая ныне общины тех и других, в частности в больших городах, прилагает много усилий к тому, чтобы преодолеть сложившийся разрыв и объединить в общий фронт всех, кто независимо от цвета кожи является жертвой сверхэксплуатации и дискриминации. Эта битва за единство чревата серьезной угрозой для тех, кто

ее ведет. Об этом свидетельствует убийство Руди Лозано, одного из руководителей «Раса унида» в Чикаго и видного профсоюзного деятеля из Межнационального профсоюза швейников. Он был очень популярен в чикагском «баррио», носившем английское название «Литл виллидж», где все — и обитатели, и их разговоры, и песни на улице, и запахи готовящейся пищи, и даже воздух — настолько испаноязычное, что шутники любят повторять, будто в витринах некоторых лавок можно прочесть таблички: «Здесь говорят также по-английски».

В феврале 1983 года Лозано едва не избрали муниципальным советником от «баррио»: он собрал всего на несколько голосов меньше, чем Фрэнк Стемберг, которого «сделала» избирательная машина и миллионы из казны демократической партии. Лозано принимал участие в создании Независимой политической организации, которая заявила о стремлении объединить чернокожих и латинос в борьбе за политические и социальные права. Он также сыграл важную роль в избирательной кампании, в результате которой — главным образом благодаря голосам латинос — мэром Чикаго, одного из наиболее расистских городов Америки, был избран Гарольд Вашингтон, человек с кожей черного цвета.

В июне 1983 года Руди Лозано выстрелом из пистолета был убит у себя дома. Полицейские, арестовавшие его убийцу — Грегори Эскобара, попытались представить последнего как банального злоумышленника. Но вскоре стало известно, что для совершения убийства он был «законтрактован» неким Альфредо Ольверой, известным спекулянтом наркотиками, который выложил за это 5 тысяч долларов. Эскобар был арестован и осужден... Но не более того, так как судьи отказались продолжить расследование и найти главных виновников убийства. Ольвера, разработавший план этого преступления и оплативший его, в декабре 1984 года был оправдан. При этом ни один из членов суда не осмелился спросить, на кого же работал он сам. На вопрос, который правосудие задать не удосужилось, дал ответ Хесус Гарсия, занявший в «Литл виллидж» место Руди Лозано. Он сказал в беседе со мной: «За спиной наемного убийцы стояли бизнесмены, не допускавшие и мысли, что чиканос и чернокожие объединятся и будут действовать сообща, а именно этого и добивался Руди Лозано. Речь идет о продажных политиках и таких же продажных полицейских,

которые покрывают преступников. Следует сказать и о мафии. И те, и другие причастны к этому убийству. Не исключено, что они действовали сообща, поскольку Лозано мешал им всем».

«Мне повезло, ведь я мало похож на мексиканца, к тому же хорошо говорю по-английски. Это и позволило мне пройти через все кордоны и благополучно добраться сюда»,—говорит Педро, который предпочитает скрывать свое настоящее имя. Ему 30 лет, родом из Монтерея, что в Мексике. Закончив школу, он безуспешно искал работу у себя на родине и в конце концов решил перейти границу. Разумеется, без документов. Вот уже три года, как живет в Сан-Антонио и работает на кухне в одной из закусочных «фастфуд». Он рассказывает мне: «Я работаю как бешеный за мизерную плату. К вечеру я просто умираю от усталости. Американцы за такую работу не берутся, оставляют ее нам. И несмотря ни на что, должен признаться, что здесь все же лучше, чем в Мексике... Там один выход—голод. Во всяком случае, здесь я могу заработать несколько долларов, чтобы послать что-то своим. Жить постоянно на нелегальном положении очень трудно. Тебя могут арестовать в любой момент—на улице, дома и даже на работе. Новый закон дает иммиграционной полиции право проводить розыск нелегальных рабочих даже на предприятиях. Раньше они могли это делать только после решения судьи. Теперь у них так называемый «открытый мандат», в соответствии с которым им разрешено проводить обыски и облавы в любом месте и в любое время. Поэтому «нелегал» живет в постоянной тревоге: «Меня посадят... Меня посадят...» В автобусе, например, я безошибочно определяю, кто приехал сюда незаконно. Достаточно понаблюдать, как они то и дело поглядывают через плечо и устраиваются поближе к выходу, чтобы выскочить, как только (или это им покажется) завидят шпика из иммиграционной службы...»

Таких, как Педро, миллионы. Никто не в состоянии точно определить их численность, поскольку по закону «нелегалы» не подлежат переписи и «не существуют» для статистических подсчетов. По разным оценкам, их число колеблется от 3 до 12 миллионов. Официальные службы придерживаются средней цифры—6 миллионов, «скопившихся» главным образом в нескольких крупных городах. Считается, что только в

Хьюстоне их около 400 тысяч на 3,5 миллиона жителей (то есть каждый девятый).

Граница, разделяющая Соединенные Штаты и Мексику, протянулась приблизительно на 1500 километров, и, несмотря на всякого рода кордоны, патрули, вертолеты, перейти ее нетрудно. Делается это обычно ночью в районе реки Рио-Гранде, являющейся границей с Техасом. На американском жаргоне подпольных иммигрантов из Мексики именно поэтому называют «уэтбэкс» («мокрые спины»), с намеком на переход через реку.

Чаще всего, решившись иммигрировать, человек сговаривается с «койотом», проводником, который за определенную плату, но редко меньше 500 долларов, переправляет его на другую сторону границы известными только ему маршрутами. Такая «экскурсия» очень опасна, так как случается, что «гид» бросает своего клиента среди пустыни, предварительно обобрав его до нитки. Бывает, что происходят убийства, а женщин, которых они берут с собой, насилуют. Но даже в том случае, когда проводник «честно» выполнил свою работу и переход закончился благополучно, иммигранты могут попасть в лапы многочисленных банд, устраивающих на американском берегу на них засады. Беглецов грабят, а бывает, и убивают. При этом бандиты рискуют немногим, так как ни один «нелегал» не осмелится обратиться к властям за помощью в случае ограбления, жертвой которого он стал, или с сообщением о преступлении, свидетелем которого он был. Это значило бы разоблачить самого себя. Далее, если удастся преодолеть все опасности, предстоит еще уйти от полицейских патрулей, которые прочесывают приграничную полосу, а также укрыться от «ока» вертолетов. Несмотря на все эти препоны, сотни тысяч понукаемых нуждой людей ежегодно пускаются в такие «путешествия». Только в округе Эль-Пасо и только за 1983 год пограничный патруль арестовал более 200 тысяч мексиканцев и других латиноамериканцев, нелегально перешедших через границу. В том же году, по данным иммиграционных служб, 1,3 миллиона «нелегалов» (это был рекорд, но и он был побит в 1984 году) были задержаны и выдворены из Соединенных Штатов. Другие, происхождение которых полиция не смогла точно определить (многие из них запасаются фальшивыми документами), ждут решения своей участи в лагерях для перемещенных лиц (самым известным из них является Лос-Френос в Техасе). Иные,

которым удалось продержаться некоторое время в США и заработать денег, пытаются законно «пустить корни», заключив брачный контракт с американской гражданкой (или гражданином), что автоматически дает право на проживание на всей территории Америки. Разумеется, делается это — особенно брак с белым или белой — только за наличные. Но дело может обернуться плохо, как случилось, например, с одной иммигранткой из Сальвадора, о которой рассказывал корреспондент «Нью-Йорк таймс» из Хьюстона. «Рейна Канас, находившаяся в Соединенных Штатах нелегально, — писал журналист, — заплатила американскому гражданину тысячу долларов за оформление брака с ним, чтобы тем самым узаконить свое пребывание в США. Получив деньги, последний, однако, не сдержал обещание. Тогда потерпевшая обратилась в суд, чтобы заставить «жениха» вернуть ей деньги. Кончилось это тем, что после суда она вышла из дворца правосудия в окружении полицейских из иммиграционной службы» *.

Десятки тысяч граждан Сальвадора (по некоторым оценкам, их около 150 тысяч) и других стран Южной Америки, вынужденных спасаться от репрессий властей, преследований местных диктаторов или же ужасов войны, покинули свои страны и осели в Лос-Анджелесе, Сан-Антонио, Чикаго и Сан-Франциско. Однако официальный Вашингтон отказывается признать за ними статус политических беженцев. Подобное признание значило бы, что страны, правительства которых держатся у власти лишь благодаря поддержке Соединенных Штатов, далеки от того, чтобы считаться демократическими и, уж конечно, и речи не может быть о том, что они соблюдают столь дорогие сердцу Рейгана «права человека». Царящие в них режимы чаще всего представляют собой кровавые тирании. И следовательно, те, кто пытается скрыться в Америке от репрессий, которым они подвергаются в своих странах, в случае ареста в США могут быть выданы тем самым властям, которые их разыскивают. «Настоящими» политическими беженцами здесь считаются лишь те, кто с разных концов планеты бегут от народных революций или социалистического строя. Ничего не скажешь, логика красноречивая.

Подобные действия американских властей вызвали в Америке широкое негодование. Возникло движение

* «The New York Times», 22.VI.1984.

«Пристанище», которое очень активно поддерживают священнослужители разных церквей. Организация «Пристанище» оказывает помощь тем, кто вынужден бежать из стран Латинской Америки, спасаясь от преследований. Участвующие в движении люди не колеблясь идут на риск. В 1984 году в Соединенных Штатах 160 церковных приходов были объявлены «пристанищами». Священники и прихожане укрывают в них «нелегалов», которым дается приют и предоставляется материальная помощь. «Трудно понять, почему правительство рассматривает в качестве политических беженцев лиц, эмигрировавших из Вьетнама или Кубы, но отказывается признавать в качестве таковых (а также не оказывает им помощи) людей, прибывших из стран Латинской Америки»,—говорил мне пастор Густав Шульц, капеллан лютеранской общины Университета Беркли, который (как это делают и другие священнослужители) приютил в здании церкви, в котором проводятся богослужения, троих сальвадорских «подпольщиков». Предоставить этим людям приют и помощь решили все прихожане его прихода 24 марта 1982 года—то есть в тот день, когда исполнилась вторая годовщина с момента убийства в Сан-Сальвадоре архиепископа Оскара Ромеро. «Мы, как и прежде,—продолжал говорить Густав Шульц,—помогаем всем, кто подвергается преследованиям за убеждения. Мы поступаем так независимо от того, что по этому поводу думают правительственные круги. Очевидно, не им нас учить, что соответствует и что противоречит нашим верованиям. Разумеется, мы понимаем, что, укрывая «нелегалов», мы тем самым поступаем вразрез с действующими законами. Но мы берем на себя этот риск. Священника Элдера и прихожанку Диану Муленкамп арестовали и судили за то, что они помогли нескольким беженцам нелегально перейти границу. Но нас не остановят, это дело мы не оставим. Грустно сознавать, что в нашей стране, которая некогда была всеобщим «пристанищем», всем тем, кто сегодня хотел бы предложить помощь и приют для людей, преследуемых по политическим мотивам и в известном смысле расплачивающихся за политику, проводимую нашим собственным правительством, приходится действовать тайно».

Джейн С.—коммунистка, хотя и остерегается заявлять об этом открыто. Она работает медсестрой в одной из клиник Сан-Антонио. Что сказать? Эпоха «охоты на ведьм», конечно, отошла в прошлое, но

по-прежнему ярлык «красный» носить не рекомендуется. Сама она говорит об этом так: «Когда будут выгонять, причину найдут. О том, что я коммунистка, говорить не будут, но выгонят обязательно».

Она из Нью-Йорка. Для выражения солидарности с латиноамериканцами, борющимися против диктаторских режимов, у нее двоякая причина. Во-первых, по убеждениям, а во-вторых, потому, что она замужем за беженцем из Сальвадора. «Он,—продолжает рассказывать мне Джейн,—вернулся к себе, чтобы бороться за независимость своего народа и за дело революции. Четыре месяца тому назад он был жив и здоров, но с тех пор от него никаких известий. Даже не знаю, увижу ли его когда-нибудь снова. Но я согласилась с тем, что ему надо ехать. Он не мог иначе. За свои идеи надо сражаться до конца, к тому же в Сальвадоре так мало людей с опытом...» Вот рассказ Джейн о том, как однажды на границе с Мексикой она приняла группу сальвадорцев, которую ей предстояло переправить дальше на север: «Мне сказали, что в таком-то месте, недалеко от дороги, стоит дом. Там будет ждать человек, которого нужно доставить в Нью-Йорк. Я тогда ехала из Сальвадора в автофургончике, машину вел сальвадорский шофер. И вот мы прибыли в условленное место. Дело было ночью. В домике, где нас должен был ждать этот человек, оказалось семеро! Мы погрузили всех и захлопнули задние дверцы. Шофер гнал не останавливаясь час за часом. Наконец он настолько устал, что начал клевать носом. Заменить его я не могла, так как еще в Сальвадоре сломала лодыжку. Машина виляла из стороны в сторону. Вдруг сзади замигал фарами автомобиль, мы услышали полицейскую сирену. Все, попались! Остановились. К нам подошел коп, посветил фонариком, навел на лица: «С чего это вы выписываете кренделя? Надрались, что ли? Откройте заднюю дверцу». Я только и успела подумать: «Ну все, теперь тюрьмы не миновать». Открыл. Фонарь выхватил из темноты семь лиц—испуганных, сжавшихся в комок, ни звука. Коп пристально взглянул на меня, покрутил головой, через некоторое время что-то пробормотал, вроде: «Так-так, ну-ну». Ошарашенный, он вновь воззрился на меня, ничего не понимая. Среди этих «уэтбэкс» только я была англо. Наконец сам закрыл дверцу, помолчал и сказал: «Границу штата Техас вы уже проехали, теперь вы в Оклахоме (значит, мы на более безопасной территории, а мы этого даже не заметили!). Лучше

поспите немного перед тем, как ехать дальше...» Почему он нас не арестовал? Понятия не имею! Может быть, он сжалился? Такое бывает. А может, арест «нелегалов» просто не входил в его обязанности? Дело произошло в Оклахоме, если бы он нас арестовал, ему пришлось бы составлять рапорт властям Техаса, заполнять кучу других бумаг, с чем, возможно, он не хотел связываться...»

Не все проявляют такое великодушие или такую беспечность. Одним из широко пропагандируемых тезисов — правда, порядком потертым, но все еще приносящим дивиденды, — является утверждение, что подпольная иммиграция (в основном речь идет о въезжающих в Америку по экономическим соображениям) является главной причиной ухудшения материального положения и роста безработицы среди «настоящих» американцев и, кроме того, несет с собой несчетные опасности для будущего всей страны. В Соединенных Штатах больше, чем где бы то ни было, всегда очень эффективно использовались спекуляции на шовинизме. Рейган тоже не обошел их своим вниманием. По его стопам ринулись и другие деятели, например сенатор-республиканец от штата Вайоминг Ален К. Симпсон, который выступил в качестве соавтора законопроекта, направленного на сдерживание иммиграции (билль Симпсона — Маццоли) и пока не утвержденного конгрессом. Набивая себе цену один перед другим, они хотят заставить американцев поверить, что латиноамериканский поток рано или поздно поглотит США. «Натиск нынешней иммиграции, — утверждает Симпсон, — не идет ни в какое сравнение с тем, что нас ждет в 2000 году. По нашим расчетам, количество свободных рабочих рук в Мексике и в Центральной Америке через 20 лет удвоится. К примеру, Мексике предстоит решать сложнейшую проблему занятости, так как ежегодно ей необходимо изобретать 700 тысяч новых рабочих мест»*.

Экономическая отсталость Южноамериканского континента и в самом деле представляет собой основную причину эмиграции. Но о чем всегда забывают в Вашингтоне, так это об ответственности Соединенных Штатов за создание столь драматической ситуации. На протяжении всей истории они обращались

* «USA today», 14.IX.1983.

с Латинской Америкой как с колонией, служащей источником сырья и дешевой рабочей силы, с одной стороны, предпочтительным рынком сбыта—с другой, а ныне—еще и местом прибылейнейших капиталовложений транснациональных корпораций. С помощью коррупции, шантажа и угроз, постоянно поддерживая реакционные и кровавые диктатуры, Соединенные Штаты обрекли миллионы людей на отсталость и нищету, а когда такой «порядок вещей»—а значит, их интересы—вдруг оказывался под угрозой, они осуществляли прямое вмешательство. Так, с 1831 по 1983 год Соединенные Штаты предприняли 35 войн против своих латиноамериканских соседей. И в это число не входят интервенции, осуществлявшиеся их ставленниками, пользовавшимися открытой или тайной поддержкой ЦРУ. Это произошло, например, в Чили, когда потребовалось свергнуть президента Альенде. Что касается Никарагуа, то, помимо агрессии, которую практически открыто осуществляет ныне Рейган, эта страна за свою короткую историю 11 раз подвергалась американским вооруженным нападениям—в 1855, 1857, 1860, 1894, 1898, 1899, 1910, 1912, 1921, 1926 и 1929 годах.

Политика «большой дубинки» была всегда направлена к одной цели—наилучшим образом обеспечивать экономические и политические интересы американского бизнеса. В последнее десятилетие прямые инвестиции американских монополий в этом регионе росли как на дрожжах. Только в Центральной Америке они увеличились с 3,6 миллиарда долларов в 1970 году до 10,3 миллиарда—в 1983 году.

На расположенных в Мексике заводах трех автомобильных «гигантов»—«Дженерал моторс», «Крайслер» и «Форд»—работают 150 тысяч человек. В 1987 году на них произведено 750 тысяч автомобилей, которые почти полностью будут вывезены... в США.

Крайне умеренные налоги и в особенности низкая заработная плата представляют собой ни с чем не сравнимый источник прибылей, и не только для автомобильных, но и для остальных американских монополий, обосновавшихся в этом регионе. В странах Центральной Америки рабочий в среднем получает 3 доллара в день. Это меньше, чем в США платят за час! Еще в 1981 году в США минимальный почасовой тариф составлял 3,35 доллара. «У тех, кого в этих странах мы нанимаем, рабочий день длиннее, производительность труда выше (на 10%), а зарплата в 10 раз

меньше американского рабочего», — без тени смущения констатировал один американский бизнесмен, «переехавший» со своим предприятием в Центральную Америку*. Отсюда усиление «дезиндустриализации» Америки, лишаящее занятости миллионы американских рабочих, не приносящее, однако, процветания странам, в которых такие предприятия обосновываются. Данный процесс не отвечает действительным потребностям национальной экономики этих стран и заметно не влияет на снижение в них хронической безработицы. Так, с 1979 года валовой национальный продукт в расчете на душу населения сократился в странах Центральной Америки на 15%; число ищущих работу не уменьшилось, оставшись на прежнем ужасающем уровне — около 20% активного населения в Панаме и Гондурасе, больше 30% — в Сальвадоре. В Мексике, являющейся относительно развитой страной в этой зоне, покупательная способность населения за четыре года (1970—1974) упала на 30%. Этим и объясняется новая волна эмиграции в Соединенные Штаты, особенно из Мексики, а также из Гватемалы, Гондураса и Сальвадора.

Если какая-нибудь из стран Латинской Америки предпринимает попытку освободиться от экономической и политической зависимости, от нищеты и отсталости, Вашингтон спешит заявить о серьезной угрозе своим «жизненным интересам» (читай: «интересам транснациональных монополий»). На свет извлекаются утверждения о «заговоре», замышляемом Москвой и всем «международным коммунизмом». Довод этот настолько затаскан, что Рейган с его помощью порой не может убедить даже палату представителей американского конгресса. Так, в апреле 1985 года большинством голосов ему было отказано в предоставлении кредитов на вооружение никарагуанских «контрас»**. Впрочем, часть американской общественности уже давно с явным скептицизмом реагирует на измышления Белого дома. Характерна и карикатура, повстречавшаяся мне в одном из американских журналов. На ней изображен никарагуанский крестьянин — худой, довольно пожилой, бедно одетый человек в дырявом сомбреро. Усталый, он сидит на колченогом стуле, а

* Economic Notes. Labor Research Association. New York, December 1984.

** В августе 1986 года обе палаты конгресса США утвердили решение о предоставлении «контрас» 100 миллионов долларов. — *Прим. ред.*

рядом внук, одетый тоже плохо, нечесаный, босоногий и такой же худой. Он спрашивает: «Дедушка, а чем янки объясняли свое вторжение в нашу страну, когда Советского Союза и на свете еще не было?»

Если говорить правду, американским бизнесменам—даже если их глашатаи охотно разглагольствуют о «засилии иностранцев»—грех жаловаться на наличие в стране легальных и нелегальных иммигрантов. Они составляют тот «полезный» резерв рабочей силы, который эффективнейшим образом оказывает давление на трудящихся Америки. Все это, разумеется, находит должную оценку со стороны профсоюзов...

Ежегодно сотни тысяч мексиканских «брасерос» приезжают в Калифорнию на уборку урожая, обогащая крупные американские агрокомпании. По истечении контракта многие из них «воздерживаются» от возвращения на родину и бегут в большие города, где пополняют ряды «нелегалов». Там они работают за любую плату, она все же больше того, что они получают в качестве батраков, и их с удовольствием нанимают. И действительно, законом не запрещается нанимать «нелегалов». Хозяин не обязан знать, находятся ли в Америке им нанимаемые рабочие на законном основании или они «нелегалы». Его забота—обеспечить бесперебойное функционирование своего бизнеса и зарабатывать деньги, и тем лучше для него, если он достаточно ловок и находит людей, которые согласны работать за значительно более низкую плату, чем предусмотрено тарифными ставками. Более того, закон нарушает «нелегальный» рабочий, когда въезжает в Соединенные Штаты без разрешения властей, и, если он попадется, тем хуже для него. Короче говоря, предпринимателю, нанимающему на работу подпольных иммигрантов, бояться нечего. А вот если такие иммигранты себя обнаружат, то будут арестованы, судимы и выдворены из страны. И к этому следует добавить, что лишенные каких-либо гарантий и социального обеспечения, которыми пользуются другие трудящиеся, они тем не менее платят налоги, которые обязаны платить все, работающие по найму.

«Закон предоставляет предпринимателям страшное оружие против нанятых ими «нелегалов»,—рассказывала мне адвокат Сьюзен Кжеш из Чикаго, которая пытается оказывать помощь беспаспортным.—Владельцы предприятий могут установить какую угодно зарплату и с помощью шантажа легко

запугивают всех, кто осмелится просить об увеличении жалованья или улучшении условий труда. Нет ничего проще — достаточно пригрозить полицией. Так обычно и происходит. Не так давно на небольшом заводике по переработке мяса 35 рабочих — все «нелегалы» — решили вступить в профсоюз швейников. У нас не как в Европе, считается обычным, когда рабочие консервного завода присоединяют свой профсоюз к другому профсоюзу, в данном случае текстильщиков. Я сама, когда работала в юридической конторе, была в профсоюзе работников автомобильной промышленности. Тогда хозяин, который в этой ситуации ничем не рисковал, просто-напросто донес на них в иммиграционную службу. В разгар рабочего дня на фабрику неожиданно нагрянули копы, всех арестовали, чтобы потом выслать. Кроме того, хозяину удалось еще и не заплатить им за проработанное время. И конечно, для него никакого труда не составило их заменить. Среди людей, кого подобным образом препровождают до границы, иногда встречаются и такие, кто прожил в США на нелегальном положении по десять и более лет...»

В периоды экономических спадов, когда мало даже самых низкооплачиваемых мест, официальный Вашингтон вновь вспоминает об «угрозе» южноамериканской иммиграции. Когда в 20-х годах обозначилась резкая нехватка рабочей силы, на американскую территорию было легально допущено около миллиона мексиканцев. Затем наступили годы кризиса. Властями по всей стране были организованы гигантские облавы. Не обременяя себя соблюдением законности, они арестовали и выслали из Соединенных Штатов 500 тысяч латинос (главным образом мексиканцев). В их числе оказались и многие американские граждане, внешность которых, к несчастью, свидетельствовала об их латиноамериканском происхождении. Еще раз набор латиноамериканских рабочих был осуществлен в период усиленного промышленного развития — во время второй мировой войны и в первые послевоенные годы. И снова, стоило этому буму пойти на спад, началось их массовое выдворение. К концу 1953 года число высланных достигло 875 тысяч. В 1954 году — более миллиона. В 1955 и 1956 годах имели место более скромные «достижения» — чуть больше 250 тысяч и 90 тысяч соответственно. Может случиться — и этого опасаются многие иммигранты, — что ввиду ухудшения экономического положения этим средством не

преминет воспользоваться и Рейган. А пока по всей Америке проводятся выборочные акции. Например, весной 1982 года в Чикаго была проведена «Операция по изысканию рабочих мест». Ее назвали так, чтобы «не страдала совесть». Никто и не скрывал, что эта бесчеловечная охота на латинос была организована, чтобы дать работу «настоящим» американцам. Проведенная по всем правилам полицейского искусства (перекрытие улиц, прочесывание кварталов, отсеивание прохожих и т. п.), она привела к аресту более тысячи человек и их последующей высылке. Именно эта операция получила огласку, но сколько их совершается на всей территории Соединенных Штатов?! О них никто не шумит, о них не обмолвятся и словом местные телестанции, о них не сообщит даже самая незначительная газета.

Дай мне своих отверженных,
Отмеченных печатью нищеты,
Дай тех, кто жить мечтает без оков,
Пришли бездомных с людных берегов,
У врат златых мой факел поднят ввысь*.

Дети по-прежнему учат эти стихи Эммы Лазарус, высеченные на постаменте статуи Свободы и обращенные ко всему миру.

В школах «баррио», где живут латинос, должно быть, не один ученик, заучивая эти строки наизусть, спрашивает себя, осталась ли сегодня Америка такой, какой была, когда устремляла миру этот призыв, и вообще была ли она когда-нибудь такой?

* Перевод Валентина Островского.— *Прим. ред.*

БЛАГОПРИСТОЙНЫЙ ФАШИЗМ?

Рад сообщить вам, что я только что подписал акт, который навсегда ставит Россию вне закона. Бомбардировка начинается через пять минут...

«Шутка» Рональда Рейгана перед микрофоном Си-би-эс и Эн-би-си (август 1984 г.)

Хоть это и безумье, в нем есть последовательность.

У. Шекспир, «Гамлет»

— «А-а, так вам нужна «школа убийц»? Я еду как раз мимо нее. Могу подвезти, садитесь!

Тим Уилер, репортер газеты «Дейли уорлд», не верил собственным ушам. «Школа убийц»! О ее существовании говорили как о чем-то банальном, не стоящем и любопытства.

Уилер приехал собрать материалы о серии убийств, совершенных в районе Атланты (штат Джорджия): убиты 23 черных ребенка, причина преступлений так и не была выяснена. Злодеяния расиста? Маньяка? Полиция не раз «нападала на след», но так и не выявила преступника. «В Атланте,— рассказывает Тим Уилер,— мое внимание привлекли рекламные плакаты, призывающие каждого готовиться к будущей «неизбежной» войне с Советским Союзом и к «войне рас»— между черными и белыми,—которая начнется внутри страны. Вдохновителями этой пропагандистской кампании являются, бесспорно, ку-клукс-клан и другие крайне правые расистские группировки. Один из буклетов приглашает всех, кто с ними познакомился, без промедления вступать в «группы выживания», где каждый сможет научиться самостоятельно, оставшись один на один с дикой природой, «выкрутиться», отразить согласованный натиск «советских захватчиков», коммунистов, «черномазых» и представителей других нацменьшинств—научиться «убивать, чтобы выжить». Все это перед лицом неизбежности ядерной войны.

И тогда я подумал, а что, если кому-то из этих бешеных уже пришла в голову идея заранее и на свой

страх и риск удариться в «межрасовую войну», приступив к убийству негритянских ребятишек? Один из самых «популярных» главарей «групп выживания» жил как раз в районе Атланты. Его интервьюировала Си-би-эс и другие телекомпании. Его зовут Митчел Ливингстон Уэрбел III, и он известен многим. Когда-то, еще до Октябрьской революции в России, его отец служил атташе царского посольства в Вашингтоне, а затем сколотил состояние на изобретении и широкой реализации английской булавки. Уэрбелу III весьма импонирует дворянское происхождение, и он любит называть себя «русским графом в изгнании». При этом не скрывает—это дело десятое,—что является сотрудником американских секретных служб».

Политическая «эрудиция» Уэрбела не столь глубока, чтобы он был осведомлен о прямом отношении газеты «Дейли уорлд» к Коммунистической партии США. Для него Тим Уилер был обыкновенным нью-йоркским журналистом, пожелавшим поближе познакомиться с активистами «групп выживания».

— Ну что же,—сказал он по телефону,—поезжайте-ка в таком случае в наш лагерь. Поговорите с моим заместителем, полковником Эдвардом Уэнделом, он будет ждать вас.

Таким образом Тим—вынужденный добираться туда автостопом—оказался перед лагерем «поклонников выживания» (более известным в округе под названием «школа убийц»). Это милях в десяти от Мариетты, крупнейшего центра военной промышленности, в частности авиационных заводов компании «Локхид».

«Лагерь,—продолжал свой рассказ Тим Уилер,—находится в открытом поле. Это настоящий всенизированный поселок, обнесенный решеткой, по которой пропущен электрический ток, и несколькими рядами колючей проволоки. Внутри расположены различные постройки, над которыми возвышается мачта с развевающимся на ней флагом, который я так и не смог идентифицировать. Я представился в микрофон внутренней связи—управляемые на расстоянии двери распахнулись. И я наконец предстаю перед полковником Уэнделом. В форме десантника, он встречает меня в своем кабинете. Он в приподнятом настроении—чрезвычайно рад принять журналиста из Нью-Йорка и охотно расскажет о своей «работе». На стене—фотографии полковника, отснятые в различных «горячих точках» земного шара. Самое видное место занимает фото, где полковник стоит среди «серых ска-

утов» — наемников, действовавших в Африке. Уэндел с готовностью и не без гордости пояснил, что это было, когда он сражался на стороне Яна Смита против «коммунистов Зимбабве». Сопровождаемый полковником Тим Уилер осмотрел в лагере самые разные сооружения: гимнастические залы, где «слушатели» овладевают приемами каратэ и других видов борьбы, тир с широким набором винтовок, пистолетов, автоматов всех систем, в свою очередь охраняемые решетками с электронными запорами. «Мы обучаем также,— рассказывал Уилеру его «гид»,— различным способам бесшумного убийства. С помощью специального оружия или самых банальных вещей вроде рояльной струны, когда требуется кого-нибудь удушить. Если один из этих парней, прошедших у нас подготовку, кого-нибудь прикончит, гарантирую вам, что никто никогда не докопается, чья это работа...»

На протяжении всей «экскурсии» у Тима из головы не шли убитые дети. Однако он был на ложном пути — «школа убийц» занималась делами покрупнее.

— Как жаль, что генерал Уэрбел не смог принять Вас лично,— досадовал полковник.

— Генерал? Он — генерал?

— Да, генерал королевской армии Афганистана. А я имею чин полковника этой армии. Вы находитесь в лагере афганской королевской армии, а флаг — вы видите? — это флаг королевства Афганистан...

Тим Уилер подумал, не спит ли он, когда из-за поворота появился огромный лимузин, который проследовал к изысканной резиденции посреди зеленой лужайки, поодаль от военных строений.

— О, Вам повезло! Вот и он! Позвольте представить Вам... — Уэрбел уже вышел из машины.

Ну и персонаж! Маленький, квадратный, волосы ежиком, в зубах сигара, монокль, в руках — отменной работы трость с резным набалдашником из слоновой кости. Внутри — клинок, которым Уэрбел — минутой позже, после того как знакомство состоялось, — дал полюбоваться гостю.

И снова распаивающиеся перед вами и плотно замыкаемые на множество замков двери. Персонал? Его не видно. Великолепный бесшумный дом! Восточные ковры, дорогие картины и мебель. Извне — ни звука.

— А это мой «бункер», — сказал Уэрбел, пропуская Тима в очередную комнату, оснащенную особой системой безопасности. Стены сплошь увешаны оружием

самых разных типов и происхождения. На софе — автомат. Уэрбел оживленно прокомментировал:

— Штурмовой «АК-47». Отличная штука! Но советский!

Затем без паузы:

— Вы здесь находитесь на моем командном пункте, специально построенном и оборудованном так, чтобы исключить проникновение советских и коммунистических агентов...

На настенном панно, в доказательство добрых отношений, поддерживаемых хозяином с «элитой» американской армии, множество фотографий высших военных чинов: «Моему другу Митчу!» Чтобы еще больше поразить посетителя, Уэрбел, нажав на кнопку, говорит секретарше:

— Ева, соедините-ка меня с генералом Синглюубом...

Этот последний в свое время наделал премного шума. Будучи командующим американскими вооруженными силами в Южной Корее, Джон А. Синглюуб воспротивился решению Картера о выводе оттуда части американских войск. За отказ подчиниться приказу Белого дома он был подвергнут дисциплинарному наказанию и отстранен от должности. С той поры генерал Синглюуб вполне заслуженно пользуется репутацией «ястреба», противника разрядки, ярого проповедника политики «с позиции силы», политики «отбрасывания и уничтожения коммунизма». Ни минуты не раздумывая, Синглюуб по собственной воле и за свой счет отправился помогать никарагуанским «контрас», которых снаряжает, оплачивает и готовит для борьбы с сандинистским правительством ЦРУ. Судя по телефонному разговору, Уэрбел поддерживал с Синглюубом весьма тесные отношения.

— Сейчас мне приходится много заниматься Афганистаном,— вновь обращаясь к Тиму, сказал Уэрбел.— Я, собственно, возглавляю разведывательную службу королевской армии и постоянно общаюсь с королем...

— С королем?

— Да, с королем, он находится здесь. Вы хотели бы его видеть?— спрашивает Уэрбел и, нажав кнопку селектора, крикнул:— Ева, найдите Его Королевское Высочество и скажите, чтобы поднялся ко мне...

Через несколько минут в «бункере» появился высокий, смуглый, явно с хорошими манерами человек.

— Ваше Высочество, представляю вам журналиста из Нью-Йорка, его интересуют наши дела.

Вошедший счел необходимым уточнить, что он еще не коронован и что только надеется на это. Он всего лишь наследный принц, сын свергнутого в 1973 году короля Мухаммеда Захира. Но, будучи «борцом за свободу», он, как только позволят обстоятельства, готов занять трон, чтобы служить своему народу. А пока вместе со своим хозяином, господином Митчелом Ливингстоном Уэрбелом и другими американскими друзьями он, чем может, помогает своим соотечественникам — афганским «борцам сопротивления». К несчастью, значительная часть того, что им посылают, теряется в дороге через Пакистан.

— Этот Зия*, — вмешался, внезапно побагровев, Уэрбел, — просто-напросто жулик! Но, слава богу, денег у нас хватает!

И когда Уилер невинно поинтересовался, откуда же берутся все эти деньги, Уэрбел, ухмыльнувшись и подмигнув ему, ответил:

— Наркотики! Они дают нам столько денег, сколько требуется!»

Приключение, приведшее журналиста из «Дейли уорлд» к открытиям, на которые он не рассчитывал, многое проясняет. Эти жаждущие крови, вселяющие отвращение и ужас деятели из «групп выживания», которые посвятили свою жизнь заботам о конце света и учат убивать, не оставляя следов, генерал и полковник призрачной армии и претендент на столь же иллюзорный престол затеяли отнюдь не безобидную невинную игру. Самое опасное не в том, что некий Митчел Ливингстон Уэрбел III развлекается игрой в войну на территории своих владений, а в том, что он поддерживает постоянные связи с высшими чинами Пентагона и нынешней администрации и что, с их точки зрения, он не опасный маньяк, за которым надо бы следить да следить, а «подлинный американец», который вносит свой вклад — в Афганистане и других местах — в «крестовый поход» против «красных».

Верно и то, что всякие «ультра» не обладали бы таким весом, если бы их олицетворяли лишь Уэрбел и ему подобные «лидеры», которые приводят в движение, часто при сообщничестве агентов ФБР, неонацистские организации — от ку-клукс-клана до нацистской партии, а также всякого рода группировки и ассоци-

* Имеется в виду президент Пакистана Зия-уль-Хак. — Прим. ред.

ации, выдвигающие на первый план оголтелый антикоммунизм, расизм и психологическую подготовку к ядерной войне. Нет, сеть крайне правых экстремистов гораздо шире, и они пользуются высоким покровительством. Лично Рейган, хотя по тактическим соображениям и пытается держаться на определенном расстоянии от некоторых из компрометирующих его почитателей, при случае всегда демонстрирует им свою симпатию. Он не преминул, например, обратиться с сердечным приветствием к «весьма представительной» ежегодной конференции Всемирной антикоммунистической лиги, в 17-й раз собравшейся в Сан-Диего в сентябре 1984 года.

Триста делегатов, съехавшихся из сотни стран, представляли на ней сливки фашистских организаций. Уцелевшие после разгрома гитлеровской Германии нацисты, неофашисты, воинствующие расисты, «черные» террористы всех мастей слетелись на это собрание, чтобы выработать наиболее эффективные средства борьбы с «расширением коммунистического влияния в мире». Среди делегатов были: Адольфо Кардера, главарь Демократического фронта Никарагуа (с помощью советников, оружия и денег из ЦРУ этот деятель воюет против сандинистского правительства); Марио Сандоваль Аларкон, шеф эскадрона смерти «Белая рука», действующего в Гватемале против коренного крестьянского населения (он тоже пользуется покровительством ЦРУ); его близкий друг Роберто д'Обюссон, который «заработал» себе аналогичную репутацию в Сальвадоре. Присутствовали также «делегаты» от Южного Вьетнама—в прошлом деятели проамериканских диктатур Нгуена Ван Тхьеу и Нгуена Као Ки. Из Мозамбика и Анголы—посланцы раскольников, борющихся подобно расистам Южной Африки против народов своих стран, представители афганских душманов и антикубинской террористической организации «Альфа-66». Самой многочисленной, разумеется, была американская делегация, которую возглавил генерал-майор Джон Синглоуб (друг «генерала» Уэрбела). Он председатель Американского совета за свободу в мире, входит в руководство Американского совета безопасности, являющегося одним из мозговых трестов военно-промышленного комплекса. Среди его членов много представителей транснациональных корпораций, агентов ЦРУ и высших армейских чинов, оказавшихся не у дел или вышедших в отставку. Образованная в 1955 году, эта организация является типичным порожд-

дением маккартизма. Ее главной и рекламируемой целью является преследование «прокоммунистически настроенных» или подозреваемых в этом американцев. Организация не пренебрегала никакими средствами и поэтому уже в 1962 году похвалялась тем, что ею собраны досье на миллион человек.

Среди членов американской делегации на конгрессе были и весьма близкие к президенту люди, такие, как богатейший сенатор-республиканец от штата Северная Каролина Джесси Хелмс, выступающий оголтелым глашатаем крайне правых, как сенатор-республиканец от штата Южная Каролина Стром Тэрмонд, как бывший министр морского флота Чарльз Эдисон и бывший заместитель директора ЦРУ и личный советник Рейгана Рей Клайн, как другой советник президента и главный редактор «Нэшнл ревью» Уильям Бакли и видный деятель организации «Новые правые» Ричард Вайгюри, связанный совместными финансовыми операциями с преподобным Мунном и руководимой им сектой «Унификационная церковь». И последний в ряду, но не последний по значимости — основатель Американской антикоммунистической еврейской лиги Марвин Либман, не погнушавшийся сотрудничеством с бывшими нацистами. Именно к этому ареопагу было обращено встреченное бурными аплодисментами послание президента Соединенных Штатов*.

Долгое время либералы и левые не принимали всерьез активность более или менее значительных групп крайне правых фашистского толка. Им казалось, что у правых слишком мало шансов, чтобы играть на политической арене своей страны хотя бы незначительную роль. Сегодня они уже так не думают и, более того, многие задаются вопросом, не удалось ли ультраправым группировкам (до последних лет разрозненным и слабым), не в последнюю очередь благодаря поддержке Рональда Рейгана, разложить изнутри республиканскую партию, навязав ей немало собственных идей. Не об этом ли свидетельствует съезд республиканской партии, проходивший в Далласе в июле 1985 года?

И хотя телевидение пыталось представить его, как обычно, в виде многолюдного зрелища, в котором все участники носят традиционные соломенные шляпы, громогласно скандируют имя кандидата и вольготно

* «Daily World», 27.XI.1984.

чувствуют себя среди воздушных шаров, конфетти, транспарантов и миленьких мажореток, это—о чем почти не говорилось—был «парад» самых реакционных и самых воинственных речей, каких уже давно не слышали в Америке. Съезд стал одновременно личным триумфом политиканов, выступающих с крайне экстремистских позиций и выставляющих себя защитниками традиционно «американских» ценностей—семьи, религии, отечества—против столь же традиционной «красной опасности» и «советской угрозы».

«Правые, возглавляемые профашистски настроенными деятелями, стремятся внедрить свои концепции в политический обиход в нашей стране,—отмечает Гэс Холл, Генеральный секретарь Коммунистической партии США.—Это тревожное и опасное явление, которое со всей ясностью выявилось во время съезда республиканской партии. Стало очевидно, что на политическую сцену выходит разнородная, но сплоченная и дисциплинированная коалиция крайне правых сил. Она практически уже оформилась, хорошо организована и обладает широкими возможностями. Эти силы фактически завладели самой республиканской партией...» *

За период пребывания Рональда Рейгана в Белом доме составные элементы этой прослойки—«институты», «комитеты политических действий», «дискуссионные клубы» и лоббисты всех мастей—разрастались, множились, как грибы. Некоторые из них обрели такой авторитет, что могут теперь непосредственно воздействовать на правящие круги и их официальный политический курс. Это—Американский предпринимательский институт, «Фонд наследия», Американская ассоциация политических наук, Институт анализа внешней политики, Совет американской безопасности, Гуверовский институт, Коалиция за мир с позиции силы, Комитет за свободную от профсоюзов окружающую среду и т. п. Они сходны в одном: их щедро финансируют транснациональные корпорации и заправилы «большого бизнеса», которые известны даже среди себе подобных как «душители» профсоюзов внутри страны и «ястребы» по внешнеполитическим вопросам. Можно представить себе, какие щедроты проливаются на эти организации, если, например, один лишь Американский предпринимательский институт располагает бюджетом, оцениваемым в несколько миллиардов долларов.

* «Daily World», 6.IX.1984.

Долгое время финансовые воротилы, поддерживающие группировки «ультра», держались в тени, избегали афишировать подобные связи, разоблачение которых могло бы повредить их интересам. Когда Рейган обосновался в Белом доме, крайне правые вновь приобрели «респектабельность», и прежняя «сдержанность» кажется им излишней.

Ошеломляющий взлет «Фонда наследия» — организации, созданной в 1973 году миллиардером Джозефом Курсом (компания «Пиво и другие напитки») совместно с Полом Уайричем, — самое яркое свидетельство происшедших перемен. До 1980 года «Фонд наследия», занимавшийся традиционными сюжетами вроде защиты Америки от «советской угрозы» и «подрывной коммунистической деятельности», не считался группировкой, имеющей реальный политический вес. При Рейгане он приобрел авторитет общеамериканского масштаба, особенно после опубликования обширной политической программы, составившей 20 томов — 3 тысячи страниц, заключивших в себе плоды труда 250 человек из мозгового треста и носивших «скромный» заголовок «Мандат на власть: политика управления консервативной администрации».

Во внешнеполитической области авторы программы выдвигают на передний план необходимость проведения политики «с позиции силы», направленной на достижение Соединенными Штатами мирового господства, и прежде всего — путем создания мощной военной машины — превосходства над Советским Союзом. Во внутренней политике они рекомендуют отменить постановления и законы, ограничивающие полномочия политической полиции и спецслужб вторгаться в частную жизнь граждан. Они предлагают, помимо других мер, воссоздать при конгрессе недоброй памяти Комитеты по внутренней безопасности — памятник маккартизма. «Личные свободы не могут иметь первостепенного значения, когда речь идет о национальной безопасности и поддержании порядка», — записано в программе. Рональду Рейгану надлежит констатировать «наличие» в стране подрывной деятельности и признать «неамериканский характер всякого рода диссидентства».

Близкий друг, советник и министр юстиции Р. Рейгана Эдвин Миз с энтузиазмом приветствовал появление этой программы. Тем самым «Фонд наследия» получил определенное официальное признание. Закрытый клуб — только для избранной группки миллиардеров — превратился в мощный и эффективный механизм

политического давления, и ни для кого не секрет его связи с Белым домом, Пентагоном и республиканской партией. В 1984 году на счет «Фонда» поступили вклады от 122 тысяч различных лиц и компаний. В числе последних: «Чейз Манхэттен бэнк», нефтяные компании «Мобил ойл», «Сан ойл» и «Галф ойл», «Бэнк Меллон», «Флюор корпорейшн», «Ридерс дайджест» и 80 других фирм, которые фигурируют в списке 500 наиболее крупных американских предприятий (согласно оценкам журнала «Форчун»).

Разумеется, у «Фонда» не было нужды обращаться к Рональду Рейгану в свою веру, поскольку все действия президента показывают, что он уже давно воспринял установки этой организации. Среди президентских «перлов» в анналах истории, несомненно, сохранится заявление, в котором он высказывал сожаление по поводу того, что американские добровольцы из «бригады Линкольна», сражавшиеся во время гражданской войны в Испании вместе с республиканцами, «оказались не на той стороне», а также такая акция, как поклон могилам эсэсовцев на кладбище в Битбурге в дни празднования 40-летия победы над гитлеровской Германией. И речь тут идет не о «досадной промашке» человека, поддавшегося дурному совету, как попытались это представить поклонники Рейгана в Западной Европе, отнюдь. Речь идет о заранее рассчитанных поступках, о конкретном выражении политической ориентации, которая определяет его как «провозвестника» великого антикоммунистического «крестового похода» и уж, конечно, не как антифашиста.

С поразительной готовностью Верховный суд предоставил в распоряжение администрации Рейгана легальное средство для наступления на социальные права. Под угрозой оказалось не только то, что отвоено борцами за гражданские права против различных форм сегрегации в последнее время, но и прежние достижения профсоюзов и даже некоторые из считавшихся незыблемыми принципов права. На заседании от 4 июля 1984 года Верховный суд постановил, что свидетельские показания, полученные не по форме (другими словами — без должного оформления, неофициально, с помощью угроз и насилия), которые до сих пор на этом основании нельзя было использовать против обвиняемого, впредь будут приниматься судами к рассмотрению «в той мере, в какой они могут быть

полезны для выяснения истины». Рональд Рейган с удовлетворением встретил это решение как «чрезвычайно полезную и своевременную законодательную акцию». Различное полицейское начальство в свою очередь не скрывало восторгов по этому поводу, поскольку-де принятое решение позволит им «работать более свободно» *.

Согласно закону от 1972 года, школы и университеты, допускающие какие бы то ни было формы дискриминации по отношению к представителям национальных меньшинств, ни в коем случае не могут получать помощь от государства. Верховный суд, с одобрения президента, пересмотрел этот порядок. С января 1985 года такие учебные заведения могут вновь получать государственные ассигнования. Это решение в полной мере соответствует политической линии на скрытую ресегрегацию, за которую ратуют крайне правые.

В том же духе составлено и постановление Верховного суда, принятое в июне 1984 года: в случае сокращения штатов, говорится в нем, программы «закрепительных мер» (включающие обязательное устройство на работу определенного числа рабочих, принадлежащих к национальным меньшинствам) могут быть отменены и, следовательно, предприниматели не обязаны их соблюдать. Это означает, что чернокожие, принятые на работу позже других, будут, как в «лучшие времена» узаконенного расизма, уволены первыми с предприятия, которое по тем или иным причинам сокращает свой персонал.

Рейгановскую администрацию отличает, кроме того, крайне отсталый взгляд на проблемы женщин, положение которых в американском обществе — вопреки красивым рассказам — отнюдь не блестящее. По данным министерства труда за 1980 год, при равной квалификации и одинаковых служебных обязанностях заработок белых женщин составляет лишь 60% жалованья мужчин, а у негритянок — 54%. Женщины же из испаноязычной категории за ту же работу получали вдвое меньше (49%), чем мужчины **. Неравенство в области образования при найме на работу и при продвижении по службе проявляется в самых различных формах. Женские прогрессивные организации постоянно выступают с разоблачениями этой дискриминации. В ноябре

* «USA Today», July 1984.

** National Organization for Women: Fact Sheet on Equal Rights Amendment. 1984.

1983 года под их давлением в палате представителей в очередной раз рассматривался проект закона об уравнивании женщин в правах с мужчинами. Его принятие закрепило бы—хотя бы юридически—равноправие женщин. По настоянию Рейгана и его сторонников проект был отклонен 278 голосами против 147. Стало быть, хозяева, как и раньше, будут платить женскому персоналу заниженную зарплату.

Даже не дожидаясь официального вступления в должность президента на второй срок, Рональд Рейган поставил на голосование в конгрессе ряд репрессивных законов. Под предлогом «борьбы с терроризмом» эти законы позволяли ограничить основные свободы граждан и предоставляли властям новые возможности для подавления тех, кто полностью или частично не согласен с политикой правительства. Во время их обсуждения в конгрессе эти шесть биллей вызвали со стороны конгрессменов много нареканий. В ходе прений по этому вопросу в сентябре-октябре 1984 года сенатор-демократ Говард Метценбаум (от штата Огайо), критикуя один из законопроектов (№ S. 2626), предоставлявший государственному секретарю право определять, кто является «террористом», а кто нет, указывал, что «такого рода установления означают возвращение назад, в эпоху маккартизма». Впрочем, подобное законодательство с его намеренно расплывчатыми формулировками может при необходимости вылиться в новую «охоту на ведьм». «Национальная безопасность и национальные интересы определены в них самым что ни на есть туманным образом»,—отмечает один из деятелей Национального альянса против расистских и политических репрессий. Настолько туманно, что любое публичное проявление солидарности, направленное против вмешательства Вашингтона в дела Чили, Никарагуа, Южной Африки или на Ближнем Востоке, может быть квалифицировано как террористический акт*. Дополнительный билль (№ S. 2625) предусматривает выплату вознаграждения (до 500 тысяч долларов) любому осведомителю, благодаря которому будет арестован «террорист» или «заговорщик». Нетрудно представить, какую атмосферу доносов и ложных обвинений может породить введение подобного закона.

Одним из биллей (№ S. 2395) в существующее законодательство «о свободе информации» внесены

* «Daily World», 4.X.1984.

поправки. Согласно этим изменениям, цензуре подлежит любое сообщение о фактах «терроризма» и принятых по ним расследований. В действительности ограничения свободы печати и информации, которыми Белый дом оправдывает стремление «обеспечить национальную безопасность», распространены на весьма значительную область. «Рейган обещал ограничить вмешательство правительственных органов в дела общества. Тем не менее с момента его прихода в Белый дом в 1981 году в сфере информации и средств связи давление властей лишь усилилось,— отмечает в статье «Как Рейган ограничивает свободу информации», опубликованной в газете «Круа», сотрудник французского Центра политических наук М.-Ф. Туане.— Так, запреты на встречи журналистов с правительственными чиновниками и на их доступ к официальным документам стали более частым явлением, равно как и ужесточение практики засекречивания материалов (top-secret), широкое применение детекторов лжи... цензура на выступления в печати нынешних и бывших чиновников, анкетирование «в целях безопасности» крупных государственных деятелей»*.

Наступление реакции по всем направлениям, принятое в Америке при Рейгане, получает поддержку со стороны наиболее фанатичных религиозных сект и группировок и более всего со стороны тех, кто причисляет себя к «фундаменталистам», неукоснительно следующим всем «фундаментальным основам» Священного писания. Здесь одним из их главных адептов выступает Джерри Фолуэлл (лига «Моральное большинство»), который, положив руку на Библию, заявляет о божественной сущности американского общества и системы свободного предпринимательства. «Честолюбие и успех в делах ясно определены, согласно Библии, как основы плана, предначертанного богом для своего народа...»**

Однако гораздо более опасным является утверждение Фолуэлла и его последователей о том, что ядерная война была предсказана в Священном писании и потому неизбежна. Речь идет о тексте из Апокалипсиса (XVI, 14—16), где говорится о «семи чашах гнева божия», опрокидываемых семью ангела-

* «La Croix», 20.II.1985.

** «Political Affairs», August 1981.

ми, призванными, когда придет время, посеять болезни, огонь, смерть и тьму на воде и на суше и собрать на последнюю брань, с одной стороны, Вавилон и его приспешников, нечистых царей вселенной, и, с другой — воинство небесное в том месте, которое на иврите называется Армагеддон. Апостол Иоанн видит, как «жег людей сильный зной... и сделалось царство его мрачно... и произошли молнии, громы и голоса, и сделалось великое землетрясение, какого не бывало с тех пор, как люди на земле...».

Фолуэлл втолковывает своим последователям, что придет «судный день» (а он близок, о чем, по его мнению, говорят другие места из Священного писания), когда «чистые», где бы они ни находились — дома ли, в конторе, на заводе, на улице, в машине, самолете или в поезде, — воспарят вдруг подхваченные волшебной силой на небеса, а «нечистые» и злые (для тех, кто, возможно, не понял, о ком идет речь, поясним: это Советы, их союзники, все коммунисты и неверующие) погибнут в этой последней катастрофе. Зато потом наступит «тысячелетнее царство божие».

Этим бредням можно было бы не уделять внимания, если бы в некоторых из своих высказываний Рональд Рейган не давал понять, что сам он не считает эти наводящие ужас пророчества абсурдными. От случая к случаю он ссылался на них — в своих публичных выступлениях и частных беседах.

Журналисты Ронни Даггер и Джо Куомо подсчитали, что президент Соединенных Штатов при различных обстоятельствах 11 раз упомянул о грядущем Армагеддоне. «Вы знаете, — признавался он корреспонденту «Джерузалем пост», — в своих размышлениях я часто думаю о пророчествах Ветхого завета и знамениях, предвещающих Армагеддон; я спрашиваю себя, не нашему ли поколению суждено увидеть, как эти пророчества сбываются»*.

Отсюда всего один шаг до мысли, что раз уж эта катастрофа «предначертана», то не лучше ли покончить с этим поскорее, тем более что «после победы» наступит «тысячелетие блаженства».

Эти-то «идеи» и беспокоят самым серьезным образом многих американцев.

В ноябре 1984 года, за несколько дней до завершения предвыборной президентской кампании, около 100 собравшихся в Вашингтоне религиозных деятелей (сре-

* «Time», 5.XI.1984.

ди которых был католический епископ Томас Гамблтон) заявили на пресс-конференции в Вашингтоне о своей глубокой озабоченности тем фактом, что высокопоставленные политические деятели «уподобляются экстремистам, считающим, что ядерная война неизбежна и неотвратима» и что «примирение с противниками Америки в конечном счете вещь никчемная». Высмеивая толкования «фундаменталистов» и разоблачая опасный бред Джерри Фолуэлла, профессор теологии А. Беркли Микельсен (штат Миннесота) отметил, что не следует выдавать «апокалипсические пророчества» за научное предвидение, и заключил с тонким юмором, что когда «Христос действительно вернется на землю, то рискует найти на ней немало людей, которые будут застигнуты врасплох...»*.

«Это абсурд! Абсолютная чушь! У нас такого никогда не может случиться. Это невозможно. Мы — свободная страна!» — восклицает один из героев Синклера Льюиса**. Так он заявляет в ответ на вопрос, может ли когда-нибудь в США установиться фашистский режим.

Сегодня в левых кругах и среди либеральной интеллигенции Америки люди задаются тем же вопросом. Так, бывший советник президента Рузвельта, профессор политологии Нью-Йоркского университета Бертрам Гросс в книге «Благопристойный фашизм» замечает, что этого еще не произошло, но опасный процесс уже начался и к установлению фашизма может привести.

Во Франции, где по крайней мере в настоящее время большинство политических деятелей и правого, и левого толка воспевают добродетели рейгановской Америки — этой «модели для просвещенных наций», этого «западного бастиона защиты прав человека и свободы», — один лишь намек на такое воспринимается не иначе, как чудовищное богохульство. И тем не менее...

И тем не менее все сильнее сгущаются тучи на

* «Time», 5.XI.1984.

** Синклер Льюис (1886—1951) — первый американский писатель, получивший Нобелевскую премию в области литературы. Роман «У нас это невозможно» был опубликован в 1936 году. Он разоблачал угрозу фашизма в США. Его герой Бэббит — собирательный образ мелкого предпринимателя из типичного городка на американском Среднем Западе.

американском небосклоне, что вновь и вновь заставляет задуматься над будущим этой «демократии для немногих», где богатые с каждым днем становятся богаче, а бедные — беднее. Эта «демократия» и поныне наилучшим образом служит интересам господствующих слоев населения. Некий политический обозреватель, который, будучи связанным с Банком Моргана, имел прямое отношение к истеблишменту и не без основания выражал по этому поводу удовлетворение, лет пятнадцать назад с великой пронизательностью отмечал, что «капиталистический класс в Соединенных Штатах для поддержания своего господства в фашизме не нуждается. Революционные движения здесь слабы и разобщены. Большинство профсоюзов настроено консервативно». «Я не вижу в перспективе,— говаривал он,— никакого созвездия сил, которое могло бы установить у нас фашистский режим»*.

Эти строки написаны в 1971 году, и всеобщая поддержка, которую получал классический идеологический набор — «американская демократия самая демократичная в мире», «каждый получает свой шанс», «самая свободная страна», — внушала уверенность, что господствующему классу действительно вовсе не следует ломать голову над тем, что, возможно, однажды, чтобы сохранить существующий порядок вещей, нужно будет прибегнуть к крайним мерам.

Новые репрессивные законы, которые проталкивает рейгановская администрация, заранее даже предусмотревшая строительство концлагерей для «чужаков» и «подрывных элементов», о чем сообщала в апреле 1984 года одна из вашингтонских газет (речь идет о проекте «Rex-84»)**, и усиление влияния крайне правых экстремистов, исповедующих фашистские идеи, свидетельствуют о том, что времена меняются и что в верхах теперь допускают, что однажды придется показать свои «мускулы». Такого рода изменения вполне возможны — и, более того, они исподволь происходят, — хотя внешне все выглядит по-прежнему: и основы не затронуты, и их инициаторы не перестают

* «The New York Times», 25.VII.1971.

** В материале о проекте «Rex-84», помещенном в вашингтонской газете «Спотлайт» за 23 апреля 1984 года, говорилось, что администрация начала строительство десяти концентрационных лагерей, способных вместить каждый 25 тысяч заключенных. Информацию перепечатали другие газеты, ее никто и никогда не опроверг. Более того, она определенным образом получила официальное подтверждение, когда представитель Белого дома по вопросам печати Ларри Спикс сказал, что речь шла о «решении в принципе».

разглагольствовать о «демократических ценностях» и «американском идеале». Этому «фашизму на американский лад» вовсе нет необходимости копировать прежние образцы.

При этом действительно опасными врагами американских свобод являются отнюдь не мелкие группировки, открыто признающие свою приверженность фашизму. «Видеть в них главную опасность,— пишет Бертрам Гросс,— значит допустить, что история будет настолько добра, что может повториться, не изменяясь... Настоящая опасность кроется в тех глухих раскатах грома, которые уже хоть и отдаленно, но все явственнее доносятся со стороны сплоченных рядов элегантно одетых людей, выпускников престижных учебных заведений, скрывающих свой правый экстремизм под покровом респектабельности и хорошего воспитания».

Эту опасность сознают и американские коммунисты, жестоко преследовавшиеся в эпоху «охоты на ведьм». Генеральный секретарь Компартии США Гэс Холл отметил в этой связи: «Когда говорят о фашизме, то многим представляется система, напоминающая режим Гитлера или Муссолини. В Соединенных Штатах фашизм может принять типично американские черты. Крайне правые очень заботятся о том, чтобы не выказывать себя открытыми противниками демократии. Их заявления, действия, лозунги по сути своей глубоко антидемократичны, но всегда тщательно замаскированы «упаковкой» из рассуждений о традициях и ссылок на американскую историю. Основными слагаемыми этой демагогии являются псевдопатриотизм и настойчивые призывы чтить, защищать знамя нации. Именно этими средствами пользуются правые экстремисты, чтобы, напустив шовинистического угара, помешать осмыслению происходящего» *.

На второй срок президентского мандата Рейгана поддержали 59% принявших участие в голосовании избирателей. Это принесло ему 53 миллиона голосов против 36,5 миллиона, поданных за Мондейла. Если взглянуть на результаты голосования пристальнее, то вряд ли можно говорить о «мощной приливной волне», а тем более о «всенародном волеизъявлении», о чем с охотой писали средства массовой информации, стремив-

* «Daily World», 6.IX.1984.

шиеся польстить Рейгану*. На самом деле победитель остается «президентом меньшинства», избранным голосами лишь 30,6% общего числа зарегистрированных избирателей. Из 172 миллионов имеющих право участвовать в выборах от голосования воздержались 83 миллиона человек. В основном это самые бедные, самые отчаявшиеся американцы, которые больше не верят ни в «американскую мечту», ни в возможность изменить что-либо с помощью нового президента. Если в сравнении с предыдущими выборами число зарегистрированных избирателей увеличилось, то процент участвовавших в голосовании существенно снизился и составил 51,4% вместо 52,6% четыре года назад. Из этих цифр очень нелегко сделать вывод, которому иные верят по-прежнему слепо, что «американская демократия пребывает в добром здравии». Более того, они свидетельствуют о растущем охлаждении и скептицизме десятков миллионов американцев в отношении их системы и ее возможностей, от которых они больше ничего не ждут.

Анализ некоторых результатов голосования позволил сделать интересные открытия по поводу того, как происходило размежевание избирателей — между Рейганом и Мондейлом. Например, было отмечено, что 71% белых с Юга, где, как известно, прочные позиции всегда занимала демократическая партия, отдали свои голоса республиканцу Рейгану. В общенациональном масштабе за Мондейла проголосовали 91% чернокожих, 65% евреев, 69% «испанцев», а также 53% всех организованных в профсоюзы трудящихся (61% — по АФТ — КПП). «Чем выше доход избирателя, тем чаще он предпочитал голосовать за Рейгана, — констатировал журнал «Тайм», основываясь на опросе, проведенном радиоккомпанией Эй-би-си. — Наиболее бедные — по крайней мере та их часть, которая голосовала, — в большинстве своем высказались за Мондейла: имеющие доход меньше 5 тысяч долларов в год отдали ему 69% своих голосов, избиратели с доходами 5—6 тысяч — 53%. Среди тех, кто получает 10—20 тысяч долларов в год, за Мондейла голосовали 48% и за Рейгана 52%. За Рейгана проголосовали 66% избирателей, чьи доходы превышают 50 тысяч долларов в год**.

* Например, французская «Монд» (8.XI.1984), написавшая, что «Рейган избран единодушно».

** «Time», 19.XI.1984.

В основном президент одержал личную победу, о чем свидетельствуют и те жалкие результаты, которых добились кандидаты-республиканцы в палате представителей и в сенате. Республиканская партия надеялась, следуя в кильватере своего лидера, вернуть себе по меньшей мере 26 потерянных в 1982 году избирательных округов, что обеспечило бы ей большинство в палате представителей. Этого не произошло — она вернула всего 15 и осталась в меньшинстве. Кроме того, партия потеряла два места в сенате, хотя и сохраняет там большинство*.

Эти парадоксальные результаты следует объяснить тем, что избиратели отдавали голоса не республиканской партии, а неординарной фигуре — президенту, в то время как на местном уровне ее кандидаты олицетворяли собой политику, результаты которой были отнюдь не убедительными. «Этот пройдоха собрал 60% голосов, а принес нам всего 15 мест», — воскликнул на следующий день после голосования лидер республиканцев в палате представителей Роберт Г. Митчелл (штат Иллинойс). Один из «новых правых», Ричард А. Вайгюри, дополнил этот малопочтительный комментарий мрачным пророчеством: «Президенту придется иметь дело с враждебным конгрессом, и, похоже, нас ждет провал на выборах 1986 года. Без большинства в конгрессе, обеспечивающего эффективность администрации, его мандат на второй срок превратится в фикцию»**.

Тем не менее «супер-звезда» Рейган, поднаторевший на актерских позах, пускаясь во второе президентское плавание под знаменем «второй американской революции», «надежд на лучшее» и «шансов, равных для всех», не прекратил источать улыбки, твердя о «процветании» и заверяя, что «не должно быть забытых американцев», но закрывая глаза на то, что за время его первого мандата в Америке только официально число бедняков выросло на 6 миллионов и что именно наименее обеспеченные несли основные тяготы «оживления по-рейгановски».

Как долго этому иллюзионисту удастся повторять свой трюк?!

На ум невольно приходит столь часто цитируемое высказывание Авраама Линкольна: «Некоторое время

* На выборах в конгресс в ноябре 1986 г. демократическая партия завоевала большинство и в палате представителей. — *Прим. ред.*

** «Daily World», 17.I.1985.

**Даллас. «Биг Ди — город 2000 года!» — восклицает далласец...
(фото автора)**

Этот район Балтимора туристы не посещают

Он не позировал — он работал, хотя ему вряд ли минуло 12 лет

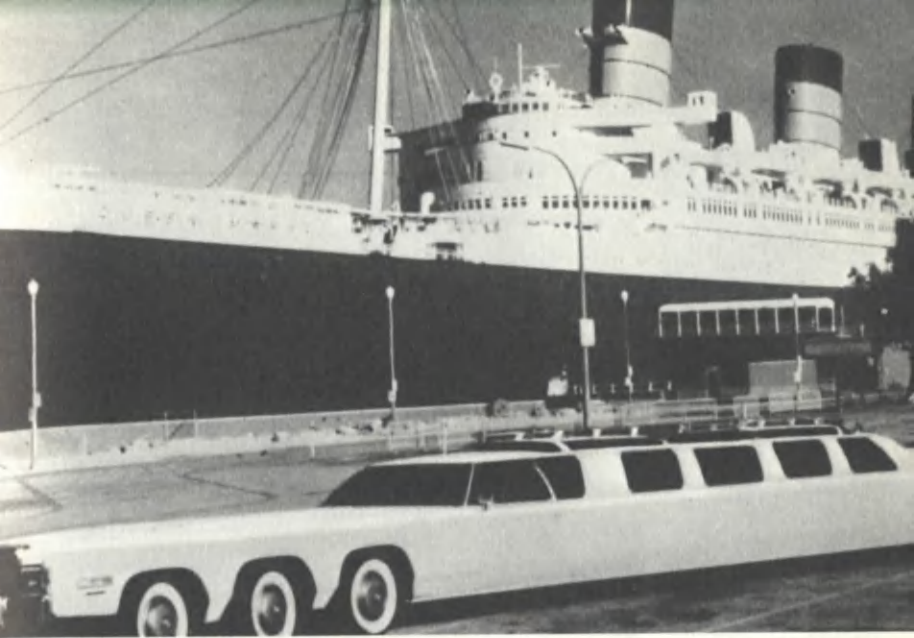

В разгар предвыборной кампании, Лос-Анджелес, 1960 год

Один на один с Белым домом (фото автора)

За «благотворительным супом»

**В обществе «равных возможностей»
вверху: легковой автомобиль «Американская мечта», 18 м
длины, салон на 50 персон, плавательный бассейн**

внизу: он пользуется «благами» Центрального парка Нью-Йорка

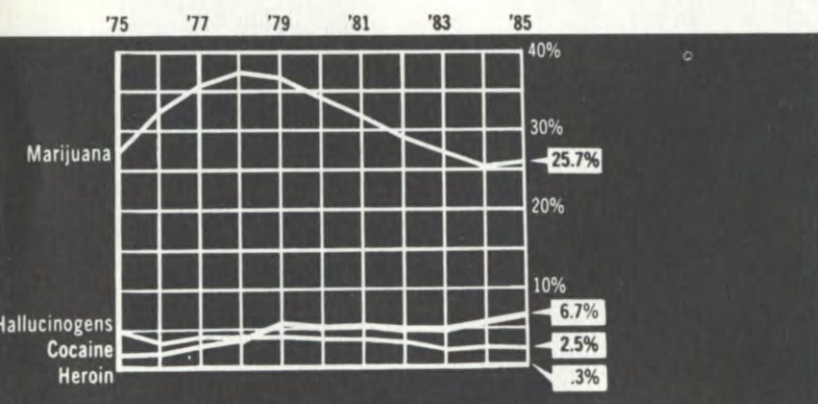
**Жить в современной Америке
Энтузиасты защиты окружающей среды**

На городской окраине

Музей современных искусств в Нью-Йорке

В поисках работы, по дорогам Америки

«Зелье» дает возможность уйти от действительности

Потребление наркотиков в высших учебных заведениях Америки

EMPLOYMENT COMMISSION

Биржа труда

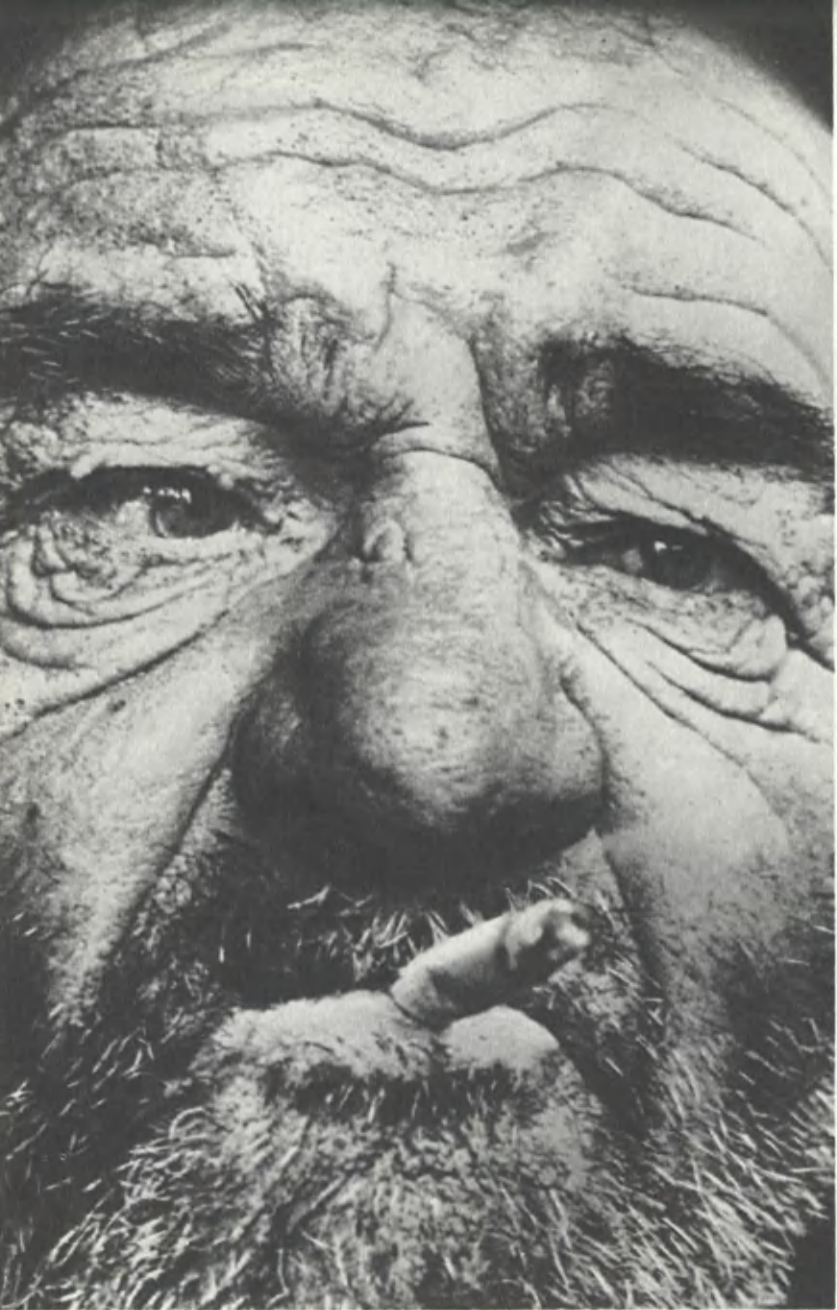

Против войны во Вьетнаме, лежащая демонстрация в Нью-Йорке

Куклуксклановцы у здания городского муниципалитета, Мериленд (штат Коннектикут)

За идеалы Мартина Лютера Kinga

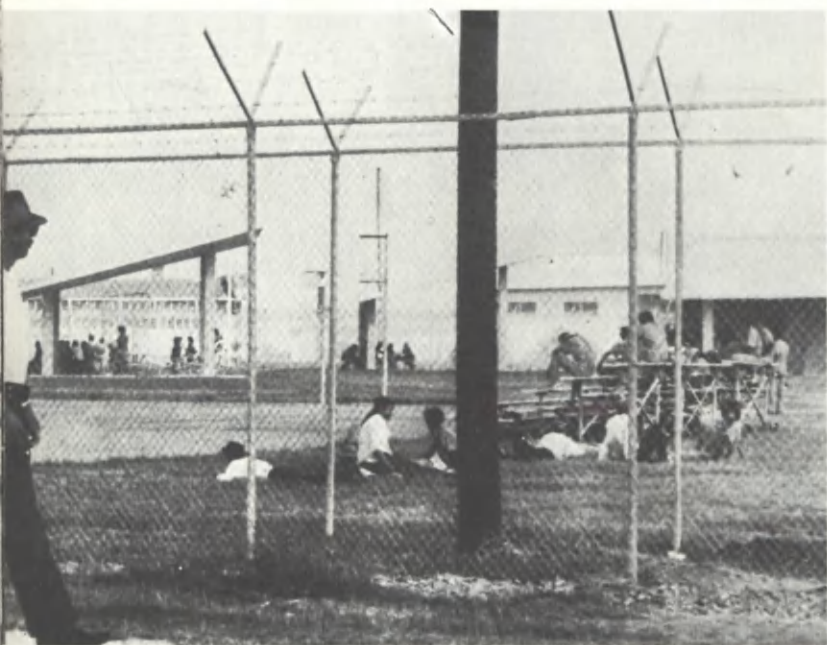

Осколки мечты ранят больно: 65-летний Джонни Эдвардс уже 15 лет живет в списанном автобусе

Досье на каждого американца? Для борьбы против похищения детей — у младенцев берут отпечатки пальцев.

Нужно уметь обороняться: преступность в стране растёт

Сборище американских нацистов, на транспаранте: «Власть белым!»

«Демократия» за колючей проволокой

Равенство для всех, или свобода по-американски

Пикет бастующих у здания корпорации «Катерпиллер трэктор компани»

Марш «За всеобщее ядерное разоружение!» от океана до океана (1.III.—15.XI 1986 г.)

можно обманывать всех. Можно все время обманывать нескольких людей, но нельзя все время обманывать всех». Ибо жестокая действительность стучится в дверь. Зловещие толчки сотрясают здание американской экономики, обнажая ее глубинные слабости. Еще до того, как Рейган официально был провозглашен президентом во второй раз, многие специалисты, предприниматели и политические деятели предупреждали (безуспешно!) о той опасности, которую представляет собой огромный дефицит федерального бюджета и гигантский государственный долг, достигший к концу 1984 года астрономической цифры 1,6 триллиона долларов. И этот долг растет угрожающими темпами, поскольку ежегодно дефицит платежного баланса не покидает отметки 200 миллиардов долларов. Только проценты по долгу составили в 1984 году 110 миллиардов долларов — сумму, превышающую весь национальный бюджет такой страны, как Франция.

Оценивая сложившееся положение, президент Федерального резервного банка Пол Волкер забил тревогу: «Мы оказались в совершенно невыносимой ситуации. Из крупнейшего в мире кредитора, каковым Соединенные Штаты были прежде, они превращаются сейчас в самого крупного должника. Уже к концу 1985 года их внешний долг превысит сумму долга Бразилии»*.

Странное получается это «оживление», основанное не на «внутреннем потенциале американского капитализма» и не на рейгановских гарантиях, а на взятых займы миллиардах. Признание этого факта побудило бывшего канцлера ФРГ Гельмута Шмидта заявить, что наблюдаемое в США «оживление» в значительной мере оплачено другими народами**. В свою очередь генеральный директор Международного валютного фонда Жак де Ла Розьер сказал, что «дальнейшее развитие Соединенных Штатов при нынешних темпах будет зависеть от того, насколько долго им будет обеспечен приток капиталов из-за рубежа»***.

Но в какие же сферы вкладываются эти взятые в долг миллиарды долларов? Ответ прост: их поглощают фантастические военные расходы.

В течение трех последних десятилетий на эти чудовищные затраты уходило 30% федерального бюд-

* «International Herald Tribune», 7.II.1985.

** «Time», 25.II.1985.

*** «Le Monde Diplomatique», mars, 1985.

жета, что и является основной причиной бюджетного дефицита и постоянной потребности в новых займах. С 1946 по 1980 год общая сумма военного бюджета США достигла 5 триллионов долларов, или в 3,5 раза превышает расходы Соединенных Штатов во второй мировой войне. «Маркс подчеркивал, что, расходуя деньги на войну—а сюда включаются все военные расходы в целом,—страна просто-напросто выбрасывает на ветер часть своих богатств,—отмечает американский экономист Эдвард Бёрстайн.—Сумма богатств, выброшенных на ветер Соединенными Штатами в послевоенный период, равна общей стоимости всего их основного капитала в объеме 1980 года. Таким образом, получается, что Соединенные Штаты выбросили на ветер все свои заводы, все шахты, все железные дороги, все административные и жилые здания, все склады готовой продукции... С помощью этих денег можно было бы построить для каждой американской семьи дом стоимостью 90 тысяч долларов. Можно было бы отстроить всю страну заново—от погребов до чердаков...»

Хотя многие американцы готовы приветствовать военные операции, проводимые без особых затрат, а также не чреватые большими человеческими потерями—ну, такие, как интервенция на Гренаде, разрекламированная как «крупная победа» над коммунизмом,—им не слишком нравится ввязываться в авантюры, которые могут породить новые Вьетнамы, и еще более сдержанны они в отношении глобальной политики «с позиции силы», которая может привести к прямой конфронтации и столкнуть мир в ядерную бездну.

Прислушивающийся к рекомендациям своей «команды» советников, прекрасно осведомленных обо всех перепадах в американских общественных кругах, Рональд Рейган, который с момента прихода к власти не прекращал проповедовать «жесткий» курс во внешней политике и многократно демонстрировал свою приверженность духу «холодной войны» в отношении Советского Союза, вдруг за несколько недель до президентских выборов резко изменил тон своих речей. И человек, которого карикатуристы изображали не иначе, как в виде ковбоя с револьвером в руке и пальцем на взведенном курке, враз преобразился в «добротного-дедушку-который-только-и-думает-о-своих-внучатах-и-хочет-чтобы-они-жили-в-мире-без-войн».

Именно за такого Рейгана, прекращенного и подлакированного лучшими специалистами по политической рекламе, и голосовали американские избиратели. Они голосовали за того Рейгана, который на самом деле имел мало общего с истинным Рейганом и «рейганомикой», ярко проявившимися во время первого срока его пребывания в Белом доме.

Слова о мире—и до, и после выборов—не оказывают никакого влияния на главное направление внешней политики, где по-прежнему речь идет о достижении военного превосходства над Советским Союзом, в частности с помощью разработки и осуществления программы так называемой «стратегической оборонной инициативы» (называемой еще «звездными войнами»), которая, если проект осуществится, обеспечит Соединенным Штатам потенциал превентивного ядерного удара и откроет путь к новой эскалации гонки вооружений.

Американское правительство, судя по всему, не торопится перекрыть поток миллиардов, предназначенных на военные расходы. А не торопится оно сделать это еще и потому, что те, кто извлекает наибольшие прибыли от заключенных с Пентагоном контрактов, постоянно наращивают свое влияние на принятие военно-политических решений. Золотой дождь, льющийся на транснациональные корпорации, связанные с производством военной техники,—это неслыханное размывание, грабеж общественной казны. Расследование, проведенное службами американских военно-воздушных сил, показало, например, что 6 из 10 наиболее крупных поставщиков военной техники получали за каждый час своей деятельности в 15—20 раз больше, чем в среднем по другим предприятиям Америки. А разница—надо ли это уточнять?—попадала отнюдь не в карман трудящихся. Так, компания «Пратт и Уитни» (авиационные моторы), которая своим квалифицированным рабочим платит 16 долларов в час, выписывает заказчику счета, исходя из 195 долларов за каждый рабочий час. «Рокуэлл интернэшнл» за час платит 15 долларов, чтобы затем с государства получить 200 долларов. Некоторые компании—их названия не были преданы гласности подкомиссией сената, занимавшейся этим расследованием,—поставляли военно-воздушным силам электрические кофеварки по 7622 доллара за штуку, а обычные карманные фонарики—по 180 долларов*. Рекорд по-

* «International Herald Tribune», 18.IV.1985.

била «Дженерал дайнэмикс», которая оценила в 9606 долларов каждый гаечный ключ в наборах, названных для такого случая «специальными», в то время как точно такие же продаются в скобяных лавках по 12 центов за штуку*. Журнал «Ньюсуик» подсчитал, что из 1,6 триллиона долларов, которые пойдут на военные расходы в ближайшие 5 лет, 50 миллиардов уйдут в неизвестном направлении. И, понятно, поступят не каждому встречному...

Чтобы выдержать эти беспрецедентные расходы, Америка не прекращает обращаться за деньгами к заграничным источникам. «Поэтому,— писала в начале 1985 года «Интернэшнл геральд трибюн»,—учетные ставки в американских банках и курс доллара за границей должны оставаться на очень высоком уровне. Однако, поскольку курс доллара за четыре года поднялся на 50%, американским производителям все труднее поддерживать экспорт своих товаров на должном уровне...»**

И в самом деле, с конца 1980 года (когда заканчивался срок пребывания Картера на посту президента) до конца 1984 года дефицит американского торгового баланса вырос в пять раз—с 24,3 миллиарда долларов до 125 миллиардов. «В упадок,—отмечала газета «Монд дипломатик»,—приходят не только традиционные отрасли промышленности (сталеплавильная, угольная, автомобильная). Весь промышленный комплекс Америки, за исключением отраслей, прямо связанных с военным производством, не смог преодолеть ни самого спада, ни его структурных проблем. В промышленной сфере американцы, по всей видимости, больше не способны удерживать место первой мировой державы и противостоять конкуренции... Во всех отраслях, за исключением электроники, за последнее десятилетие Соединенные Штаты утратили свои позиции, и их промышленность начинает давать сбои. Куда ни кинь взгляд—в деревообработке и строительстве, в инженерных разработках и машиностроении, в текстильной и обувной отраслях промышленности, в производстве сельскохозяйственной техники и нефтепереработке, выпуске бытовых приборов, роботов, телевизионной и видеоаппаратуры и многих других,—страна сбавляет темп...»*** Этот упадок не может не обернуть-

* «Daily World», 16.X.1984.

** «International Herald Tribune», 18.IV.1985.

*** «Le Monde diplomatique», juin 1985.

ся новыми, жестокими испытаниями для американского рабочего класса, и без того в последние годы тяжело пострадавшего. Так, согласно оценкам директора Института международной экономики Фреда Бергстена, в отраслях промышленности, работающих на экспорт или конкурирующих с импортными изделиями, число рабочих мест к 1986 году сократится на 3 миллиона.

Сельскохозяйственному сектору также не удастся удерживать экспорт на прежнем уровне: с 1982 по 1984 год продажа зерна и сои за границу снизилась на 20%, кукурузы — на 23%. Наиболее ощутимым следствием этого явилось разорение сотен тысяч мелких и средних фермеров. Большинство фермеров проявляли доверие Рейгану и голосовали за него. Но в тот момент, когда им понадобилась помощь, государство бросило их на произвол судьбы и стало оказывать поддержку тем, кто посильнее и был способен «выстоять». Точно так же администрация повела себя и в отношении испытывающих затруднения банков, банкротства которых стали повседневным явлением. Правительство позволяет самым мелким гибнуть и оказывает поддержку самым мощным, таким, как «Континентл Иллинойс», который, находясь в апреле — мае 1984 года на краю краха, получил от государства «помощь» в 4,5 миллиарда долларов. Подобная перекачка общественных средств, осуществляемая в интересах транснациональных корпораций, не мешает Рональду Рейгану и его «команде» выдавать себя за сторонников «снижения роли государства» и его «невмешательства» в экономику. Однако этот принцип, похоже, действует лишь тогда, когда речь идет о мелких предприятиях и маленьких людях — разоряющихся фермерах, безработных, престарелых, больных или отчаявшихся. Это вполне вписывается в логику президента: пусть сильные выживут и тем хуже для слабых! Таков закон природы, и грешно идти против него, как утверждают «социальный дарвинизм» и вдохновляемая им «рейганомика».

«Соединенные Штаты столь богаты, столь могущественны и обладают столь мощными ресурсами, что, несмотря на все трудности, которые для других были бы роковыми, выйдут из них с честью...» Так считают иные обозреватели, не отрицающие тяжести экономического положения, в котором оказалась рейгановская Америка, но и не способные представить себе, что

однажды оно перейдет допустимые границы.

Действительно, ситуация с грехом пополам может поддерживаться на прежнем уровне, и постепенное загнивание будет сохраняться еще долгое время. Однако совершенно очевидно, что эти трудности сами собой не «рассосутся», а будут нарастать—как в самой Америке, так и в странах, которые продолжают за нее «цепляться».

Незадолго до Великой депрессии 1929 года американские экономисты и политические деятели, за исключением разве нескольких кассандр, которых никто и слушать не хотел, излучали оптимизм. «В начале своего президентского срока в 1929 году Герберт Гувер заявил—не так ли теперь это делает Рональд Рейган?!—что Америка идет вперед,—отмечает обозреватель газеты «Интернэшнл геральд трибюн».—Тогда президент говаривал даже, что видит время, когда с божьей помощью бедность будет из Соединенных Штатов изгнана... Но,—иронизирует автор,—бог отказался сотрудничать, и спустя полгода, после въезда Гувера в Белый дом разразился кризис... В 1933 году, передавая полномочия Рузвельту, Гувер сказал: «Мы исчерпали все средства». Свобода рынка показала, до какой степени она может быть коварной... Попытки Рузвельта выправить положение не давали результата, пока военные заказы не вернули экономике относительно процветание»*.

Америка и мир 80-х годов уже не те, что в 30-х, да и Рональд Рейган не Герберт Гувер. Но новый серьезный экономический спад отнюдь не невозможен. Если исключить вероятность ядерной войны, самоубийственной и для Соединенных Штатов, и для всего человечества, какой «новый курс» мог бы предложить американскому народу новый Рузвельт? Не попытаются ли в момент острого кризиса представители правящей олигархии—в частности, те, кто связан с военно-промышленным комплексом,—прибегнуть во имя «спасения порядка» к «решительным мерам», за которые ратуют фашиствующие и воинственно настроенные экстремисты? Как бы тогда реагировал американский народ, который столь долго обманывали и которым столь очевидно пренебрегали?

Ничто не предначертано, и заниматься пророчествами—дело пустое. Однако один вывод напрашивается

* «International Herald Tribune», 5.II.1985.

ется сам собой: Америка, сверхвооруженная ядерными бомбами, присутствующая на всех континентах и на всех морях, выкачивающая капиталы из западных стран и поглощающая значительную часть богатств «третьего мира», эта Америка больна и никакие пышные тирады Рейгана не в состоянии что-либо изменить. И правителям Вашингтона—каким бы ни был президент, который на очередной срок займет Белый дом,—будет все труднее и труднее скрывать эту суровую истину.

ЭТО — ДРУГАЯ АМЕРИКА

Спокойствие — лишь видимость. В глубине же нарастают толчки, чреватые взрывом противоречия. Они, несомненно, вырвутся наружу в исторически обозримом будущем.

*Пол М. Суизи,
американский экономист*

Восьмидесятилетний Дж. Уильям Фулбрайт по-прежнему занимает кабинет юридического консультанта фирмы «Хоган и Харстон» на Коннектикут-авеню в Вашингтоне. И хотя с 1974 года он больше не сенатор от штата Арканзас, ибо проиграл на выборах кандидату от демократической партии, его все еще по-прежнему величают сенатором, а сам он, как и в те времена, когда возглавлял сенатскую комиссию по иностранным делам, продолжает публично высказывать свое мнение о политике страны.

Он делает это с искрометным остроумием, тонкой иронией и нескрываемым пренебрежением к тому, что могут подумать о его словах в Белом доме и Пентагоне. Небольшого роста, скромной внешности, с живыми молодыми глазами, он сохранил манеры университетского профессора, которым он некогда был.

В сенате он отличался от остальных, не был любим членами конгресса, но пользовался их уважением. Во времена «охоты на ведьм» он был единственным в сенате, кто решительно выступил против Джозефа Маккарти и проголосовал против выделения специальных ассигнований пресловутым комиссиям по расследованию антиамериканской деятельности.

Будучи председателем комиссии сената по иностранным делам, Фулбрайт неустанно боролся за прекращение войны во Вьетнаме, за международную разрядку, против поддержки, оказываемой правительством Соединенных Штатов экспансионистской политике Израиля. За выступления по разоблачению засевшего на Капитолийском холме мощного произраильско-

го лобби его обвиняли в антисемитизме, а он лишь пожимал плечами. Позднее он выражал свое глубокое несогласие с американским вмешательством в Центральной Америке, в Ливане и осудил оккупацию Гренады. «Подумать только, после вторжения на этот крошечный остров они раздали восемь тысяч медалей! Восемь тысяч! Часть из них пошла людям, остававшимся все это время в Пентагоне! Смех, да и только! Если теперь настоящий герой и получит медаль, то будет о ней невысокого мнения...»

Фулбрайт безраздельно осуждает внешнюю политику Рейгана, что делал и в отношении Джимми Картера... «Это высокомерная политика»,— пишет он. (Одна из его книг так и называется «Высокомерие власти».) Он также считает высокомерием тратить около 300 миллиардов долларов в год на безумную гонку ядерных вооружений и выполнять в мире роль «грубой силы».

«Римляне на протяжении веков кичились своим господством над миром и пыжились от гордости, но их империя в конце концов распалась и рухнула... На протяжении целых десятилетий англичане надменным взглядом окидывали империю, над которой никогда не заходило солнце. Однако это не способствовало тому, чтобы Ливерпуль стал более пригодным для жизни городом, и детям шахтеров из Уэльса не прибавило ни здоровья, ни сил. А потому, несмотря ни на что, солнце в конечном итоге закатилось...»

Уильяма Фулбрайта беспокоит то упрощенчество, с которым Рейган пускается в пропагандистские кампании, окрещивая Советский Союз «империей зла». «Почему,—спрашивает он,—мы не способны рассматривать существование России как свершившийся факт? Она существует, и мы ничего не можем с этим поделать. Как родинка у меня на щеке: она мне не нравится, но я с ней смирился. Мне отвратительна выдумка о том, что русские—это чудовища. Мы повторяем ее так часто, что люди в конце концов начали в это верить. Надо быть бдительными: есть пророчества, которые сбываются сами по себе. Стоит только начать разговоры о том, что ядерная война неизбежна, и уже приходится совершать какие-то действия, что вызывает ответные действия, а это и ведет к войне...»

Противовесом этой политике является разрядка, и «это правильный путь», заключает Фулбрайт*.

* «The Washington Post», 6.V.1984.

Что это, выступление одиночки? Старикан так не считает. Напротив, он уверен, что лучше многих других выражает подлинные чувства десятков миллионов американцев. Он также верит, что вопреки Рональду Рейгану и всем тем, кто основывает свою политику, исходя из неизбежности «конфронтации», здравый смысл «прагматически мыслящего народа, не обременяющего себя идеологией», в конце концов, как и в прошлом, возобладает над истерией «охотников на ведьм» и «ястребов».

В подтверждение правоты сенатора Фулбрайта можно и в самом деле отметить, что, несмотря на непрекращающуюся кампанию по разжиганию ненависти и страха (на которую тратятся огромные средства), американцы в конечном счете довольно успешно сопротивляются—на свой манер—попыткам военизировать их сознание, и они прекрасно понимают, к чему могла бы привести ядерная война. И у прагматизма есть хорошие стороны. «Нам не нравятся коммунисты, а мы не нравимся им, но мы живем на одной планете,—говорит Роберт Дж. Каласки, главный редактор газеты профсоюза механиков (570 тысяч членов).—Мы могли бы уничтожить Советский Союз, равно как и Советский Союз—уничтожить Соединенные Штаты. Именно из этого и надо исходить в своих рассуждениях как русским, так и нам. Убежден, что они не сумасшедшие и не больше нас стремятся к самоуничтожению. Теперь мы оказались в такой ситуации, когда не может быть иного решения, как вместе сесть за стол переговоров. От этого нам никуда не уйти. Мне не нравится коммунизм, но при этом не могу согласиться, что—как мне говорят—надо навести порядок в Никарагуа потому-де, что там наступают коммунисты и они угрожают нам. Меня на этот крючок не поймаешь. Думаю, что тамошним народам просто надоело жить в нищете, надоело подвергаться эксплуатации американским Большим Бизнесом».

Не все профсоюзные лидеры высказываются столь ясно. Председатель АФТ—КПП Лейн Керклэнд, например, вместе с Генри Киссинджером отправился в Центральную Америку, чтобы «агитировать» за политику Рейгана. Однако, столкнувшись с позицией первичных профсоюзных организаций (которые все чаще высказываются против американского вмешательства в Никарагуа и Сальвадоре, за замораживание ядерных

вооружений и сокращение военного бюджета), он с тех пор был вынужден в чем-то пересмотреть свои позиции. «Мы остаемся сторонниками сильной обороны,— заявил он в феврале 1985 года, когда печать обсуждала проект бюджета,—но мы также выступаем за сильную экономику и социальную справедливость. Мы поэтому не поддерживаем увеличение военного бюджета за счет сокращения жизненно важных для страны ассигнований на социальные программы»*. Руководство АФТ—КПП, упорно придерживающееся патологического антисоветизма, за что и пользуется репутацией «ястребов», до последнего времени неизменно поддерживало увеличение военного бюджета. Видимо, несмотря на упоминание о «сильной обороне», в их традиционных позициях наметился определенный «поворот».

Незадолго до президентских выборов 1984 года Фонд информатики и Институт анализа внешней политики провели опрос, широко освещавшийся в прессе, в том числе на страницах «Нью-Йорк таймс». Данные этого опроса подтверждают новое отношение американского общественного мнения к основным вопросам войны и мира: 83% американцев (против 13%) считают, что «ограниченный ядерный конфликт между великими державами перерастет в мировую войну»; 89% (против 9%) убеждены, что в такой войне не может быть победителей; 96% (против 3%) думают, что «в мире, начиненном ядерным оружием, ввязываться в войну с Советским Союзом было бы слишком опасно»; 92% (против 5%) полагают, что «если Соединенные Штаты создадут более мощный, чем у Советского Союза, атомный потенциал, то последний просто-напросто станет наращивать ядерную мощь и не успокоится, пока не догонит США». Наконец, если 69% американцев предполагают, что «русские попытаются распространить коммунизм на другие страны», а 62% верят, что «они понимают лишь язык силы», то 70% (и 80% среди тех, кто получил среднее образование) считают «крайним упрощением утверждать, что во всем, что не ладится в мире, виноваты русские». В то же время 81% американцев не ведают (ну кто им об этом скажет?!), что официальная, недвусмысленно выраженная доктрина их правительства предусматривает необходимость применения ядерного оружия первыми. «В безвыходных обстоятельствах»,—добавляют,

* «International Herald Tribune», 21.II.1985.

правда, его представители, чтобы, так сказать, соблюсти нравственность.

Проявление в американском обществе огромного стремления к миру очевидно, но оно распылено среди множества течений, групп, партий, движений, клубов, различных религиозных и гражданских деятелей, которые действуют разобщенно и не имеют связей между собой. В этом ансамбле относительно сплоченной силой выступает только католическая церковь, насчитывающая 50 миллионов верующих. Позиция католических епископов, борющихся за запрещение ядерного оружия, которое при любых правительствах они рассматривают как смертный грех, их неприятие рейгановской политики в Центральной Америке ныне составляют важный фактор американской политической жизни. «Несмотря на угрозы и запугивания со стороны администрации Рейгана, мы без доли сомнения должны быть твердыми и заявить: да, то, что мы говорим и делаем, имеет политический резонанс», — отмечает преподобный Рейд Майо, пастор прихода св. Моники в г. Барре, в штате Вермонт. (Его маленькую церковь часто использует местная профсоюзная организация для проведения собраний.) В течение долгого времени католическая церковь оставалась церковью иммигрантов, церковью «закомплексованной», страшившейся высказываться из боязни прослыть «неамериканской». Нынче другие времена, и многие из наших епископов принадлежат к поколению, которое боролось против войны во Вьетнаме. Это дало им иное, чем в прошлом, понимание мира. Католическая церковь, несомненно, пользуется в Соединенных Штатах влиянием большим, чем во многих других промышленных странах. Она может играть важную роль. Она и должна это делать, ведь речь идет о самой жизни, о будущем человека, и церковь должна сказать свое слово в отношении крупных проблем современности. Например, как помешать расправе над народом Никарагуа (а это могут сделать «от имени американцев»), как донести до всех нашу постоянную заботу о том, чтобы не дать ввергнуть человечество в ядерную войну.

Центр оборонной информации, созданный в Вашингтоне офицерами в отставке (причем многие из них, подобно его директору контр-адмиралу Джину Лароку, обладают высокими воинскими чинами), выступает за замораживание ядерных арсеналов и последовательно борется с дезинформацией общественности по всем вопросам, касающимся военного бюджета Вашингтона

и взаимоотношений между США и СССР в военной сфере. Существование подобной ассоциации, объединяющей бывших генералов, служивших в военно-морских и военно-воздушных силах и знающих, что такое ядерное оружие, также красноречиво свидетельствует об эволюции мышления в различных слоях общества.

Редкий день на улицах американских городов не видно демонстраций, и совсем не бывает такого, чтобы активисты многочисленных комитетов сторонников мира, борьбы за гражданские права, солидарности с Никарагуа и т. д. не выставили своих плакатов у решеток Белого дома. В тех или иных случаях они собираются вместе и проводят демонстрацию за мир и разоружение, как это было в июне 1982 года в Нью-Йорке. В марте 1983 года в Вашингтоне по случаю 20-й годовщины знаменитого Марша за гражданские права их собралось полмиллиона. «Движение широкое, как река, но глубиной в палец»,—высказался некий комментатор. Нет, воля к миру и справедливости так же широка, как и глубока. Однако носители этих идей становятся добычей насаждаемых властями расколов и предрассудков, и они еще не знают, как объединиться, чтобы их голоса звучали в унисон.

«Сегодня антикоммунизм отступает в Соединенных Штатах, и коммунистам легче добиться, чтобы их услышали...» Это было сказано Генри Уинстоном—ветераном движения за равноправие негров, Председателем Коммунистической партии США, который не один год провел в тюрьмах, где из-за отсутствия должной медицинской помощи потерял зрение*. Это суждение настолько удивительно, что, услышав его впервые, задаешься вопросом, не ослышался ли ты. Услышав во второй раз, начинаешь думать, что в нем отражено не столько действительное положение вещей, сколько «неизлечимый оптимизм коммунистов», и что американские коммунисты обладают им в большей степени, чем их товарищи в других странах, хотя бы из желания таким способом компенсировать уныние окружающего их политического пейзажа.

И однако приходится признать, что мнение это разделяют все встреченные мною американские коммунисты. Атмосфера, в которой они ведут свою борьбу, уже не та, что в эпоху «охоты на ведьм». Даже если

* Скончался 13 декабря 1986 года.— *Прим. ред.*

антикоммунизм остается постоянно поддерживаемым фактором политической жизни в Америке, сфера деятельности коммунистов значительно расширилась, несмотря на малочисленность их партии, насчитывающей около 25 тысяч членов. Полмиллиона собранных в течение нескольких недель подписей в поддержку права выдвинуть своего кандидата на президентских выборах примерно в половине штатов (что соответствует требованию закона) свидетельствуют не только о мужестве и энтузиазме коммунистов, но также и о том, что их «воспринимают» те, к кому они обращаются. «Еще 10 лет назад,—говорит молодая негритянка, собиравшая подписи у большого магазина в Кливленде,—делать это было гораздо труднее. Часто нас оскорбляли прохожие, нам даже угрожали (почему-де вам не отправиться в Москву, раз вы считаете, что там дела идут так хорошо?). Подобное сегодня услышишь, право, редко. Конечно, я не строю иллюзий. Те, кто ставит подписи, не обязательно согласны с коммунистами, но прежней, откровенной всеобщей агрессивности уже нет; можно поговорить с людьми, особенно с рабочими, на которых тяжело отражаются экономические трудности. Многие говорят: «Я ставлю подпись, поскольку не вижу, почему и вам не иметь права участвовать в выборах и не защищать свои идеи. Идея терпимости очень распространена среди американцев. Даже среди тех, кто против нас (их, разумеется, большинство), уже нет былой истерии. Более того, они готовы обсуждать, дискутировать. Особенно негры. У них мы практически никогда не встречали отказа, и все они знают Анджели Дэвис...»

Во время президентской кампании 1984 года кандидаты коммунистов (Гэс Холл и Анджела Дэвис) впервые получили доступ к микрофонам многочисленных местных радиостанций и смогли обратиться к десяткам миллионов людей. «В прошлом,—говорит Гэс Холл,—нас никогда не пускали на радио. На этот раз приглашений было даже слишком много, и мы не смогли удовлетворить все просьбы. Почему нас приглашают? Я думаю потому, что мы высказываемся наиболее откровенно о существовании «рейганомики» и ее различных проявлений. Видимо, это придает передачам «тонус». Несколько лет назад университеты тоже закрывали перед нами свои двери. Когда там хотели организовать лекцию на тему о том, что такое комму-

низм или что думают коммунисты по поводу той или другой конкретной проблемы, они (естественно!) обращались к специалистам по антикоммунизму. Сегодня университеты приглашают самих коммунистов. Ни скандалов, ни враждебных выпадов. Напротив, нас внимательно слушают и задают серьезные вопросы».

Гэс Холл, Анджела Дэвис и другие лидеры американских коммунистов побывали таким образом в Йельском, Бостонском, Стэнфордском, Колумбийском и других университетах, а Анджела Дэвис даже появилась перед аудиторией профессоров и студентов в ультрареакционном Далласе. У людей новое отношение и новый интерес, хотя закоренелый антикоммунизм еще далеко не изжит, а возврат к маккартизму не исключен.

Один въедливый журналист отметил, что «успех Рейгана объясняется тем, что на сложные вопросы он дает простые ответы, и это как раз то, что нужно американцам». Но в том-то и дело, что все наоборот: десятки миллионов американцев этим более не удовлетворяются—те, кто впервые задумывается над вопросом, что же представляет собой общество, которое, утопая в богатстве, терпит и усугубляет бедность, социальную несправедливость, преступность и обрекает на отчаяние миллионы и миллионы человеческих существ. И не только малочисленные группировки и отторгнутые обществом парии осмеливаются усомниться в системе. Задумываются и более широкие круги общественности, до последнего времени дружно воспевавшие счастье жить под знаменами свободного предпринимательства. Даже католическая церковь, хотя в самой системе не разуверилась, отразила это нарастающее разочарование. В ноябре 1984 года американские епископы опубликовали большой документ, квалифицирующий нищету, в которой живут десятки миллионов их соотечественников, как «морально неприемлемую».

Такие лидеры, как Джесси Джексон и другие деятели негритянской, латиноамериканской и индейской общин, придерживаются еще более суровых суждений. Так же как рядовые члены профсоюзов, как рабочие, принесенные в жертву модернизации и низвергнутые в пучину безработицы, они испытывают—даже если им еще трудно это выразить—потребность в коренных преобразованиях, которые ни республиканцы, ни демократы—эти зубчатые колеса системы—не способны осуществить. И среди этих вопросов, которыми они задаются, все чаще возникает тот, который до

сих пор считался святотатством: «А что, если в конечном счете во всей этой чудовищной неразберихе повинна сама капиталистическая система?» Как отмечал один профсоюзный деятель, среди рабочих зреет нечто новое: «социализм» перестал быть бранным словом.

«Я вырос в Филадельфии в очень бедной семье. Ни работы, ни профессии. При моей ситуации отправиться во Вьетнам было не худшим вариантом. Мне было 24 года. В голове полное отсутствие каких бы то ни было самостоятельных мыслей, только те, которые мне вбили. Я ехал принести свободу, я ехал на битву за американские идеалы (самые прекрасные в мире!), для того, чтобы защищать там свою страну. За месяц — этого оказалось достаточно — я увидел воочию, чем была эта война. Народным бедствием, повсеместной коррупцией, бессмысленными убийствами. Когда я это понял, меня захватила ненависть к войне. Сначала я отказался носить оружие. Меня, как санитаря, к этому не принуждали, но стали посылать туда, где шли горячие бои. Порой, перевязывая какого-нибудь тяжело раненного парня, которого предстояло тащить, я думал: «Вот я его выхожу, он выздоровеет, и его снова пошлют на эту омерзительную бойню, а если не перевяжу, он умрет...» Спустя некоторое время я приехал на побывку домой. Моя жена — она из квакеров* — устроила так, чтобы я дезертировал. Я не возражал, согласился уехать за границу. Она нашла какой-то ход и отложила необходимую сумму. Но в последний момент я отказался: я понял, что не могу бросить товарищей, многие из которых были еще моложе меня, доверяли мне, и они остались там. В этом аду, без малейшей надежды выбраться оттуда. Вернулся назад и опять пошел в санитары...»

Джек Макклоски относительно молод, но это уже поседевший мужчина с печальной улыбкой. Он один из основателей ассоциации «Ветераны Вьетнама — за мир» со штаб-квартирой в Сан-Франциско. За это, когда еще шла война, несколько раз отсидел в

* Квакеры — религиозное протестантское объединение. Традиционно придерживаются либеральных взглядов. В свое время сыграли важную роль в борьбе за отмену рабства. В последние годы они высказались против вмешательства США в дела Центральной Америки, за ядерное разоружение. Они выступали также с разоблачениями войны, которую США вели во Вьетнаме.

тюрьме. Теперь его организация изменила свое название. Ее новое название — «Мечи на орала» — заимствовано из Библии: «И перекуют мечи на орала, а копья свои на серпы, не поднимет народ на народ меч и не будет более учиться воевать».

Вернувшись из Вьетнама, раненый и, как говорится, в крестах, Джек Макклоски оказался безработным. Тогда, будучи еще в военной форме, он случайно попал в колонну антивоенной демонстрации в Сан-Франциско. Молодые парни заметили его и начали скандировать: «У-бий-ца! У-бий-ца!» «Это потрясло меня,— рассказывал Макклоски.— Я вернулся домой абсолютно раздавленный, мне все было безразлично и отвратительно. Я видел, как мои товарищи по военным временам погрязали в пьянстве, становились наркоманами, порывали с семьями, где их не понимали. Я был таким же, как они. Отправляясь на войну, я твердо верил в «американскую мечту». Когда вернулся, уже ни во что не верил. «Мечта» обернулась кошмаром... И я сказал себе: если ничего не сделаю, чтобы помешать новым Вьетнамам в Центральной Америке или где-либо еще, если не расскажу другим, что мы видели и что узнали, значит, мои товарищи умерли понапрасну во второй раз... Я начал бороться, и не только за мир, но и против всей той лжи, которой меня опутали. Не против моей страны и моего народа, а против всех этих политиканов, всех генералов, которым все было прекрасно известно, против тех правителей, которые втянули нас в эту грязную войну, против тех, для кого она стала прибыльным делом, против общества, в котором мы живем и которое такое допускает. Я люблю свою страну и хочу поэтому, чтобы она явилась миру в ином образе, не таком, какой создала о себе во вьетнамской войне, не державой, которая вмешивается повсюду, чтобы защитить неправоное дело. Я хотел бы, чтобы все свои силы и все богатства она отдала на борьбу с голодом в мире, чтобы помочь народам жить лучше... Если вы будете писать книгу, скажите в ней, что не все американцы «мерзавцы», что миллионы таких, как я, стремятся не к грубому диктату, а мечтают о дружбе и мире...»

Воскрешая в памяти поездку по Америке, я вспоминаю не величественный силуэт небоскребов Нью-Йорка и не ослепительную бухту Сан-Франциско, не опустошенный Южный Бронкс, не кактусы пустынной

Аризоны и не забранную тогда строительными лесами статую Свободы. Перед мысленным взором возникают лица смелых и великодушных людей с большой, открытой для всех душой, борцов за мир, прогресс и братство. В памяти возникают лица американцев, которых мне довелось узнать. И в то же время я не могу забыть и тревожного взгляда Джека Макклоски, обращенного к Америке, с которой он связывает свои надежды.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Так можно назвать изложенные ниже пестрые факты, которые я почерпнул из американской прессы, готовясь к путешествию в Америку, и в то время, когда находился там. Предлагаю их вниманию читателя в качестве своеобразного комментария к только что прочитанной им книге.

Анри Аллер

Нью-Йорк, 22 декабря 1984 г. Четверо темнокожих парней шумно галдят в вагоне подземки. На одной из станций в вагон входит прекрасно одетый белый мужчина лет сорока, в очках с тонкой металлической оправой. Молодые люди окружают его, просят огня, сигарету, потом — пять долларов. «Чего там, у меня найдется по пять долларов для каждого из вас», — произносит тот, а затем выхватывает револьвер 38-го калибра, спокойно стреляет в подростков, выпрыгивает на платформу и исчезает. Один из четверых, которому пуля повредила спинной мозг, навеки останется парализованным. Двое других смертельно ранены.

4 января 1985 г. в полицейский участок, куда доставлен Барни Гётц — человек, стрелявший в метро (он сам заявил об этом в полицию), звонят сотни людей из Чикаго, с Гавайских островов, с канадской границы... Все они поддерживают «поборника порядка», предлагают внести за это залог или оплатить адвоката, заявляют, что выдвинут его кандидатуру на выборах мэра Нью-Йорка...

29 января 1985 г. суд обвиняет Гётца не в покушении на убийство, а всего лишь в незаконном ношении оружия.

Конец февраля 1985 г. При поддержке многих антирасистских организаций семьи жертв обжалуют решение суда и проводят митинг протеста. Между тем подсудимый стал национальным героем: его изображение — на майках, ему посвящают песни, комиксы... Средства массовой информации только и делают, что

говорят о нем. Четыре (или пять) книг, воссоздающих его «эпопею», конкурируют на книжном рынке.

Март 1985 г. В ходе нового суда Гётц (наконец-то) обвинен в попытке убийства.

Мельбурн (Флорида), февраль 1985 г. «Вы искренне любили своего дядю Сиднея? А раз так, то не станете скаречничать на его похоронах. За 3900 долларов компания «Селестис» предлагает спрессовать прах покойного и поместить его в титановую капсулу, которая будет вместе с 10 329 другими выведена самым прекрасным спутником на орбиту с апогеем в 3 тысячи километров. Сроком на 65 миллионов лет. Как видите, цена вполне скромная». (Объявление в газете.)

Нью-Йорк, октябрь 1984 г. Мисс Бэрроуз — элегантная, изысканная женщина 32 лет, из пуританской семьи, основатели которой прибыли в Америку еще на корабле «Мейфлауэр», арестована за руководство разветвленной сетью проституции «высшего класса». Оборот «фирмы» — миллион долларов в год. Ее «услугами» с помощью пятнадцати телефонных линий пользовались триста клиентов, среди которых оказались высокопоставленные деятели США и других стран, нефтяные магнаты, «звезды» спорта, кино и другие знаменитости. Мисс Бэрроуз была вынуждена передать свою поддерживаемую в превосходном порядке картотеку клиентов в распоряжение ЦРУ. Была освобождена под залог в 7500 долларов.

Майами (Флорида), март 1985 г. В одном из жилых кварталов города полицейские задержали голого мужчину, разгуливающего с отрубленной женской головой в руке. Он доверительно заявил им: «Я ее убил. В ней сидел дьявол». Незадолго до этого он был выпущен из сумасшедшего дома в связи с экономией государственных средств.

Нью-Йорк, сентябрь 1984 г. Журнал «Форбс» опубликовал список 400 владельцев самых крупных состояний. Во главе его — Гордон Гетти, сын нефтяного магната Жан-Поля Гетти. Более 4 миллиардов долларов. Затем следует Сэм Мур Уолтон, хозяин многочисленных сетей магазинов — 2,3 миллиарда долларов. На

третьем месте — Дэвид Паккард, глава электронной фирмы «Хьюлетт — паккард», — всего лишь 1,4 миллиарда. Четыреста американцев вместе «стоят» 125 миллиардов долларов, что равно сбережениям всех остальных американцев — 126 миллиардов.

Вашингтон, сентябрь 1984 г. Существует ли какая-либо связь между выплатой финансистом Бэзилем Цакосом, греком по происхождению, 50 тысяч долларов сенатору-республиканцу от Орегона Марку Хэтфилду (а точнее — его жене) и тем фактом, что означенный сенатор с пылом защищал проект м-ра Цакоса по строительству трансафриканского нефтепровода? Сенатский «комитет по этике» выразил пожелание прояснить эту тайну, но его председатель счел, что фактов недостаточно, да и вообще дело настолько заурядное, что нет смысла вести по нему расследование.

Атланта (Джорджия), июнь 1984 г. 13 тысяч долларов за бутылку «Шато-Лафит» 1806 года! Позволивший себе такую роскошь Роберт Беркович собирается выставить это знаменитое вино в своем ресторане в Бостоне.

Во время аукциона, проводившегося в Атланта впервые, 17 тысяч бутылок редких вин были проданы за 336 911 долларов.

Хьюстон (Техас), февраль 1985 г. Торгующие предметами роскоши магазины Саковича предлагают клиентам несколько редких удовольствий:

— строительство в личном саду копии римского фонтана Треви. Стоимость — 2,25 миллионов долларов;

— сооружение бассейна в форме карты Техаса, постоянно наполненного минеральной водой «Перрье» — 250 тысяч долларов;

— возможность дирижировать в течение всего вечера Хьюстонским симфоническим оркестром — 14 500 долларов.

Бостон (Массачусетс), февраль 1985 г. Группа врачей Комиссии по изучению вопроса о голоде в Америке, приданная Гарвардскому университету, опублико-

вала свои выводы. В докладе указывается, что несмотря на отсутствие точных цифр, можно обоснованно утверждать, что 20 миллионов американцев голодают по крайней мере по несколько дней в месяц. Сообщается также, что в США самая высокая среди промышленно развитых стран детская смертность.

Вашингтон, ноябрь 1984 г. В 1983 году покончили с собой более 5 тысяч молодых людей, а 400 тысяч пытались это сделать. В среднем ежедневно кончают жизнь самоубийством 14 подростков. Данные представлены Национальным комитетом по предупреждению самоубийств среди молодежи.

Спрингфилд (Иллинойс), август 1984 г. Депутат-демократ от Иллинойса Пол Саймон отправил своим избирателям следующий циркуляр: «Когда вы направляете своему депутату требование о введении нового пособия, добавьте к нему второй пункт, уточняющий, что вы согласны на увеличение налогов, которое позволит выполнить его. Если вы не согласны вписать этот второй пункт, не давайте себе труда составлять первый».

Нью-Йорк, декабрь 1984 г. Проведенный Нью-Йоркским университетом анализ положения в городе показал, что половину детей в Нью-Йорке можно отнести к категории бедняков. Полученные цифры в пять раз превышают данные 1976 года.

«Положение рискует ухудшиться» по причине безработицы, расовой дискриминации, произведенного Рейганом урезывания социальных программ. 500 тысяч ньюйоркцев будут получать меньше продовольственных талонов, а еще 600 тысяч перестанут получать их вовсе. Для справки: один продовольственный талон обходится в 40 центов (около 30 коп.) на человека и рассчитан на один прием пищи.

Майами (Флорида), май 1984 г. Муниципальный совет был раздосадован высказанной кем-то из муниципальных служащих идеей, что в конкурсе на получение титула «Мисс Вселенная» могли бы принять участие девушки из стран «восточного блока». В подкрепление

своего отказа он сослался на результаты опроса общественного мнения за 1982 год: подавляющее большинство опрошенных выступили против того, чтобы статья городского бюджета, предназначенная для расходов на различные церемонии, была использована на мероприятия, в которых приняли бы участие коммунистические конкуренты.

Лос-Анджелес (Калифорния), сентябрь 1984 г. Длинные очереди из автомобилей растянулись на несколько километров: 35 тысяч человек приехали сюда в надежде получить работу. Впервые с 1980 года портовые службы предлагали 350 рабочих мест. Кандидатам необходимо было заполнить анкету и внести 5-долларовый налог (без этого просьба о предоставлении работы недействительна). «Операция» принесла администрации порта по меньшей мере 150 тысяч долларов.

Вашингтон, февраль 1985 г. Некоторые исправительные колонии и тюрьмы были «доверены» государством частным компаниям, которым ничто не мешает сократить персонал, урезать расходы на питание и т. п.

Другие преимущества для этих компаний проистекают от того, что они могут использовать заключенных на тех или иных работах, а также в качестве «летучих отрядов» в случае забастовок на их собственных предприятиях.

Филадельфия (Пенсильвания), ноябрь 1984 г. Пожарная команда Филадельфии согласилась предоставлять неграм 12% из 1250 имеющихся у нее рабочих мест. Для этого потребовалось вмешательство арбитражной комиссии. Это решение позволило завершить длившийся в течение десяти лет процесс по иску о нарушении гражданских прав.

Саванна (Джорджия), ноябрь 1984 г. «Захватывающе! Фантастично! Вы слышали об «игре в выживание»? Десять гектаров соснового леса с демаркационной линией. Пятнадцать «воинов» в полевой форме устраиваются лагерем, поднимают знамя со своей

эмблемой, в то время как с другой стороны «границы» то же самое делают еще пятнадцать».

Игра состоит в том, чтобы захватить вражеское знамя или «убить» как можно больше солдат противника. А поскольку это игра, то патроны заряжены трудносмываемой краской желтого и оранжевого цветов, что позволяет легко сосчитать «убитых».

С 1981 года между восемью командами, добившимися «квалификации», проводятся соревнования по олимпийской системе.

В игре в общей сложности приняли участие 1800 человек (вполне взрослых).

Нью-Йорк, декабрь 1984 г. Бихан Паксад, из богатой иранской семьи, сколотил состояние, продавая носки по 55 долларов за пару, шелковые майки ценой 500 долларов, куртки и плащи, отороченные норкой, ценой от 7500 до 14 000 долларов за штуку, чемоданы из крокодиловой кожи, изготовленные при участии специальных дизайнеров... в Италии.

Он принимает своих клиентов — богачей и нуворишей — лично в помещении магазина, превращенного его стараниями в «Дворец Тысячи и Одной ночи».

Его последняя безделушка? Маленький револьвер с футляром из норки, вложенный в шкатулку из хрусталя Баккара. Стоимость: 10 000 долларов.

Нью-Йорк, ноябрь 1984 г. Полицейский чин, пытаюсь выдворить из квартиры 67-летнюю Элеонору Бамперс, задолжавшую владельцу дома 400 долларов, убил ее наповал. Негритянка была признана «психически ненормальной», так как она якобы угрожала ему кухонным ножом. Знавшие ее, однако, утверждают, что Бамперс страдала застарелым артритом и была не в состоянии самостоятельно даже причесываться. В связи с этим Национальная лига борьбы против расизма и политических преследований предъявила мэру Нью-Йорка и его администрации обвинение в выгораживании полицейских и требует наказать убийцу.

Балтимор (Мериленд), январь 1984 г. В соглашении, достигнутом между местным отделением Национальной федерации учителей, входящей в АФТ — КПП, и администрацией школьных учреждений города, значится:

«§ 20 — забастовки запрещаются, при этом:

а) профсоюз работающих по найму учителей не имеет права призывать к забастовке или руководить ею;

б) профсоюз, представляющий работающих по найму учителей и нарушивший положения данного параграфа, лишается права представлять своих членов и объявляется вне закона сроком на два года;

в) в случае нарушения положений данного параграфа наниматель прекращает выплату профсоюзу профсоюзных взносов, удержанных из зарплаты служащих в течение года».

Вашингтон, декабрь 1984 г. Рассекреченный после 20-летнего «карантина» государственный архив позволил установить, что в 1964 году американская армия устроила в аэропорту Вашингтона опрыскивание пассажиров (разумеется, без их ведома) раствором, содержащим «банальные» бактерии. Если для здоровых людей они и не представляют опасности, то, по мнению профессора микробиологии Джорджтаунского университета Артура Саца, они весьма токсичны для пожилых или для тех, у кого нарушен механизм иммунной защиты.

Данная «операция» была предпринята для того, чтобы доказать, что противнику не представило бы труда распространить в Соединенных Штатах эпидемию оспы, просто распылив ее возбудителей в аэропорту, обслуживающем внутренние линии.

Сиэтл (Вашингтон), сентябрь 1984 г. Вы не замечали, что святое писание скандально ущемляет права женщин? Нет? Так читайте же: «Господь — наш пастырь...», «Не пожелай жены ближнего своего...» и так далее. Где же справедливость?!

И вот паритетный комитет из 6 мужчин и 6 женщин, представителей нескольких церквей, действующих в Соединенных Штатах, принялся за работу. Он предполагает на первых порах отредактировать по меньшей мере 313 страниц Библии.

Отныне отдельно не будут упоминаться Авраам, Исаак или Иаков, а лишь Авраам и Сара, Исаак и Ревекка, Иаков и Рахиль.

И об Иисусе больше не будут писать «сын божий», а только «дитя божье», чтобы можно было соотнести его с любым полом.

Вашингтон, сентябрь 1984 г. Согласно результатам разносторонних исследований, предпринятых Национальной ассоциацией экономистов, расходы на медицинское обслуживание составляют для большинства жителей Соединенных Штатов проблему «номер один».

Сан-Диего (Калифорния), сентябрь 1984 г. В одной из закусочных «Макдональд» душевнобольной уложил на месте 21 посетителя. Владелец этой сети закусочных, чтобы случай был поскорее «забыт», преподнесли в дар властям города несколько сот тысяч долларов.

Сакраменто (Калифорния), апрель 1984 г. По предварительным подсчетам, для строительства десяти исправительных учреждений, необходимых штату Калифорния, потребуется 600 миллионов долларов.

Для привлечения этих средств, руководствуясь общенациональной политикой в данной области, тюремные власти штата стараются привлечь частный капитал. Проводятся различные мероприятия, лекции и т. п., в процессе которых предпринимаются попытки разжечь конкуренцию между отдельными предприятиями в строительстве этих учреждений.

Нью-Йорк, апрель 1985 г. Джеральдин Ферраро, кандидат в вице-президенты от демократов, подписала рекламный контракт с компанией «Пепси-кола». За 750 тысяч долларов она обязалась не появляться на публике (на телеэкране или где-либо еще) с другим напитком, кроме «пепси».

Вашингтон, декабрь 1984 г. Согласно расследованию, проведенному министерством юстиции в 14 штатах, четверть освобожденных из тюрьмы заключенных два года спустя вновь попадают за решетку. Треть из них попадают туда снова через три года, чаще всего за серьезные правонарушения.

Роли (Северная Каролина), ноябрь 1984 г. Ку-клукс-клан организовал «армию» из трехсот членов. «Рыцари Каролины» обучаются под руководством инструкторов из американских вооруженных сил, препода-

дающих им стрельбу, организацию засад и военное дело.

Уинстон-Сейлем (Северная Каролина), апрель 1984 г. Девять членов ку-клукс-клана и нацистской партии были оправданы судом, перед которым они предстали по обвинению в убийстве 5 активистов движения за гражданские права во время демонстрации, состоявшейся в Гринсборо в 1979 году.

Дейл Сэмпсон, жена одного из убитых демонстрантов, заявила: «Кукуклуксклановцев и нацистов такой приговор может лишь поощрить к новым убийствам».

Александрия (Виргиния), декабрь 1984 г. Трое черных активистов подали в суд на Роя Маккоя, обвинив его в расовой дискриминации, поскольку он отказался обслужить их в своем ресторане.

Теперь Маккой исправился и позволяет черным сесть за столик в его заведении; при этом он сообщает им, что чашка кофе у него стоит 500 долларов.

Роанок (Виргиния), декабрь 1984 г. Ларри Флинт обвинил в журнале «Хастлер мэгэзин» преподобного Джерри Фалуэла из реакционнейшей организации «Моральное большинство» в том, что он «пьяница».

Признав, что в этих словах нет ничего клеветнического, суд тем не менее приговорил журналиста к штрафу в 100 тысяч долларов для возмещения морального ущерба, нанесенного духовному лицу.

Вашингтон, октябрь 1984 г. Уолтер Мондейл включил в свою предвыборную программу лозунг: «Равная оплата за равный труд».

Экономический советник президента Рейгана ничтоже сумняшеся заявил, что это — устаревшая идея и что подобный принцип годен разве что для средневековья.

СОДЕРЖАНИЕ

ОСКОЛКИ МЕЧТЫ РАНЯТ БОЛЬНО — В. Цолпи	5
ОТ АВТОРА	24
МЕТРО, ГДЕ ПОСЕЛИЛАСЬ ОПАСНОСТЬ	28
ЭТО САМОЕ БОЛЬШОЕ В МИРЕ ШОУ	54
КТО РАСПЛАЧИВАЕТСЯ, ИЛИ ОГРАБЛЕНИЕ ПО-АМЕРИКАНСКИ	89
ДОЛИНА МИРАЖЕЙ	122
ПРОФСОЮЗЫ: БИЗНЕС КАК БИЗНЕС	141
МЕЖДУ ГЕТТО И «РАДУГОЙ»	167
ЧИКАНОС, ДЖЕЙ АР И «АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА»	196
БЛАГОПРИСТОЙНЫЙ ФАШИЗМ?	222
ЭТО — ДРУГАЯ АМЕРИКА	248
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ	259

Аллег А.

A50 SOS, Америка!: Пер. с фр. / Вступ. ст. В. Цоппи — М.: Прогресс, 1987.—272 с.: ил.

Известный французский историк и публицист рассказывает о сегодняшней Америке — ее проблемах и политике, о повседневных заботах рядовых американцев, о больших городах, о преступности и безработице, о наркомании и бездуховности, о богатстве и власти на одном полюсе и нищете — на другом. Книга написана на основе личных наблюдений во время путешествия по Америке «от океана до океана», что делает ее убедительной, а чтение интересным.

A 0804000000-604 — КБ — 7 — 13 — 87
006(01)-87

ББК 63.3(7 США)

А. Аллег

SOS, АМЕРИКА!

Редактор *Л. И. Двинина*

Художник *А. В. Разумов*

Художественный редактор *О. А. Барвенко*

Технические редакторы *Е. В. Левина, А. М. Токер*

ИБ № 15536

Сдано в набор 20.03.87. Подписано в печать 12.08.87. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типогр. № 1. Гарнитура Гельветика. Печать высокая. Условн. печ. л. 14,28. Усл. кр.-отт. 14,7. Уч.-изд. л. 15,02. Тираж 50 000 экз. Заказ № 514. Цена 70 к. Изд. № 42062.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

119841, ГСП, Москва, Г-21, Zubовский бульвар, 17.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» им. А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28.

Вышла в свет

Бэрчетт У. ВНОВЬ ХИРОСИМА: Пер. с франц.

Писать сегодня о Хиросиме—значит писать о самой острой проблеме—проблеме сохранения жизни на Земле. Книга известного австралийского журналиста создана на основе личных впечатлений от посещения Хиросимы, где он побывал в сентябре 1945 г., месяц спустя после атомной бомбардировки, а также в 70-х гг. Написанная в последние месяцы жизни автора, книга изобличает американский империализм, готовящий человечеству атомное побоище, содержит страстный призыв остановить надвигающуюся угрозу, предотвратить катастрофу, нависшую над планетой.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Вышла в свет

Плиссонье Г. ЖИЗНЬ В БОРЬБЕ: Пер. с франц.

В книге видного деятеля французского коммунистического движения факты личной жизни автора столь тесно переплетаются с событиями из истории Франции и деятельности Французской компартии, что предстают как цельное повествование.

Написанная в форме интервью, книга отличается доступностью изложения и вызовет интерес не только у специалистов-международников, но и у широкого круга читателей.

“Отправляясь за океан, я дал себе слово отбросить любую предвзятость. Смотреть, чтобы видеть. Слушать, чтобы слышать, не подгоняя свежие впечатления под давно сложившиеся стереотипы. Я отдавал себе отчет в том, что я не первооткрыватель Америки — великой державы, от которой многое зависит в современном мире!..

Америка меняется и будет меняться дальше.

Набатом звучит сигнал “SOS”, исходящий от терпящих жизненное крушение миллионов американцев, он перекрывает самодовольные декларации правящей элиты.”

Так резюмировал работу над данной книгой А. Аллег, видный французский публицист и историк, автор многих публикаций и ряда книг “Допрос под пыткой”,

“Красная звезда и Зеленый полумесяц”, изданных на французском, русском и других языках.

Под руководством А. Аллега и при его участии создан также 3-томный труд “Алжирская война”